Эдуард Багрицкий

Эдуард Багрицкий

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ПЕРЕВОДЫ

Пермское
книжное
издательство
1986

Р2
Б14

Тексты печатаются по изданиям: Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. — М.: Моск. рабочий, 1984. Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. — М.: Правда, 1984.

Художник М. Курушин

Б $\frac{4702010200-21}{М152(03)-86}$ 32—86

Эдуард Багрицкий родился 4 ноября 1895 года в Одессе. Революционные события не просто повлияли на становление личности юноши, они сделали из него поэта.

Багрицкий добровольно вступил в ряды Красной Армии, воевал за освобождение Украины от банд атаманов Махно и Григорьева, писал агитстихи, листовки, воззвания. Работал в Югроста, в одесских «Известиях», печатался в газетах «Моряк», «Шквал», «Станок» и др.

Вихрь революции, грозные и бурные события начала XX века навсегда определили романтический пафос поэзии Эдуарда Багрицкого. Дорога, ветер, море — любимые образы поэта, а герои его произведений — свободолюбивые бунтари.

Энергия и мужество, драматизм и лиричность, ирония и высокая героика создают особый гармонический мир поэта-жизнелюба. Сама жизнь была полна ге-

роизма, силу и радость этой жизни воспевал Эдуард Багрицкий, и творчество его — современно, взгляд поэта по-прежнему устремлен в «мир, открытый настежь бешенству ветров».

Стихотворения и поэмы

СУВОРОВ

В серой треуголке, юркий и маленький,
В синей шинели с продранными
локтями, —
Он надевал зимой теплые валенки
И укутывал горло шарфами
и платками.

В те времена по дорогам скрипели еще
дилижансы,
И кучера сидели на козлах в камзолах
и фетровых шляпах;
По вечерам, в гостиницах, веселые
девушки пели романсы,
И в низких залах струился мятный запах.

Когда вдалеке звучал рожок почтовой
кареты,
На грязных окнах подымались зеленые
шторы,
В темных залах смолкали нежные дуэты
И раздавался шепот: «Едет Суворов!»

На узких лестницах шуршали тонкие
юбки,
Растворялись ворота услужливыми
казачками,
Краснолицые путники почтительно
прятали трубки,
Обжигая руки горячими угольками.

По вечерам он сидел у погаснувшего
камина,
На котором стояли саксонские часы
и уродцы из фарфора,
Читал французский роман, открыв его
с середины,
«О мученьях бедной Жульетты,
полюбившей знатного сеньора».

Утром, когда пастушьи рожки поют
напевней
И толстая служанка стучит по коридору
башмаками,
Он собирался в свои холодные деревни,
Натягивая сапоги со сбитыми
каблуками.

В сморщенных ушах желтели грязные
ватки;
Старчески кряхтя, он сходил во двор,
держась за перила;
Кучер в синем кафтане стегал рыжую
лошадку,
И мчались гостиница, роща, так, что
в глазах рябило.

Когда же перед ним выплывали
из тумана
Маленькие домики и церковь
с облупленной крышей,
Он дергал высокого кучера за полу
кафтана
И кричал ему старческим голосом:
«Поезжай потише!

Но иногда по первому выпавшему снегу,
Стоя в пролетке и держась за плечо
возницы,
К нему в деревню приезжал фельдъегерь
И привозил письмо от матушки-
императрицы.

«Государь мой, — читал он, — Александр
Васильич!
Сколь прискорбно мне Ваш мирный покой
тревожить.
Вы, как древний Цинциннат, в деревню
свою удалились,
Чтоб мудрым трудом и науками свои
владения множить...»

Он долго смотрел на надушенную
бумагу —
Казалось, слова на тонкую нитку нижет;
Затем подходил к шкафу, вынимал
ордена и шпагу
И становился Суворовым учебников
и книжек.

1915

О КОБОЛЬДЕ

Фарфоровые коровы недаром мычали,
Шерстяной попугай недаром о клетку
бился, —
В темном уголке, в старинной
заброшенной зале
В конфетной коробке кобольд родился.

Прилетели эльфы к матери кобольда,
Зашуршали перепонками прозрачных
крылий;
Два бумажных раскрашенных герольда,
Надувши щеки, в трубы трубили.

Длинноносый маг в колпаке зеленом
К яслям на картонном гусе приехал;
Восковая пастушка посмотрела изумленно
И чуть не растаяла от тихого смеха.

Кобольд был сделан из гуттаперчи,
Вместо короны ему приклеили золотую
бумажку,
Суровая матушка наклонила чепчик
И поднесла к губам его манную кашку.

За печкой очень удивились тараканы,
Почему такой шум в старой зале, —
Сегодня нет гостей, не шуршат юбки
и кафтаны,
Напудренный мальчик не играет
на рояли.

Восковая пастушка ушла на поклоненье,
А оловянный гусар по ней страстью
томился:
Он не знал, что в гостиной, где синие
тени,
В конфетной коробке кобольд родился.

1915

НАРУШЕНИЕ ГАРМОНИИ

Ультрамариновое небо,
От бурь вспотевшая земля,
И развернулись желчью хлеба
Шахматною доской поля.

Кто, вышедший из темной дали,
Впитавший мощь подземных сил,
В простор земли печатью стали
Прямоугольники вонзил.

Кто, в даль впиваясь мутным взором,
Нажатьем медленной руки
Геодезическим прибором
Рвет молча землю на куски.

О Землемер, во сне усталом
Ты видишь тот далекий скат,
Где треугольник острым жалом
Впился в очерченный квадрат.

И циркуль круг чертит размерно,
И линия проведена,
Но все ж поет, клонясь неверно,
Отвеса медного струна:

О том, что площади покаты
Под землемерною трубой,
Что изумрудные квадраты
Кривой рассечены межой;

Что, пыльной мглою опьяненный,
Заняв квадратом ближний скат,
Углом в окружность заключенный,
Шуршит ветвями старый сад;

Что только памятник, бессилен,
Застыл над кровью поздних роз,
Что в медь надтреснутых извилин
Впился зеленый купорос.

1915

ГИМН МАЯКОВСКОМУ

Озверевший зубр в блестящем цилиндре —
Ты медленно поводишь остеклевшими
глазами
На трубы, ловящие, как руки, облака,
На грязную мостовую, залитую
нечистотами.
Вселенский спортсмен в оранжевом
костюме,
Ты ударил землю кованым каблуком,
И она взлетела в огневые пространства
И несется быстрее, быстрее, быстрей...
Божественный сибарит с бронзовым
телом,
Следящий, как в изумрудной чаше Земли,
Подвешенной над кострами веков,
Вздуваются и лопаются народы.
О Полководец Городов, бешено лающих
на Солнце,
Когда ты гордо проходишь по улице,
Дома вытягиваются во фронт,
Поворачивая крыши направо.
Я, изнеженный на пуховиках столетий,
Протягиваю тебе свою выхоленную руку,
И ты пожимаешь ее уверенной ладонью,
Так, что на белой коже остаются синие
следы.
Я, ненавидящий Современность,
Ищущий забвения в математике
и истории,
Ясно вижу своими всё же вдохновенными
глазами,
Что скоро, скоро мы сгинем, как дымы.
И, почтительно сторонясь, я говорю:
«Привет тебе, Маяковский!»

1915

ДЕРИБАСОВСКАЯ НОЧЬЮ

(ВЕСНА)

На грязном небе выбиты лучами
Зеленые буквы: «Шоколад и какао»,
И автомобили, как коты с придавленными
хвостами,
Неистово визжат: «Ах, мяу! мяу!»

Черные деревья растрепанными метлами
Вымели с неба нарумяненные звезды,
И красно-рыжие трамваи, погромыхивая
мордами,
По черепам булыжников ползут
на роздых.
Гранитные дельфины — разжиревшие
мопсы —

У грязного фонтана захотели пить,
И памятник Пушкина, всунувши в рот
папиросу,
Просит у фонаря: «Позвольте закурить!»

Дегенеративные тучи проносятся низко,
От женских губ несет копеечными
сигарами,
И месяц повис, как оранжевая сосиска,
Над мостовой, расчесавшей пробор
тротуарами.

Семиэтажный дом с вывесками в охапке
Курит уголь, как денди сигару,
И красноносый фонарь в гимназической
шапке
Подмигивает вывеске — он сегодня
в ударе.

На черных озерах маслянистого асфальта
Рыжие звезды служат ночи мессу...
Радуйтесь, сутенеры, трубы, дома,
подымайте! —
И у Дерибасовской есть поэтесса!

1915

О ЛЮБИТЕЛЕ СОЛОВЬЕВ

Я в него влюблена,
А он любит каких-то *соловьев*...
Он не знает, что не моя вина,
То, что я в него влюблена
Без щелканья, без свиста и даже
без слов

Ему трудно понять,
Как его может полюбить *человек*:
До сих пор его любили только *соловьи*.
Милый! Дай мне тебя обнять,
Увидеть стрелы опущенных век,
Рассказать о муках любви.
Я знаю, он меня спросит:
«А где твой хвост?
Где твой клюв? Где у тебя прицеплены
крылья?»
— «Мой милый! Я не *соловей*,
не *славка*, не *дрозд*...
Полюби меня — ДЕВУШКУ,
ПТИЦЕПОДОБНЫЙ
и
хилый... Мой милый!»

1915

ВРАГ

Сжимает разбитую ногу
Гвоздями подбитый сапог,
Он молится грустному богу:
Молитвы услышит ли бог?

Промечут холодные зори
В поля золотые огни...
Шумят на багряном просторе
Зеленые вязы одни.

Лишь ветер, сорвавшийся с кручи,
Взвихрит серебристую пыль,
Да пляшет татарник колючий,
Да никнет безмолвно ковыль.

А ночью покроет дороги
Пропитанный слизью туман,
Протопчут усталые ноги,
Тревогу пробьет барабан.

Идет, под котомкой сгибаясь,
В дыму погибающих сел,
Беззвучно кричит, задыхаясь,
На знамени черный орел.

Протопчет, как дикая пляска,
Коней ошалелый галоп...
Опускается медная каска
На влажный запыленный лоб.

Поблекли засохшие губы,
Ружье задрожало в руке;
Запели дозорные трубы
В деревне на ближней реке...

Сейчас над сырыми полями
Свой веер раскроет восток...
Стучит тяжело сапогами
И взводит упругий курок.

Сентябрь 1914

КРЕОЛКА

Когда наскучат ей лукавые новеллы
И надоест лежать в плетеных гамаках,
Она приходит в порт смотреть, как
каравеллы
Плывут из смутных стран на зыбких
парусах.

Шуршит широкий плащ из золотистой
ткани;
Едва хрустит песок под красным
каблучком.
И маленький индус в лазоревом тюрбане
Несет тяжелый шлейф, расшитый
серебром.

Она одна идет к заброшенному молу,
Где плещут паруса алжирских бригантин,
Когда в закатный час танцуют фарандолу,
И флейта дребезжит, и стонет тамбурин.

От палуб кораблей так смутно тянет
дегтем,
Так тихо шелестят расшитые шелка.
Но ей смешней всего слегка коснуться
локтем
Закинувшего сеть мулата-рыбака...

А дома ждут ее хрустальные беседки,
Амур из мрамора, глядящийся в фонтан,
И красный попугай, висящий
в медной клетке,
И стая маленьких бесхвостых обезьян.

И звонко дребезжат зеленые цикады
В прозрачных венчиках фарфоровых
цветов,
И никнут дальних гор жемчужные
громады
В беретах голубых пушистых облаков.

Когда ж проснется ночь над мраморным
балконом
И крикнет козодой, крылами трепеща,
Она одна идет к заброшенным колоннам,
Окутанным дождем зеленого плюща...

В аллее голубой, где в серебре тумана
Прозрачен чайных роз тягучий аромат,
Склонившись, ждет ее у синего фонтана
С виолой под плащом смеющийся мулат.

Он будет целовать пугливую креолку,
Когда поют цветы и плачет тишина...
А в облаках, скользя по голубому шелку,
Краями острыми едва шуршит луна...

1915

ПРИСТАНЬ

Встает зеленый пар над синевой зыбей,
И небо вдалеке прозрачно-голубое...
И месяц, опьянев от тишины и зноя,
Разорван на куски ударом тонких рей...

Скелеты бригантин, как черные бойцы,
Вонзили копья мачт в лазурную бумагу...
И пурпурный корсар безмолвно точит
шпагу,
Чтоб гибель разнести в далекие концы.

В таверне «Синий бриг» усталый
шкипер Пит
Играет грустный вальс на дряхлой
мандолине,
А рядом у стола, в изломанной корзине,
Огромный черный кот, оскалившись,
храпит...

И юнга, в сон любви безмолвно погружен,
Вдыхает синий дым из жерла черной
трубки,
И в кружеве огней мерещатся сквозь сон
Поющий звон серег и пурпурные губки.

И сабли длинные о грязный стол стучат,
И пиво едкое из бочек брызжет
в кружки...
А утром медные на них направит пушки
Подплывший к пристани сторожевой
фрегат...

1915

ДИОНИС

Там, где выступ холодный и серый
Водопадом свергается вниз,
Я кричу у безмолвной пещеры:
«Дионис! Дионис! Дионис!»

Утомясь после долгой охоты,
Загылив свой пурпурный наряд,
Он ушел в бирюзовые гроты
Выжимать золотой виноград...

Дионис! На щите золоченом
Блеклых змей голубая борьба,
И рыдает разорванным стоном
Устремленная в небо труба...

И на пепел сожженного нарда,
Опьяненный, я падаю ниц;
Надо мной голова леопарда,
Золотого вождя колесниц!..

О, взметните покорные руки
В расцвеченный Дианой карниз!..
Натяните упорные луки —
Дионис к нам идет, Дионис!

В облаках золотисто-пурпурный
Вечер плакал в туманной дали...
В моем сердце, узорчатой урне,
Светлой грусти дрожат хрустали.

1915

В ПУТИ

Уже двенадцать дней не видно берегов,
И ночь идет за днем, как волк за тихой
серной,
И небо кажется бездонною цистерной,
Где башни рушатся туманных городов...

Уже двенадцать дней, как брошен
Карфаген,
Уже двенадцать дней несут нас вдаль
муссоны!..
Не звякнет тихий меч, не дрогнет щит
червленый,
Не брызнет белизной узор сидонских
стен...

Напрасно третий день жгут синие
куренья,
Напрасно молится у черной мачты жрец.
Напрасно льют на нард шипящий
жир овец:
Свирепый Посейдон не знает сожаленья...

На грязной палубе,
от солнца порыжелой,
Меж брошенных снастей и рваных
парусов,
Матросы тихо спят;
и горечь летних снов
Телами смуглыми безмолвно овладела...

И ночь идет за днем...
Пурпуровую нить
Прядет больной закат за далью
умиранья...
Но нам страшней громов, и бури,
и рыданья
В горящей тишине дрожащий возглас:
«Пить!

И ночь холодная идет степой неверной,
Рассыпав за собой цветы поблекших
снов...
Уже двенадцать дней не видно берегов,
И ночь идет за днем, как волк за тихой
серной.

1915

КОНЕЦ ЛЕТУЧЕГО ГОЛЛАНДЦА

Надтреснутых гитар так дребезжащи
звуки,
Охрипшая труба закашляла в туман,
И бьют костлявые безжалостные руки
В большой, с узорами, турецкий
барабан...

У красной вывески заброшенной таверны,
Где по сырой стене ползет зеленый хмель.
Напившийся матрос горланит ритурнель,
И стих сменяет стих, певучий
и неверный...

Струится липкий чад над красным
фонарем.
Весь в пятнах от вина передник толстой
Марты.
Два пьяных боцмана, бранясь, играют
в карты;
На влажной скатерти дрожит в стаканах
ром...

Береты моряков обшиты галунами,
На пурпурных плащах в застежке —
бирюза.
У бледных девушек зеленые глаза
И белый ряд зубов за красными губами...

Фарфоровый фонарь — прозрачная луна,
В розетке синих туч мерцает утомленно,
Узорчат лунный блеск на синеве затона,
О полусгнивший мол бесшумно бьет
волна...

У старой пристани, где глуше пьяниц
крик,
Где реже синий дым табачного угара,
Безумный старый бриг Летучего Корсара
Раскрашенными флагами поник.

1915

ГАЗЕЛЛА

В твоем алькове спят мечты и вечер странно долог,
Не знаю я, придешь ли ты, как вечер странно долог...

В твоем саду зеленый грот у синего фонтана,
И никнут алые цветы, и вечер странно долог...

Там спит глиняный пастушок с надтреснутой свирелью,
И над прудом шуршат кусты, и вечер странно долог...

К тебе я плыл из смутных стран на зыбкой каравелле,
Я видел тусклые порты, где вечер странно долог.

Я был в туманных городах, где на жемчужном небе
Распяты алые кресты, и вечер странно долог...

Тебе привез я тонкий яд в кольце под аметистом,
Его, я знаю, выпьешь ты... И будет вечер долог...

1915

РУДОКОП

Я в горы ушел изумрудною ночью,
В безмолвье снегов и опаловых льдин...
И в небе кружились жемчужные клочья,
И прыгать мешал на ремне карабин...

Меж сумрачных пихт и берез шелестящих
На лыжах скользил я по тусклому льду,
Где гномы свозили на тачках скрипящих
Из каменных шахт золотую руду...

Я видел на глине осыпанных щебней
Медвежьих следов перевитый узор,
Хрустальные башни изломанных гребней
И синие платья застывших озер...

И мерзлое небо спускалось все ниже,
И месяц был льдиной над глыбами льдин,
Но резко шипели шершавые лыжи,
И мерно дрожал на ремне карабин...

В морозном ущелье три зимних недели
Я тяжкой киркою граниты взрывал,
Пока над обрывом, у сломанной ели,
В рассыпанном кварце зажегся металл...

И гасли полярных огней ожерелья,
Когда я ушел на далекий Восток...
И встал, колыхаясь, над мглою ущелья
Прозрачной весны изумрудный дымок...

Я в город пришел в ускользающем мраке,
Где падал на улицы тающий лед.
Я в лужи ступал. И рычали собаки
Из ветхих конур, у гниющих ворот...

И там, где фонарь над дощатым забором
Колышется в луже, как желтая тень,
Начерчены были шершавым узором
На вывеске буквы «Бегущий Олень»...

И там, где плетет серебристые сетки
Над визгом оркестра табачный дымок,
Я бросил у круга безумной рулетки
На зелень сукна золотистый песок...

А утром, от солнца пьяна и туманна,
Огромные бедра вздымала земля...
Но шею сжимала безмолвно и странно
Холодной змеею тугая петля.

1915

СЛАВЯНЕ

Мы жили в зеленых просторах,
Где воздух весной напоен,
Мерцали в потупленных взорах
Костры кочевавших племен...

Одеты в косматые шкуры,
Мы жертвы сжигали тебе,
Тебе, о безумный и хмурый
Перун на высоком столбе.

Мы гнали стада по оврагу,
Где бисером плещут ключи,
Но скоро кровавую брагу
Испьют топоры и мечи.

Приходят с заката тевтоны
С крестом и безумным орлом,
И лебеди, бросив затоны,
Ломают осоку крылом.

Ярила скрывается в тучах,
Стрибог подымается ввысь,
Хохочут в чащобах колючих
Лишь волк да пятнистая рысь...

И желчью сырой опоенный,
Трепещет Перун на столбе.
Безумное сердце тевтона,
Громовник, бросаю тебе...

Пылают холмы и овраги,
Зарделись на башнях зубцы,
Проносят червонные стяги
В плащах белоснежных жрецы.

Рычат исступленные трубы,
Рокочут рыдания струн,
Оскалив кровавые зубы,
Хохочет безумный Перун!..

1915

ОСЕНЬ

Литавры лебедей замолкли вдалеке,
Затихли журавли за топкими лугами,
Лишь ястреба кружат над рыжими
стогами,
Да осень шелестит в прибрежном
тростни:

На сломанных плетнях завился гибкий
хмель,
И никнет яблоня, и утром пахнет слива,
В веселых кабачках разлито в бочки
пиво,
И в тихой мгле полей, дрожа, звучит
свирель.

Над прудом облака жемчужны и легки,
На западе огни прозрачны и лиловы.
Запрятавшись в кусты, мальчишки-
птицеловы
В тени зеленых хвой расставили силки.

Из золотых полей, где синий дым встает,
Проходят девушки за грузными возами,
Их бедра зыблются под тонкими
холстами,
На их щеках загар, как золотистый мед.

В осенние луга, в безудержный простор
Спешат охотники под кружевом тумана.
И в зыбкой сырости пронзительно
и странно
Звучит дрожащий лай нашедших зверя
свор.

И Осень пьяная бредет из темных чащ,
Натянут темный лук холодными руками,
И в Лето целится и пляшет над лугами,
На смуглое плечо накинув желтый плащ.

И поздняя заря на алтарях лесов
Сжигает темный нард и брызжет
алой кровью,
И к дерну летнему, к сырому изголовью
Летит холодный шум спадающих плодов.

1915

ПОЛКОВОДЕЦ

1

За пыльным золотом тяжелых колесниц,
Летящих к пурпуру слепительных
подножий,
Курчавые рабы с натертой салом кожей
Проводят под уздцы нубийских кобылиц.

И там, где бронзовым закатом сожжены
Кроваво-красных гор обрывистые склоны,
Проходят медленно тяжелые слоны,
Влача в седой пыли расшитые попоны.

2

Свирепых воинов сзывают в бой рога;
И вот они ползут, прикрыв щитами
спины,
По выжженному дну заброшенной
стремнины
К раскинутым шатрам — становищу врага.

Но в тихом лагере им слышен хрип
трубы,
Им видно, как орлы взнеслись
над легионом,
Как пурпурный закат на бронзовые лбы
Льет медь и киноварь потоком
раскаленным.

3

Ржавеет густо кровь на лезвиях мечей,
Стекает каплями со стрел,
пронзивших спины,
И трупы бледные сжимают комья глины
Кривыми пальцами с огрызками ногтей.

Но молча он застыл на выжженной горе,
Как на воздвигнутом веками пьедестале,
И профиль сумрачный сияет на заре,
Как будто выбитый на огненной медали.

1916

О Полдень, ты идешь в мучительной
тоске
Благословить огнем те берега пустые,
Где лодки белые и сети золотые
Лениво светятся на солнечном песке.
Но в синих сумерках ты душен
и тяжел —
За голубую соль уходишь дымной глыбой,
Чтоб ветер, пахнущий смолой
и свежей рыбой,
Ладонью влажною по берегу провел.

1916

О кофе сладостный и ты, миндаль сухой!
На белых столиках расставленные
чашки...
Клетчатая доска и тусклые костяшки
Построены в ряды внимательной рукой.

Бог шашечной игры, спокоен и угрюм,
На локти опершись, за стойкой дремлет
немо...
Какой возвышенной и строгой теоремой
В табачной радуге занялся вещий ум...

Смотри внимательней, задумчивый игрок,
Куда направилась рассыпанная стая...
И вот, коричневый квадрат освобождая,
Передвигается слепительный кружок!..

1916

Я отыскал сокровища на дне —
Глухое серебро таинственного груза,
И вот из глубины прозрачная медуза
Протягивает щупальца ко мне!

Скользящей липкостью сожми мою печаль,
С зеленым хрусталем позволь теснее слиться...
...В раскрывшихся глазах мелькают только птицы,
И пена облаков, и золотая даль.

1916

Движением несмелым
Ночь кутает комнату пряжей,
В окне потускнелом
Мелькают огни экипажей...

И вот из-под стали
Змеею излиться готово
В бумажные дали
Внезапно расцветшее Слово.

1916

Заботливый ключарь угрюмой старины,
Я двери каменной коснулся дерзновенно,
Где ждут рождения из тайны сокровенной
На гулком мраморе начертанные сны...

Здесь боги мирно спят в священной
простоте,
Здесь брошены в углах былых трагедий
трубы,
И люди молятся торжественной и грубой
Из пены каменной рожденной красоте.

1916

ОСЕНЬ

Я целый день шатаюсь по дорогам,
Хожу в деревни и сижу в корчмах.
В мою суму дорожную бросают
Потертый грош, творожную лепешку
Или кусок соленой ветчины.
Я вижу, как пирожница-Зима
Муку и сахар на дороги сыплет,
Развешивает леденцы на елках,
И пачкает лицо свое мукой,
И в нос украдкой песню напевает.
Но вот — задумается хлопотунья,
Забудет печь закрыть засовом плотным,
И теплый дух, откуда ни возьмись,
Повеет вдруг, и леденцы растают,
И почернеет рыхлая мука.
И вот по кочкам, по буграм и тропам
Сначала робко, а потом смелее,
Подняв рукою платье до колен
И розовые ноги обнажив,
Вприпрыжку, брызгая водой из луж,
Уже спешит к нам девушка-Весна.
Тогда на холм зеленый я взбираюсь,
Гляжу из-под ладони в даль сухую —
И вижу, как развалистой походкой,
На лоб надвинув вязаный колпак
И потный лоб рукою отирая,
К нам Лето добродушное плетется.
Оно придет и сядет у дороги,
Раскинет ноги в башмаках тяжелых,
Закурит трубку и заснет на солнце.
Но и над ним склоняется лицо
Работницы, и сумрачная Осень
Дремотное расталкивает Лето.
И, пробужденное, оно встает,
Зевает и бранится потихоньку,
Чтобы, избави бог, не услыхала
Работница печальной воркотни;
И медленно, через леса и долы,
Оно бредет развалистой походкой
В неведомый никем простор. А Осень

Спешит в сады, где соком благодатным
Наполнены тяжелые плоды.
Она весь день работает. В корзины
Навалены и яблоки и груши.
Из ячменя варят по селам пиво.
От мертвых туш струится дым веселый,
И пахнут воском ульи на припеке.
Привет тебе, о благостная Осень,
Питательница сирых и убогих,
Склонившаяся над корзиной тяжкой,
Откуда мерно падают на землю
То рыжий колос, то созревший плод.
И мы, бродяги, подбираем жадно
В свои подолы сладкие подарки.
Когда ж окончится страда степная
И над скрипящими в полях возами
Курлыканье раздастся журавлей, —
Я, бедный странник, подымаю руки
И говорю: иди, иди, родная,
Святая из святых. Да путь твой будет
Душист и ясен. Да не тяготят
Тебя плодов тяжелые корзины.
И ты идешь, ведомая станицей
Летящих журавлей. Идешь и таешь.
И только плащ твой треплет на ветру.
Еще мгновенье — и за поворотом
Исчез и он. Кружится пыль, и листья
Взлетают над холодною землей.

1916

ОСЕННЯЯ ЛОВЛЯ

Осенней ловли началась пора,
Смолистый дым повиснул над котлами,
И сети, вывешенные на сваях,
Колышутся от стука молотков.
И мы следим за утреннею ловлей,
Мы видим, как уходят в море шхуны,
Как рыбаков тяжелые баркасы
Соленою нагружены треской.
Кто б ни был ты: охотник ли воскресный,
Или конторщик с пальцами в чернилах,
Или рыбак, или боец кулачный,
В осенний день, в час утреннего лова,
Когда уходят парусные шхуны,
Когда смолистый дым прохладно тает
И пахнет вываленная треска,
Ты чувствуешь, как начинает биться
Пирата сердце под рубахой прежней.
Хвала тебе! Ты челюсти сжимаешь,
Чтоб не ругаться боцманскою бранью,
И на ладонях, не привыкших к соли,
Мозоли крепкие находишь ты.
Где б ни был ты: на берегу Аляски,
Закутанный в топорщащийся мех,
На жарких островах Архипелага
Стоишь ли ты в фланелевой рубахе,
Или у Клязьмы с удочкой сидишь ты,
На волны глядя и следя качанье
Внезапно дрогнувшего поплавка, —
Хвала тебе! Простое сердце древних
Вошло в тебя и расправляет крылья,
И ты заводишь боевую песню, —
Где грохот ветра и прибой морей.

1918

ПТИЦЕЛОВ

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, —
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый, —
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует, —
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

1918, 1926

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ

Весенним утром кухонные двери
Раскрыты настежь, и тяжелый чад
Плывет из них. А в кухне толкотня:
Разгоряченный повар отирает
Дырявым фартуком свое лицо,
Заглядывает в чашки и кастрюли,
Приподымая медные покрышки,
Зевает и подбрасывает уголь
В горячую и без того плиту.
А поваренок в колпаке бумажном,
Еще неловкий в трудном ремесле,
По лестнице карабкается к полкам,
Толчет в ступе корицу и мускат,
Неопытными путает руками
Коренья в банках, кашляет от чада,
Вползающего в ноздри и глаза
Слезящего...
А день весенний ясен,
Свист ласточек сливается с ворчаньем
Кастрюль и чашек на плите; мурлычет,
Облизываясь, кошка, осторожно
Под стульями подкрадываясь к месту,
Где незамеченным лежит кусок
Говядины, покрытый легким жиром.
О, царство кухни! Кто не восхвалял
Твой синий чад над жарящимся мясом,
Твой легкий пар над супом золотым?
Петух, которого, быть может, завтра
Зарежет повар, распевает хрипло
Веселый гимн прекрасному искусству,
Труднейшему и благодатному...
Я в этот день по улице иду,
На крыши глядя и стихи читая, —
В глазах рябит от солнца, и кружится
Беспутная, хмельная голова.
И синий чад вдыхая, вспоминаю
О том бродяге, что, как я, быть может,
По улицам Антверпена бродил...
Умевший все и ничего не знавший,
Без шпаги — рыцарь, пахарь — без сохи,

Быть может, он, как я, вдыхал умильно
Веселый чад, плывущий из корчмы;
Быть может, и его, как и меня,
Дразнил копченый окорок — и жадно
Густую он проглатывал слюну.
А день весенний сладок был и ясен,
И ветер материнскою ладонью
Растрепанные кудри развевал.
И, прислонясь к дверному косяку,
Веселый странник, он, как я, быть может,
Невнятно напевая, сочинял
Слова еще не выдуманной песни...
Что из того? Пускай моим уделом
Бродяжничество будет и беспутство.
Пускай голодным я стою у кухонь,
Вдыхая запах пиршества чужого,
Пускай истреплется моя одежда,
И сапоги о камни разобьются,
И песни разучусь я сочинять...
Что из того? Мне хочется иного...
Пусть, как и тот бродяга, я пройду
По всей стране, и пусть у двери каждой
Я жаворонком засвищу и тотчас
В ответ услышу песню петуха!..
Певец без лютни, воин без оружья,
Я встречу дни, как чаши, до краев
Наполненные молоком и медом.
Когда ж усталость овладеет мной
И я засну крепчайшим смертным сном, —
Пусть на могильном камне нарисуют
Мой герб: тяжелый ясеневый посох —
Над птицей и широкополой шляпой.
И пусть напишут: «Здесь лежит спокойно
Веселый странник, плакать не умевший.
Прохожий! Если дороги тебе
Природа, ветер, песни и свобода,
Скажи ему: «Спокойно спи, товарищ,
Довольно пел ты, выспаться пора!»

1918, 1926

КОШКИ

Ал. Соколовскому

Уже на крыше, за трубой,
Под благосклонною луною.
Они сбираются толпой,
Подняв хвосты свои трубою.
Где сладким пахнет молоком
И нежное белеет сало,
Свернувшись бархатным клубком,
Они в углу ворчат устало.
И возбужденные жарой.
Они пресыщены едою,
Их не тревожит запах твой,
Благословенное жаркое.
Как сладок им весенний жар
На кухне, где плита пылает,
И супа благовонный пар
Там благостно благоухает.
О черных лестниц тишина,
Чердак, пропахнувший мышами,
Где из разбитого окна
Легко следить за голубями.
Когда ж над домом стынет тишь,
Волной вечернего угара,
Тогда, скользя по краю крыш,
Влюбленные проходят пары.
Ведь ты, любовь, для всех одна,
Ты всех страстей нежней и выше,
И благосклонная луна
Зовет их на ночные крыши.

1919

III

Я сладко изнемог от тишины и снов,
От скуки медленной и песен неумелых,
Мне любы петухи на полотенцах белых
И копоть древняя суровых образов.
Под жаркий шорох мух проходит день за днем,
Благочестивейшим исполненный смиреньем.
Бормочет перепел под низким потолком,
Да пахнет в праздники малиновым вареньем.
А по ночам томит гусиный нежный пух,
Лампада душная мучительно мигает,
И, шею вытянув, протяжно запевает
На полотенце вышитый петух.
Так мне, о господи, ты скромный дал приют,
Под кровом благостным, не знающим волненья,
Где дни тяжелые, как с ложечки варенье,
Густыми каплями текут, текут, текут.

1919

БАЛЛАДА О НЕЖНОЙ ДАМЕ

Зачем читаешь ты страницы
Унылых, плачущих газет?
Там утки и иные птицы
В тебя вселяют ужас. — Нет,
Внемли мой дружеский совет:
Возьми ты объявлений пачку,
Читай, — в них жизнь, в них яркий свет
«Куплю японскую собачку!»
О дама нежная! Столицы
Тебя взлелеяли! Корнет
Именовал тебя царицей,
Бела ты как вишневый цвет.
Что для тебя кровавый бред
И в горле пушек мяса жвачка, —
Твоя мечта светлей планет:
«Куплю японскую собачку».
Смеживши черные ресницы,
Ты сладко кушаешь шербет.
Твоя улыбка как зарница.
И содержатель твой одет
В тончайший шелковый жилет,
И нанимает третью прачку, —
А ты мечтаешь, как поэт:
«Куплю японскую собачку».
Когда от голода в скелет
Ты превратишься и в болячку,
Пусть приготовят на обед
Твою японскую собачку.

1919

РАССЫПАННОЙ ЦЕПЬЮ

Трескучей дробью барабанят ружья
По лиственницам сизым и по соснам.
Случайный дрозд, подраненный, на землю
Валится с криком, трепеща крылом!
Холодный лес, и снег, и ветер колкий...

И мы стоим рассыпанною цепью,
В руках двустволки, и визжат протяжно
Мордашки на отпущенных ремнях...
Друзья, молчите! Он залег упорно,
И только пар повиснул над берлогой,
И только слышен храп его тяжелый
Да низкая и злая воркотня...
Друзья, молчите! Пусть,
к стволу прижавшись,
Прицелится охотник терпеливый!
И гром ударит между глаз звериных,
И туша, вздыбленная, затрепещет
И рухнет в мерзлые кусты и снег!

Так мы теперь раскинулись облавой —
Поэты, рыбаки и птицеловы,
Ремесленники, кузнецы, — широко
В лесу холодном, где колючий ветер
Нам в лица дует. Мы стоим вокруг
Берлоги, где засел в кустах замерзших
Мир, матерой я тяжкий на подъем...
Эй, отпускайте псов, пускай потреплют!
Пускай вопьются меткими зубами
В затылок крепкий. И по снегу быстро,
По листьям полым, по морозной хвое,
Через кусты катясь шаром визжащим,
Летят собаки. И уже встает
Из темноты берлоги заповедной
Тяжелый мир, огромный и косматый,
И под его опущенною лапой
Тяжелодышащий скребется пес!

И мы стоим рассыпанною цепью —
Поэты, рыбаки и птицеловы.

И, вздыбленный, идет на нас, качаясь,
Мир матерой. И вот один из нас —
Широкоплечий, русый и упорный —
Вытаскивает нож из сапога
И, широко расставив ноги, ждет
Хрипящего и бешеного зверя.

И зверь идет. Кусты трещат и гнутся,
Испуганный, перелетает дрозд,
И мы стоим рассыпанною цепью,
И руки онемели, и не можем
Прицелиться медведю между глаз...

А зверь идет... И сумрачный рабочий
Стоит в снегу и нож в руке сжимает,
И шею вытянул, и осторожно
Глядит в звериные глаза! Друзья,
Облава близится к концу! Ударит
Рука рабочья в сердце роковое,
И захрипит, и упадет тяжелый
Свирепый мир — в промерзшие кусты...

А мы, поэты, что во время боя
Стояли молча, мы сбежимся дружно,
И над огромным и косматым трупом
Мы славу победителю споем!

1920

ЗНАКИ

Шумели и текли народы,
Вскипела и прошла волна —
И ветер Славы и Свободы
Вздувал над войском знамена...
И в каждой битве знак особый
Дела героев освещал
И страшным блеском покрывал
Земле не преданные гробы...
Была пора: жесток и горд,
Безумно предводя бойцами,
С железным топотом когорт
Шел Цезарь галльскими полями...

И над потоком желтой мглы,
И к облакам взметенной пыли
Полет торжественный кружили
Квирита медные орлы...
И одноок, неукротимо,
Сквозь пыль дорог и сумрак скал,
Шел к золотым воротам Рима
Под рев слоновий Ганнибал...

Текли века потоком гулким,
И новая легла тропа,
Как по парижским переулкам
Впервые ринулась толпа, —
Чтоб, как взволнованная пена,
Сметая золото палат,
Зеленой веткой Демулена
Украсить стогны баррикад...
И вот, возвышенно и юно,
Посланницей высоких благ, —
Взнесла Парижская Коммуна
В деснице нищей красный флаг...

И знак особый выбирая
У всех народов и времен,
Остановились мы, не зная,
Какой из них нам присужден...

Мы не узнали... И над нами
В туманах вспыхнула тогда,
Сияя красными огнями,
Пятиконечная звезда!..

1920

Здесь гулок шаг. В пакгаузах пустых
Нет пищи крысам. Только паутина
Подернула углы. И голубиной
Не видно стаи в улицах немых.
Крик грузчиков на площадях затих.
Нет кораблей... И только на старинной
Высокой башне бьют часы. Пустынно
И скучно здесь, среди домов сырых.
Взгляни, матрос! Твое настало время,
Чтоб в порт, покинутый
и обойденный всеми,
Из дальних стран пришли опять суда.
И красный флаг над грузною таможней
Нам возвестил о правде непреложной,
О вольном крае силы и труда.

1921

ПУТНИКУ

Студент Сорбонны ты или бродячий плут,
Взгляни: моя сума наполнена едою.
Накинь свой рваный плащ, и мы пойдем
с тобою
В чудесную страну, что Фландрией зовут.
В дороге мы найдем в любой корчме
приют.
Под ливнем вымокнем и высохнем
от зноя,
Пока из-за холмов в глаза нам не
сверкнут
Каналы Фландрии студеною волною.
Довольно ты склонял над пыльной книгой
грудь.
Взгляни: через поля свободный льется
путь!
Смени ж грамматику на посох пилигрима,
Всю мудрость позабудь и веселись,
как дрозд,
И наша жизнь пройдет струей мгновенной
дыма
Среди мычанья стад и в тихом блеске
звезд.

1921

ЧЕРТОВЫ КУКЛЫ

От крутоседлой конницы татарской
Упрямый дух кумыса и конины
Смолой потек по городам и весям
До скопидомной ключницы Москвы.
Перепелиные стояли ночи,
И ржавый месяц колесом налитым
Тянулся к травам низким и сырым.
А за рекой стоял собачий лай,
Да резал воздух свист бича тугого,
Да бабий визг, да цокот соловья
Купеческого. А на Лобном месте
Бездомные собаки копошились
Над воровскою головой. Гудел
Сусальный перезвон. Пред византийской
Широкоглазой важностью иконы
Кудлатый инок плакал и вопил.
Потом кричал барашком недобитым
Вихрастый Дмитрий — и бродил суровый
Широкоплечий Годунов. А там
От тополей и лиственниц литовских
Вскрутилась пыль; там рыжие литвины
В косматых шапках и плащах
медвежьих
Раскачивались в седлах; там в пыли
Маячили невиданные крылья
Варшавской конницы. И грузным шагом
Там коренастая брела пехота.
И трубные тугие голоса
Коней бесили: «На Москву, вперед!»
И белобрысый человек глядел
На солнечные головы соборов.
А в черных дебрях, в пустынях
медвежьих.
Корявым плугом ковыряя землю,
Ждал крестьянин ночного бездорожья,
Чтоб, напустив на терема бояр
Багрового и злого петуха,
Удариться на Волгу и на Дон,
Пройти на Яик, сгинуть в Забайкалье,
Лишь изредка далекую Москву

Разбойной перекличкой беспокоить.
«Сарынь на кичку!» — начинает Дон.
«Сарынь на кичку!» — отвечает Волга.
«Сарынь на кичку!» — стонет по тайге
И замирает в чаще и чапыге...
Дождь пролетел. Крутые облака
Прошли медлительными косяками.
Будяк колючий и дурман белесый
Повырастали из замков ружейных,
Да ловкая завила повилика
На них щиты с нерусскими словами.
Дождь прошумел. И вновь сусальный звон
Повис над деревянною Москвою.
Седобородым духовенством снова
Задымлены широкие соборы.
И вновь венец напяливают туго
Послушнику на отроческий лоб.
А вниз по Волге, к синим Жигулям,
К хвалынским волнам пролетают струги,
Саратов падает, кровоточа,
Самара руки в ужасе ломает,
Смерд начинает наводить правеж,
И вся земля кричит устами смерда:
«Смерть! Смерть! Убей и пó ветру раздуй
Гнездо гадюк и семена крапивы,
Бей кистенем ярыжек и бояр,
Наотмашь бей, наметься без промашки,
Чтоб на костях, на крови их взошла
Иная рожь и новая пшеница...»
Но деньги свой не потеряли вес,
Но золото еще блестит под солнцем...
И движутся наемные полки,
Нерусские сверкают алебарды,
И пушечный широкогорлый рев
Нерусским басом наполняет степи...
Палач поет, не покладая рук,
И свищет ветер по шатрам пустынным.
Давно истлели кости казаков,
Давно стрелецкая погибла воля,
Давно башка от звона и кажденья
Бурлящим квасом переполнена.
И бунтовщицкая встает слободка,

И женщина из темного оконца,
Целуя крест, холодным синим ногтем
На жертвы кажет. А пила грызет,
Подскакивает молоток, и отрок
Стирает пот ладонью заскорузлой
С упрямого младенческого лба.
О, брадобрей! Уже от ловких ножниц
Спасаются брюхатые бояре,
И стриженые бороды упрямо
Топорщатся щетиною седой,
А ты гвардейским ржавым тесаком
Нарыв вскрываешь, пальцем протирая
Глаза от гноя брызнувшего. Ты
У палача усталого берешь
Его топор, — и головы стрельцов,
Как яблоки, валятся. И в лицо
Европе изумленной дышишь ты
Горячим и вонючим перегаром.
Пусть крепкой солью
и голландской водкой
И въедливой болезнью ты наказан,
Всё так же величаво и ужасно
Кошачье крутоскулое лицо.
И вот, напялив праздничный камзол,
Ты в домовину лег, скрестивши руки,
Безумный трудолюбец.
Во дворце ж
Растрепанная рыжая царевна
Играет в прятки с певчим краснощек
И падает на жаркие подушки, —
И арапчонок в парчевой чалме
Под дребезжанье дудки скоморошьей
Задергивает занавесь, смеясь.
Еще висящих крыс не расстрелял
Курносый немчик в парике кудрявом,
Еще игрушечные спят бригады
И генералы дремлют у дверей,
А женщина в гвардейском сюртуке
Взбесившуюся лошадь направляет, —
И средь кипящих киверов и шляп
Немецкий выговор и щек румянец
Военным блудом распалились. Пыль

Еще клубится, выстрелы еще
Звучат неловко в воздухе прохладном,
А пудреная никнет голова
На лейб-гвардейское сукно кафтана,
Да ражий офицер, откинув шпагу,
Целует губы сдобные.
В степях,
Где Стенькин голос раздуваем ветром,
Опять шумит, опять встает орда,
Опять глаза налиты вдохновеньем,
Жгут гарнизоны, крепости громят,
Чиновники на виселицах пляшут,
Скрипят телеги, месяц из травы
Вылазит согнутым татарским луком.
Вот-вот гроза ударит в Петербург,
Вот-вот царицу за́ косы потащат
По мостовой и заголят на срам
Толпе, чтоб каждый, в ком еще живет
Любовь к свободе, мог собрать слюну
И плюнуть ей на про́клятое чрево...
Нет Пугачева... Кровь его легла
Ковром расшитым по́д ноги царице,
И шла по нем царица — и пришла
К концу, а на конце — ночной горшок
Принял ее последнее дыханье...
И труп был сизым, как осенний день,
И осыпалась пудра на подушки
С двойного подбородка...
Налетай
И падай мертвым, сумасшедший рыцарь.
И белокурый мальчик вытирает
Широкий лоб батистовым платком.
А там гудит и ссорится Париж,
И между тел, повиснувших уныло
С визгливых фонарей, уже бредет
Артиллерист голодный. Может быть,
Песков египетских венец кипящий
Венчает голову с космою черной,
И папская трехглавая тиара
Упала к узким сапогам его.
И дикий снег посеребрил виски
Под шляпой треугольною и брови

Осыпал нежной пудрой снеговой...
Всё может быть... А нынче только свист
Стремящегося вниз ножа да голос
Судьи, читающего приговор.
А там, в России, тайные кружки
На помочах ведомая свобода
Да лысый лоб, склоненный меж свечей
К листам бумаги — скользким
и шуршащим
Поездки по дорогам столбовым,
Шлагбаумы, рожки перед восходом.
И, утомленный скукой трудовой,
Царь падает в подушки шарабана.
А в Таганроге — смерть. Дощатый гроб,
Каждения, цветы и панихиды.
А к северу яругами бредет
Веселый странник, ясные глаза
Подняв в гремящее от песен небо.
И солнце пробегает суетливо
По лысому сияющему лбу...
Цареубийцам нет пощады ныне.
Пусть бегает растрепанный певец
Средь войска оробелого. Пускай
Моряк перчатку теребит и жадно
Ждет помощи. Но серые глаза
И бакенбарды узкие проходят
Промеж солдат, и пьяный канонир
Наводит пушку на друзей народа.
Так в год из года. Тот же грузный шаг,
Немецкий говор, холод глаз стеклянных,
Махорочная радость, пьяный стон и...
И повинующиеся солдаты.
Но месть старинная еще жива,
Еще не сгибла в камне и железе,
Еще есть юноши с огнем в глазах,
Еще есть девушки с любовью к воле.
Они выходят на широкий путь
Разведчиками будущих восстаний.
..Карета сломана... На мостовой
Сырая куча тряпок, мяса, крови,
И рыжий дворник навалился враз
На юношу в студенческой фуражке.

Но восстают загубленные люди,
И Стенька четвертованный встает
Из четырех сторон. И голова
Убитого Емельки на колу
Вращается, и приоткрылся рот,
Чтоб вымолвить неведомое слово.

1921

ОСВОБОЖДЕНИЕ

(Отрывки из поэмы)

За топотом шагов неведом
Случайной конницы налет,
За мглой и пылью —
Следом, следом
Уже стрекочет пулемет.

Где стрекозиную повадку
Он, разгулявшийся, нашел?
Осенний день,
Сырой и краткий,
По улицам идет, как вол...

Осенний день
Тропой заклятой
Медлительно бредет туда,
Где под защитою Кронштадта
Дымят военные суда.

Матрос не встанет, как бывало,
И не возьмет под козырек,
На блузе бант пылает алый,
Напруженный взведен курок.

И силою пятизарядной
Оттуда вырвется удар,
Оттуда, яростный и жадный,
На город ринется пожар.

Матрос подымет руку к глазу
(Прицел ему упорный дан),
Нажмет курок —
И сразу, сразу
Зальется тенором наган.

А на плацдармах
Дождь и ветер,

Колеса, пушки и штыки,
Сюда собрались на рассвет
К огню готовые полки.

Здесь:
Галуны кавалериста,
Папаха и казачий кант,
Сюда идут дорогой мглистой
Сапер,
Матрос
И музыкант.

Сюда путиловцы с работы
Спешат с винтовками в руках,
Здесь притаились пулеметы
На затуманенных углах.

Октябрь!
Взнесен удар упорный
И ждет падения руки.
Готово всё:
И сумрак черный,
И телефоны, и полки.

Всё ждет его:
Деревьев тени,
Дрожанье звезд и волн разбег,
А там, под Гатчиной осенней,
Худой и бритый человек.

Октябрь!
Ночные гаснут звуки,
Но Смольный пламенем одет,
Оттуда в мир скорбей и скуки
Шарахнет пушкою декрет.

А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,
В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьется красный флаг.

2

Он струсил!
                    Английский костюм
И кепи не волнуют боле
Солдатской бунтовщицкой воли
И пленный не тревожат ум.
И только кучка юнкеров,
В шинелях путаясь широких,
Осталась верной.
                    Путь готов —
Для крепких, страстных и жестоких.
                              «Стой, кто идет?!»
                              Осенний дождь
И мрак, овеянный туманом,
Страшны как смерть:
«Я — новый вождь!»
И мимо шагом неустанным,
В пустую ночь и в талый снег,
Сквозь блеск штыков и говор злобы,
Спеша, идет высоколобый,
Широкоплечий человек.

О вы, рожденные трудом,
О вас пройдет из рода в роды
Хвала! Вы пулей и штыком
Ковчег построили свободы.
Куда низринулся удар
Руки рабочей?
Пробегая
Через торцовый тротуар,
Кто восклицает, умирая:
                              «Коммуна близко...»
                              На стенах,
Пропахших краскою газетной,
                              Декреты плещут...
                              Смерть и страх
По подворотням, незаметно,
Толкутся, как биржевики,
Бормочут, ссорятся и ноют.
Торцы трещат.

Броневики
Сокрытою сиреной воют.
Там закипает и гудит
Случайный бой.
Матрос огромный
В огне и грохоте стоит
Среди камней, под пушкой темной,
Литейщик приложил щеку,
Целясь, к морозному прикладу.
И защищая баррикаду —
Трамвай разбитый на боку.
Гремя доспехами стальными,
Весь в саже, копоти и дыме,
Катится броневик!
Пора
Игру окончить...
Нет пощады
Всем слабым духом...
До утра
Огнем гремели баррикады...
А в небе над толпой военной,
С высокой крыши, в дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и плещет красный флаг.

1921—1923

УРОЖАЙ

Дух весны распаленный и новый
Распирает утробу земли.
По лесам, где топорщатся совы,
По болотам, где спят журавли,
После зимнего ветра и стужи,
После вьюг и летучих снегов,
Теплый дождь ударяет о лужи,
Каплет мед из набухших цветов.
И голодная доля пред нами
Не маячит туманом степным.
Степь родными желтеет хлебами,
Зимний мрак улетает, как дым.
Богатырская воля родная!
Стынут степи в зеленом пуху,
И Микула, коня распрягая,
Тащит сам по раздольям соху.
Ходят зори над мглою суровой,
Птичьим цокотом полнится май,
И на дудке играет громовой
По лугам молодой урожай.
Что ж, за долгую темную зиму
Поистратилась сила у нас,
Иль простор золотой и любимый
Наш усталый не радует глаз.
Или птиц перелетная стая
Нам грядущий посев не сулит,
Иль земля молодая, родная
Мощь побегов в себе не таит?
Мы копили упор и терпенье
Тяжкой осенью, нищей зимой,
Чтоб полдневной порою весенней
С хитрым голодом двинуться в бой.
Эй, товарищи дружные, где вы?
Блещут сохи, и плуги звенят,
Вырастают тугие посевы,
Как бойцы, что построились в ряд.
Это хлебное воинство ныне
Тяжкий колос подъемлет вперед
И по нищей и скудной пустыне
Благоденствие вдаль разольет.

1922

«ПОТЕМКИН»

Над дикой и песчаной шириною,
Из влажных недр сырой и горькой мглы
Приходит ветер с песней грозовою
И голосят косматые валы.
И броненосной тяжестью огромной,
Гремя цепями якорей крутых,
Он вышел в мрак, соленый и бездомный,
В раскаты волн, в сиянье брызг ночных.
Воспитанные в бурях и просторах,
Матросской чести вытвердив урок,
Вы знаете и нежной зыби шорох,
И диких бурь крутящийся поток.
Вы были крепки волею суровой
И верой небывалою полны,
И вот дыханием свободы новой
Вы к жизни радостной возбуждены.
И, кровью искупая кровь родную,
Свободное приблизив торжество,
Вы заповедь воздвигли роковую:
«Один за всех и все за одного».
И вы, матросы, видели воочию,
Как черной кровью истекает враг,
Как флаг Андреевский разорван в клочья
И развевается кровавый флаг!
В сиянье бомб, и в грохоте, и в громе,
Сквозь пенье бомб и диких чаек крик
Все ближе, все прекрасней и знакомей
Чудесного освобожденья лик.
Пусть берега окрестные в тумане,
Пусть волны мечутся и голосят,
Пусть в зарослях пустынных Березани
Перед рассветом выстрелы гремят,
Пусть пышет порт клубящимся пожаром,
Мозолистой и грубою рукой
Вы стройте в остервененье яром
России новый броненосный строй.
И, позабыв мучительные годы,
Вы выплыли в широкие моря,
И над огромным Кораблем Свободы
Раскрыла крылья ясная заря!
1922

РОССИЯ

Тревогой древнею полна,
Над городищами пустыми
Копье простершая жена
Воздвиглась в грохоте и дыме.

Степной ковыль и дикий прах.
Сияли росы. А в лесах
Косматый вепрь и тур суровый
Толкались меж кустов густых,
И глотки клокотали их,
Когда трещал пожар багровый.

И ты носилась по лесам
Охотницею необорной —
По топким кочкам и по мхам
Сквозь строй стволов, сухой и черный.

И там, где смоляная мгла
Текла над волчьею тропой, —
Отпущенная тетивой,
Звенела легкая стрела.

И после ловли и охот
В страну, где солнечный восход
Колышет тяжкое сиянье,
Ты кралась, затаив дыханье...

И вот, одежду изорвав,
Из-за кустов и жестких трав
Степей ты видела разбеги,
Где, вольным солнцем сожжены,
Гоняли к рекам табуны
Воинственные печенеги.

О Русь, тебя ведет стезя
До заповедного порога.
Пусть страшно тешатся князья
Междоусобною тревогой;

Пусть цокает татарский кнут
По ребрам и глазам огромным;
Пусть будет гноищем бездомным
В ночи последний твой приют!

О страстотерпица, вперед!
Тебя широкий ветр несет —
Сквозь холод утр, сквозь влагу ночи,
Гремя и вея в пустоте.
И к соколиной высоте
Ты жадно подымаешь очи
И вот, как пение рогов,
Клубясь промчался рой веков.

Ты падала и восставала
Ты по дороге столбовой
Бродила с нищенской клюкой
Иль меч тяжелый подымала
И шла на заповедный бой.

Теперь ты перешла рубеж, —
К былому нет возврата ныне.
Ты гулкий кинула мятеж —
Как гром — на царские твердыни.
И в блеске молний роковом,
На камнях и листве опалой,
Ты дивной и ужасной встала —
На перекрестке мировом!

И, покидая душный лог
В туманах, за морем сердитым,
Тебе, храпя, грозит копытом
Британии единорог...

О Русь, твой путь — тернист и светел!
Пусть галльский красноглазый петел
Наскакивает на тебя:
Ты видишь зорь огонь широкий
И, вольность буйную любя,
Идешь без страха в путь жестокий.

1922

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

От славословий ангельского сброда,
Толпящегося за твоей спиной,
О Петербург семнадцатого года,
Ты косолапой двинулся стопой.
И что тебе прохладный шелест крылий,
Коль выстрелы мигают на углах,
Коль дождь сечет, коль в ночь
автомобили
На нетопырьих мечутся крылах.
Нам нужен мир! Простора мало, мало!
И прямо к звездам, в посвист ветровой,
Из копоти, из сумерек каналов
Ты рыжею восходишь головой
Былые годы тяжко проскрипели,
Как скарбом нагруженные возы,
Засыпал снег цевницы и свирели,
Но нет по ним в твоих глазах слезы.
Была цыганская любовь, и синий,
В сусальных звездах, детский небосклон.
Всё за спиной.
Теперь слепящий иней,
Мигающие выстрелы и стон,
Кронштадтских пушек дальние раскаты.
И ты проходишь в сумраке сыром,
Покачивая головой кудлатой
Над черным адвокатским сюртуком.
И над водой у мертвого канала,
Где кошки мрут и пляшут огоньки,
Тебе цыганка пела и гадала
По тонким линиям твоей руки.
И нагадала: будет город снежный,
Любовь сжигающая, как огонь,
Путь и печаль...
Но линией мятежной
Рассечена широкая ладонь.
Она сулит убийства и тревогу,
Пожар и кровь и гибельный конец.
Не потому ль на страшную дорогу
Октябрьской ночью ты идешь, певец?
Какие тени в подворотне темной

**Вослед тебе глядят в ночную тьму?
С какою ненавистью неуемной
Они мешают шагу твоему.
О широта матросского простора!
Там чайки и рыбачьи паруса,
Там корифеем пушечным «Аврора»
Выводит трехлинеек голоса.
Еще дыханье! Выдох! Вспыхнет! Брызнет!
Ночной огонь над мороком морей...
И если смерть — она прекрасней жизни,
Прославленней, чем тысяча смертей.**

1922, 1933

На Колчака! И по тайге бессонной,
На ощупь, спотыкаясь и кляня,
Бредем туда, где золотопогонный
Ночной дозор маячит у огня...
Ой, пуля, пой свинцовою синицей!
Клыком кабаньим навострися, штык!
Удар в удар! Кровавым пбтом лица
Закапаны, и онемел язык!
Смолой горючей закипает злоба,
Упрись о пень, штыком наддай вперед.
А сзади — со звездой широколобой
Уже на помощь конница идет.
Скипелась кровь в сраженье
непрестанном,
И сердце улеем поет в дупле;
Колчак развеян пылью и туманом
В таежных дебрях, по крутой земле.
И снова бой. От дымного потога
Не уберечься, не уйти назад,
Горячим ветром тянет с Перекопа,
Гудит пожар, и пушки голосят.
О трудная и тягостная слава!
В лиманах едких, стоя босиком
В соленом зное, медленном, как лава,
Мы сторожим, склонившись над ружьем.
И, разогнав крутые волны дыма,
Забрызганные кровью и в пыли,
По берегам широкошумным Крыма
Мы яростное знамя пронесли.
И, Перекоп перешагнув кровавый,
Прославив молот
и гремучий серп,
Мы грубой и торжественною славой
Свой пятипалый утверждали герб.

1922

МОСКВА

Смола и дерево, кирпич и медь
Воздвиглись городом, а вкруг, по воле,
Объездчик-ветер подымает плеть
И хлещет закипающее рожью поле.
И крепкою ты встала попадьей,
Румяною и жаркою, пуховой,
Торгуя иорданскою водой,
Прохладным квасом и посконью новой.
Колокола, акафисты, посты,
Гугнивый плач ты помнила и знала.
Недаром же ключами Калиты
Ты ситцевый передник обвязала.
Купеческая, ражая Москва, —
Хмелела ты и на кула́чки билась...
Тебе в потеху Стеньки голова,
Как яблоко скуластое, скатилась.
Посты и драки — это ль не судьба...
Ты от жары и пота разомлела,
Но грянул день — веселая труба
Над кирпичом и медью закипела...
Не Гришки ли Отрепьева пора,
Иль Стенькины ушкуйники запели,
Что с вечера до раннего утра
В дождливых звездах лебеди звенели;
Что на Кремле горластые сычи
В туман кричали, сизый и тяжелый,
Что медью перекликнулись в ночи
Колокола убогого Николы...
Расплата наступает за грехи
На Красной площади перед толпою:
Кружатся ветровые петухи,
И царь Додон закрыл глаза рукою...
Ярись, Москва... Кричи и брагу пей,
Безбожничай — так без конца и кра́я.
И дрогнули колокола церквей,
Как страшная наста́ла плясовая.
И — силой развеселою горда —
Ты в пляс пошла раскатом — лесом,
лугом...
И хлопают в ладоши города,

Вокруг тебя рассевшись полукругом.
В такой ли час язык остынет мой,
Не полыхнет огнем, не запророчит,
Когда орлиный посвист за спиной
Меня поднять и кинуть в пляску хочет;
Когда нога отстукивает лад
И волосы вздувает ветер свежий;
Когда снует перед глазами плат
В твоей руке, протянутый в безбрежье.

1922

ТЕАТР

Театр. От детских впечатлений,
От блеска ламп и голосов
Китайские остались тени,
Идущие во тьму без слов.
Всё было радостно и ново:
И нарисованный простор,
Отелло черный, Лир суровый
И нежной Дездемоны взор.
Всё таяло и проходило,
Как сквозь волшебное стекло.
Исчезло то, что было мило,
Как дым растаяло, прошло.
Спустились тучи ниже, ниже,
И мрак развеялся кругом,
И стал иной театр нам ближе,
Не жестяной ударил гром·
И среди ночи злой и талой
Над Русью нищей и больной
Поднялся занавес иной —
И вот театр небывалый
Глазам открылся...
Никогда
В стране убогого труда
Такого действа не видали.
И старый, одряхлевший мир
Кричал, как ослепленный Лир,
Бредя в неведомые дали.
Широкий лег в раздольях путь,
Леса смолистые шумели,
И крепкая вдыхала грудь
Горючий дух травы и прели.
И были войны. Плыл туман
По шумным нивам и дубравам,
И. крепкой волей обуян,
Промчался на коне кровавом
Свободный всадник.
И тогда
Иною жизнью города
Наполнились. Могучим током
Ходил взволнованный народ,

И солнце пламенем широким
Прозрачный заливало свод.
Октябрьский день, как день весенний,
Нам волю ясную принес.
И новый мир без сожалений
Над старым тяжкий меч занес.
Но что с театром! То же, то же,
Всё тот же нищенский убор,
И женщины из темной ложи
Всё тот же устремляют взор.
Оркестр бормочет оробелый,
А там, на сцене, средь огней
Всё тот же Лир, или Отелло,
Иль из Венеции еврей.
Или Кабаниха страдает,
Или хлопочет Хлестаков,
Иль три сестры, грустя, мечтают
В прохладной тишине садов.
Всё, как и прежде, лямку тянет.
Когда ж падет с театра ржа,
Актер освобожденный встанет
И грянет действо мятежа.

1922

ЛЕНИНГРАД

Что это — выстрел или гром,
Резня, попойка иль работа,
Что под походным сапогом
Дрожат чухонские болота?
За клином клин,
К доске — доска.
Смола и вар. Крепите сваи,
Чтоб не вскарабкалась река,
Остервенелая и злая...
Зубастой щекочи пилой,
Доску строгай рубанком чище.
Удар и песня...
Над водой —
Гляди — восходит городище...
Кусает щеки мерзлый пух,
Но смотрят, как идет работа,
На лоб надвинутый треух
И плащ, зеленый, как болото...
Скуластый царь глядит вперед,
Сычом горбясь...
А под ногою
Болото финское цветет
Дремучим тифом и цингою...
Ну что ж, скрипит холопья кость,
Холопья плоть гниет и тлеет...
Но полыхает плащ — и трость
По спинам и по выям реет...
Стропила — к тучам,
Сваи — в гать,
Плотину настилайте прямо,
Чтоб мог уверенней стоять
Царь краснолицый и упрямый...
О город пота и цинги!
Сквозь грохот волн и крик оленей
Не слышатся ль тебе шаги,
Покашливанье страшной тени?..
Болотной ночью на углах
Маячат огоньков дозоры,
Дворцами встал промерзший прах,
И тиной зацвели соборы...

И тягостный булыжник лег
В сырую гать
И в мох постылый,
Чтобы не вышла из берлог
Погибшая холопья сила;
Чтоб из-под свай,
Из тьмы сырой
Холопья крепь не встала сразу,
Тот — со свороченной скулой,
Тот — без руки, а тот — без глаза.
И куча свалена камней
Оледенелою преградой...
Говядиною для червей,
Строители, лежать вам надо.
Но воля в мертвецах жила,
Сухое сердце в ребрах билось,
И кровь, что по земле текла,
В тайник подземный просочилась,
Вошла в глазницы черепов,
Их напоив живой водою,
Сухие кости позвонков
Стянула бечевой тугою,
И финская разверзлась гать,
И дрогнула земля от гула,
Когда мужичья встала рать
И прах болотный отряхнула...

1922, 1929

«ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ»

И снова мрак. Лишь полотно
Сияет белыми лучами,
И жизнь, изжитая давно,
Дрожа, проходит пред глазами.

И снова свет. Встает, встает
Широкий зал, и стулья стынут.
Звонок. И тьмы водоворот
Лучом стремительным раздвинут.

И, как кузнечик, за стеной
Скрежещет лента, и, мелькая,
Дрожащих букв проходит стая
Туманной легкой чередой.

Леса, озера, и туман,
И корабли, и паровозы;
Беззвучный плещет океан,
Беззвучные кружатся грозы.

И снова буквы. Вновь и вновь.
Тяжелый мрак по залу ходит,
Беззвучная течет любовь,
И смерть беззвучная приходит.

Мы были в бурях и огне,
Мы бились, пели и сгорали.
Но только здесь, на полотне,
Великий отдых от печали.

И сердце легкое летит
Из кресел к белому квадрату,
Где море тихое кипит
И берегов лежат раскаты;

Где за неловким чудаком,
Через столы, повозки, стены,
Погоня мчится неизменно
Под бешеной мазурки гром;

Где лица, бледные, как воск,
Без слов томятся и мечтают,
Цилиндры вычищены в лоск,
Ботинки пламенем сверкают.

Так стрекочи звончей, звончей,
Тугая лента, за стеною,
Стремительный поток лучей,
С туманною сражайся мглою.

И в белом ледяном огне,
Под стон убогого рояля,
Идите в ряд на полотне,
Мои восторги и печали!

1922

ОКТЯБРЬ

Неведомо о чем кричали ночью
Ушастые нахохленные совы;
Заржавленной листвы сухие клочья
В пустую темень ветер мчал суровый,
И волчья осень по сырым задворкам
Скулила жалобно, дрожмя дрожала;
Где круто вымешенным хлебом, горько
Гудя, труба печная полыхала,
И дни червивые, и ночи злые
Листвой кружились над землей убогой;
Там, где могилы стыли полевые,
Где нищий крест схилился над дорогой.
Шатался ливень, реял над избою,
Плевал на стекла, голосил устало,
И жизнь, картофельною шелухою
Гниющая, под лавкою лежала.
Вставай, вставай! Сидел ты сиднем много,
Иль кровь по жилам потекла водою,
Иль вековая тяготит берлога,
Или топор тебе не удержать рукою?
Уж предрассветные запели певни
На тынах, по сараям и оврагам,
Вставай! Родные обойди деревни
Тяжеловесным и широким шагом.
И встал Октябрь. Нагольную овчину
Накинул он и за кушак широкий
На камне выправленный нож задвинул,
И в путь пошел, дождливый и жестокий.
В дожди и ветры, в орудийном гуле,
Ты шел вперед веселый и корявый,
Вокруг тебя пчелой звенели пули,
Горели нивы, пажити, дубравы!
Ты шел вперед, колокола встречали
По городам тебя распевным хором,
Твой шаг заслышав, бешеные, ржали
Степные кони по пустым просторам.
Твой шаг заслышав, гуже и упрямей
Ладонь винтовку верную сжимала.
Тебе навстречу дикими путями
Орда голодная, крича, вставала!

Вперед, вперед. Свершился час урочный,
Все задрожало перед новым клиром,
Когда, поднявшись над страной полночной,
Октябрьский пламень загудел над миром.

1922

УКРАИНА

От ленью поливающего жара,
Растекшегося жидкою смолой,
Земля разбухла, как в печи опара,
И коркою потрескалась ржаной...
И мы ль не помним ветер и раздолье,
Чертополох и крылья ветряков,
Возы с таранью...
И в широком поле
Дырявые кафтаны чумаков.
Куда ведет степное бездорожье —
Не все ль равно!
Но посреди реки
Гудит камыш,
Дымится Запорожье,
Курятся чубы, веют бунчуки.
Встает, встает веселая ватага,
Под сапогами клонится репье...
Что нужно вам, когда полна баклага
И длинное заряжено ружье!
Какие горькие уронит слезы
Шляхтянка в жесткую степную пыль...
Уже казачьи проползли обозы,
Уж сохнет кровь
И стелется ковыль.
Уже ползет медлительною тучей
Степной пожар...
И высохла трава...
Уже в бурьян, высокий и колючий,
Чубатая скатилась голова...
Так отступает чрез поля ржаные,
К вишневому сиянию зари,
На тихий Днепр,
На хутора родные,
Где древние рыдают кобзари...
И пролетели журавлиной стаей
Века над Украиною...
...И вот,
Тугие струны в лад перебирая,
О новой вольнице кобзарь поет...
И жаворонков дробные свирели

Стекают в молодые города,
Где, как волы ворочаясь, ревели
Медлительные бронепоезда.
И тракторист, поющий за работой,
Припоминает, как во ржи густой
Перепелами били пулеметы,
Тянулся дым горячей полосой.
Весенние сияющие грозы,
Над влагой озими
Грачиный гам,
Мычат стадами
Грузные совхозы,
И агрономы ходят по лугам...
Гей, Ненасытец!
Где ты, Запорожье?
Блеск бунчуков...
Литавр тяжелый строй...
Знобимый электрическою дрожью,
Дорогу вод взрывает Днепрострой.
Коммуна мира!
Мы твои навеки!
Да здравствует веселая орда...
Мы дружно поворачиваем реки,
Мы грозно подымаем города!
    О Украина!
    Этого ли мало?..
    Стучит бензин...
    Шатается огонь...
    Ты с севера протянутую сжала
    Широкую и жесткую ладонь.

1922

«IV»

Кремлевская стена, не ты ль взошла
Зубчатою вершиною в туманы,
Где солнце, купола, колокола
И птичьи пролетают караваны.
Еще недавно в каменных церквах
Дымился ладан, звякало кадило,
И на кирпичной звоннице монах
Раскачивал медлительное било.
И раскачавшись, размахнувшись, в медь
Толкалось било. И густой, и сонный,
Звон пробужденный начинал гудеть
И вздрагивать струною напряженной.
Развеян ладан, и истлел монах.
Репьем былая разлетелась сила;
В дырявой блузе, в драных сапогах
Иной звонарь раскачивает било.
И звонница расплескивает звон
Чрез города, овраги и озера
В пустую степь, в снега и в волчий гон,
Где конь калмыцкий вымерил просторы.
И звонница взывает и поет.
И звон течет густым и тяжким ладом
За океан, где мачтовый встает
Лес ржавых труб и день овеян чадом.
Клокочет голос меди трудовой
В осенний полдень, сумрачный и
мглистый.
Над Азией, песчаной и сухой,
Над Африкой, горячей и кремнистой.
И погляди: на дальний звон идут
Из городов, из травяных раздолий
Те, чей удел — крутой, жестокий труд,
Чей тяжек шаг и чьи крепки мозоли.
Там, где кирпичная гудит Москва,
Они сойдутся. А на их дороге
Скрежещут рельсы, стелется трава,
Трещат костры и дым клубится строгий.
Суданский негр, ирландский рудокоп,
Фламандский ткач, носильщик из
Шанхая —

Ваш заскорузлый и широкий лоб
Венчает потом слава трудовая.
Какое слово громом залетит
В пустынный лог, где, матерой и хмурый,
Отживший мир мигает и сопит
И копит жир под всклоченною шкурой.
Разноплеменные. Все та же кровь
Рабочая течет по вашим жилам.
Распаханную засевайте новь
Посевом бурь, посевом легкокрылым.
Заботой дивной ваши дни полны,
И сладкое да не иссякнет петье.
Пока не вырастет из целины
Святой огонь труда и вдохновенья!..

1922

ПЕСНЯ О ДЖО

Шумные плещут валы
В берег песчаный и звонкий.
Ветер проносится злой,
Дикие чайки кричат...
Чтó ж не подымешь ты вновь
Рыжие, страшные брови?
Чтó же не смотришь ты вновь
В серую, мглистую даль?..
Ром иль бристольское вис
Спать уложили тебя,
Иль пограничная пуля
В сердце влетела твое?..
Что ты раскинулся, Джонни,
Рыжие волосы плещут,
Серые стали глаза...
Вместо молитвы последней
Чайки кричат над тобой.
Вместо полотнища волны
Лижут и нежат тебя...
Более славной кончины
Пусть не узнает пират!

1922

БОЛЬШЕВИКИ

(Отрывки из поэмы)

I

ОТЪЕЗД

Да совершится!
По ложбинам в ржавой
Сырой траве еще не сгнили трупы
В штиблетах и рогатых шапках. Ветер
Горячим прахом не занес еще
Броневики, зарывшиеся в землю,
Дождь не размыл широкой колеи,
Где греческие проползали танки.
Да совершится!
Кровью иль баканом
Дощатые окрашены теплушки,
Скрежещут двери, и навозный чад
Из сырости вагонной выплывает:
Там лошади просовывают морды
За жесткие перегородки, там
Они тугими топчутся ногами
В заржавленной соломе и, подняв
Хвосты крутые над широким крупом,
Горячие вываливают комья.
И неумелою зашит рукой
В жестокую холстину, острым краем
Топорщась, в темноту и тишину
Задвинут пулемет. А дальше, медным
И звонким животом прогрохотав,
На низкую нагружена платформу
Продымленная кухня. И поет
Откуда-то, не разберешь откуда,
Из будки ли, где стрелочник храпит,
Иль из теплушки, где махорка бродит,
Скрипучая гармоника. Уже
Размашистым написанные мелом
На крови иль бакане письмена
Об Елисаветграде возвещают,
Уже по жирным рельсам просопел,
Весь в нетопырьей саже и угаре,

Широкозадый паровоз И вдруг
Толчок и свист. Назад, с размаху,
в стены
Дощатые толкаются, гремя,
Закутанные пулеметы. Кони
Шатаются и, растопырив ноги
И шеи вытянув, храпят и ржут.
И далеко, за косогором, свист,
Скрипение колес и дребезжанье
Невидимых цепей. И по краям,
Мигая и подпрыгивая, мчатся
Столбы, деревья, избы и овины.
Кружатся степи, зеленью горячей
И черными квадратами сверкая.
И снова свист. Зеленый флаг дорогу
Свободную нам указует. Ветер
Клубящийся относит дым. И вот
Бормочущий кирпичною змеей
На повороте изогнулся поезд.
Лети скорее! Пусть гремят мосты,
Пускай коровы, спящие в дорожной
Траве, испуганно приподнимают
Внимательные головы, пускай
Кружатся степи и трясутся шпалы.
Не все ль равно. Наш путь широк и буен
И кажется, что впереди, вдали,
Привязанное натуго к вагонам,
Скрежещет наше сердце и летит
По скользким рельсам, грохоча и воя,
Чугунное и звонкое, насквозь
Проеденное копотью и дымом.
Сопит насосами, и сыплет искры,
И дымом истекает небывалым.
И мы, в теплушках, сбившиеся в кучу,
Мы чувствуем, как лихорадка бьет
И как чудовищный озноб колотит
Набухшее огнем и дымом сердце.
Вперед. Крути, Гаврила. И Гаврила
Накручивает. И уже не поезд,
А яростный летит благовеститель.
Архангел Гавриил. И голосит
Изъеденная копотью и ржою

Его труба. И дымные воскрылья
Над запотевшей плещутся спиной!

2

ГОРОД

Открой окно и выгляни.
...Под ветром
Костлявые акации мотают
Ветвями, и по лужам осторожно
Подпрыгивает дождевая рябь...
И ты припоминаешь дождь и ветер,
И улицы в акациях и лужах,
И горький запах, что идет от моря,
И голоса, и грохот колеса...
В те дни настороженные предместья
Винтовки зарывали по подвалам,
Шептались, перемигивались, ждали,
Как стая лаек, броситься готовых
В медвежий лог, чтобы рычать и грызть.
А город жил необычайной жизнью...
Огромными нарывами вспухали
Над кабаками фонари — и гулко
Нерусский говор смешивался с бранью
Извозчиков и забулдыг ночных.
Пехота иностранцев проходила
По мостовым. И голубые куртки
Морскою отливали синевой.
А фески, вспыхивая, расцветали
Не розами, а кровью. Дни за днями
По улицам на мулах, на тачанках
Свозили пулеметы, хлеб и сахар...

. . . .

Предместья ожидали.
На заводах
Листовки перечитывались...
Слово
О людях, двигающихся, как буря,
Входило в уши и росло в сердцах...
Но город жил в горячем перегаре
Пивных, распахнутых наотмашь, в чаде
Английских трубок, в топоте тяжелых

Морских сапог, в румянах и прическах
Беспутных женщин, в шорохе газетных
Листов и звяканье стаканов, полных
Вином, пропахнувшим тоской и морем

. . . .

А в это время с севера вставала
Орда, в папахах, в башлыках, в тулупах.
Она топтала снежные дороги,
Укутанные ветром и морозом.
Она дышала потом и овчиной,
Она отогревалась у случайных
Костров и песнями разогревала
Морозный воздух, гулкий, как железо.
Здесь были все:
                    Румяные эстонцы,
Привыкшие к полету лыж и снегу,
И туляки, чьи бороды примерзли
К дубленым кожухам, и украинцы
Кудлатые и смуглые, и финны
С глазами скользкими, как чешуя.
На юг, на юг!..
                    Из деревень, забытых
В колючей хвое, из рыбачьих хижин,
Из городов, где пропитался чадом
Густой кирпич, из юрт,
                    покрытых шерстью, —
Они пошли, ладонями сжимая
Свою пятизарядную надежду,
На юг, на юг, — в горячий рокот моря,
В дрожь тополей, в раскинутые степи.
А город ждал...

1922—1923

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ

Монолог

Отец мой умер на костре, а мать
Сошла с ума от пытки. И с тех пор
Родимый Дамме я в слезах покинул.
Священный пепел я собрал с костра,
Зашил в ладонку и на грудь повесил, —
Пусть он стучится в грудь мою и стуком
К отмщению и гибели зовет!
Широк мой путь: от Дамме до Остенде,
К Антверпену от Брюсселя и Льежа.
Я с толстым Ламме на ослах плетусь.
Я всем знаком: бродяге-птицелову,
Несущему на рынок свой улов;
Трактирщица с улыбкой мне выносит
Кипящее и золотое пиво
С горячею и нежной ветчиной;
На ярмарках я распеваю песни
О Фландрии и о Брабанте старом,
И добрые фламандцы чуют в сердце,
Давно заплывшем жиром и привыкшем
Мечтать о пиве и душистом супе,
Дух вольности и гордости родной.
Я — Уленшпигель. Нет такой деревни,
Где б не был я; нет города такого,
Чьи площади не слышали б меня.
И пепел Клааса стучится в сердце,
И в меру стуку этому протяжно
Я распеваю песни. И фламандец
В них слышит ход медлительных каналов,
Где тишина, и лебеди, и баржи,
И очага веселый огонек
Трещит пред ним, и он припоминает
Часы довольства, тишины и неги,
Когда, устав от трудового дня,
Вдыхая запах пива и жаркого,
Он погружается в покой ленивый.
И я пою: — Эй, мясники, довольно
Колоть быков и поросят. Иная
Вас ждет добыча. Пусть ваш нож
вонзится

В иных животных. Пусть иная кровь
Окрасит ваши стойки. Заколите
Монахов и развесьте вверх ногами
Над лавками, как колотых свиней.
И я пою: — Эй, кузнецы, довольно
Ковать коней и починять кастрюли,
Мечи и наконечники для копий
Пригодны нам поболее подков;
Залейте глотку плавленым свинцом
Монахам, краснощеким и пузатым,
Он более придется им по вкусу
Чем херес и бургундское вино.
Эй, корабельщики, довольно барок
Построено для перевозки пива.
Вы из досок еловых и сосновых
Со скрепами из чугуна и стали
Корабль освобождения постройте.
Фламандки вам соткут для парусов
Из самых тонких ниток полотно,
И, словно бык, готовящийся к бою
Со стаей разъярившихся волков,
Он выйдет в море, пушки по бортам
Направив на бунтующийся берег.
И пепел Клааса стучится в сердце.
И сердце разрывается, и песня
Гремит грозней. Уж не хватает духа,
Клубок горячий к языку подходит, —
И не пою я, а кричу, как ястреб:
Солдаты Фландрии, давно ли вы
Коней своих забыли, оседлавши
Взамен их скамьи в кабаках? Довольно
Кинжалами раскалывать орехи
И шпорами почесывать затылки,
Дыша вином у непотребных девок.
Стучат мечи, пылают города.
Готовьтесь к бою. Грянул страшный час
И кто на посвист жаворонка вам
Ответит криком петуха, тот — с нами.
Герцог Альба! Боец
Твой близкий конец пророчит;
Созрела жатва, и жнец
Свой серп о подошву точит.

Слезы сирот и вдов,
Что из мертвых очей струятся,
На чашку страшных весов
Тяжким свинцом ложатся.
Меч — это наш оплот,
Дух на него уповает.
Жаворонок поет,
И петух ему отвечает,

1922

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ
Монолог

Я слишком слаб, чтоб латы боевые
Иль медный шлем надеть! Но я пройду
По всей стране свободным менестрелем,
Я у дверей харчевни запою
О Фландрии и о Брабанте милом.
Я мышью остроглазою пролезу
В испанский лагерь, ветерком провею
Там, где и мыши хитрой не пролезть.
Веселые я выдумаю песни
В насмешку над испанцами, и каждый
Фламандец будет знать их наизусть.
Свинью я на заборе нарисую
И пса ободранного, а внизу
Я напишу: «Вот наш король и Альба».
Я проберусь шутом к фламандским
графам,
И в час, когда приходит пир к концу,
И погасают уголья в камине,
И кубки опрокинуты, — я тихо,
Перебирая струны, запою:
«Вы, чьим мечом прославлен Гравелин,
Вы, добрые владетели поместий,
Где зреет розовый ячмень, — зачем
Вы покорились мерзкому испанцу?
Настало время — и труба пропела,
От сытной жизни разжирели кони,
И дедовские боевые седла
Покрылись паутиной вековой.
И ваш садовник на шесте скрипучем
Взамен скворешни выставил шелом,
И в нем теперь скворцы птенцов выводят.
Прославленным мечом на кухне рубят
Дрова и колья, и копьем походным
Подперли стену у свиного хлева!
Так я пройду по Фландрии родной
С убогой лютней, с кистью живописца
И в остроухом колпаке шута.
Когда ж увижу я, что семена
Взросли, и колос влагою налит

И жатва близко, и над тучной нивой
Дни равноденственные протекли,
Я лютню разобью об острый камень,
Я о колено кисть переломаю,
Я отшвырну свой шутовской колпак.
И впереди несущих гибель толп
Вождем я встану. И пойдут фламандцы
За Тилем Уленшпигелем — вперед.
И вот с костра я собираю пепел
Отца, и этот прах непримиренный
Я в ладонку зашью и на шнурке
Себе на грудь повешу! И когда
Хотя б на миг я позабуду долг
И увлекусь любовью или пьянством
Или усталость овладеет мной, —
Пусть пепел Клааса ударит в сердце.
И силой новою я преисполнюсь,
И новым пламенем воспламенюсь,
Живое сердце застучит грозней
В ответ удару мертвенного пепла.

1922

ГОЛУБИ

Весна. И с каждым днем невнятней
Травой восходит тишина,
И голуби на голубятне,
И облачная глубина.

Пора! Полощет плат крылатый —
И разом улетают в гарь
Сизоголовый, и хохлатый,
И взмывший веером почтарь.

О, голубиная охота,
Уже воркующей толпой
Воскрылий, пуха и помета
Развеян вихрь над головой!

Двадцатый год! Но мало, мало
Любви и славы за спиной.
Лишь двадцать капель простучало
О подоконник жестяной.

Лишь голуби да голубая
Вода. И мол. И волнолом.
Лишь сердце, тишину встречая,
Все чаще ходит ходуном...

Гудит година путевая,
Вагоны, ветер полевой.
Страда распахнута другая,
Страна иная предо мной!

Через Ростов, через станицы,
Через Баку, в чаду, в пыли, —
Навстречу Каспий, и дымится
За черной солью Энзели.

И мы на вражеские части
Верблюжий повели поход,
Навыворот летело счастье,
Навыворот, наоборот!

Колес и кухонь гул чугунный
Нас провожал из боя в бой,
Чрез малярийные лагуны,
Под малярийною луной.

Обозы врозь, и мулы — в мыле,
И в прахе гор, в песке равнин,
Обстрелянные, мы вступили
В тебя, наказанный Казвин!

Близ углового поворота
Я поднял голову — и вот
Воскрылий, пуха и помета
Рассеявшийся вихрь плывет!

На плоской крыше плат крылатый
Полощет — и взлетают в гарь
Сизоголовый, и хохлатый,
И взмывший веером почтарь!

Два года боя. Не услышал,
Как месяцы ушли во мглу:
Две капли стукнули о крышу
И покатились по стеклу...

Через Баку, через станицы,
Через Ростов — назад, назад,
Туда, где Знаменка дымится
И пышет Елисаветград!

Гляжу: на дальнем повороте —
Ворота, сад и сеновал;
Там в топоте и конском поте
Косматый всадник проскакал.

Гони! Через дубняк дремучий,
Вброд или вплавь, гони вперед!
Взовьется шашка — и певучий,
Скрутившись, провод упадет...

И вот столбы глухонемые
Нутром не стонут, не поют

Гляжу: через поля пусты
Тачанки ноют и ползут...

Гляжу: близ Елисаветграда,
Где в суходоле будяки,
Среди скота, котлов и чада
Лежат верблюжские полки.

И ночь и сон. Но будет время —
Убудет ночь, и сон уйдет.
Загикает с тачанки в темень
И захлебнется пулемет...

И нива прахом пропылится,
И пули запоют впотьмах.
И конница по ржам помчится —
Рубить и ржать. И мы во ржах.

И вот станицей журавлиной
Летим туда, где в рельсах лег,
В певучей стае тополиной,
Вишневый город меж дорог.

Полощут кумачом ворота,
И разом с крыши угловой
Воскрылий, пуха и помета
Развеян вихрь над головой

Опять полощет плат крылатый,
И разом улетают в гарь
Сизоголовый, и хохлатый,
И взмывший веером почтарь!

И снова год. Я не услышал,
Как месяцы ушли во мглу.
Лишь капля стукнула о крышу
И покатилась по стеклу...

Покой! И с каждым днем невнятней
Травой восходит тишина,
И голуби на голубятне,
И облачная глубина...

Не попусту топтались ноги
Чрез рокот рек, чрез пыль полей,
Через овраги и пороги —
От голубей до голубей!

1922

ПЕСНЯ МОРЯКОВ

Если на берег песчаный
Волны обломки примчат,
Если студеное море
Рвется в куски о скалу,
О корабле «Аретуза»
Песни поют моряки.

Розовый чай из Цейлона,
Рыжий и сладкий табак,
Ром, и корица, и сахар —
Вот «Аретузы» дары.
Кто на руке волосатой
Якорь и цепь наколол,
Кто на скрипучую мачту
Красную тряпку поднял,
Кто обмотал свое брюхо
Шалью индийских купцов,
Тех не пугают баркасы
Береговых сторожей.
О корабле «Аретуза»,
Вышедшем бить королей,
В бурные ночи апреля
Песни поют моряки.
О корабле «Аретуза»
И о команде его:
О капитане безруком,
О канонире кривом —
В бурные ночи апреля
Песни поют моряки.
Пусть же студеное море
Вечно качает тебя.
Слава тебе, «Аретуза»,
Слава команде твоей!
В бурные ночи апреля,
В грохоте ветров морских,
Вахтенный срок коротая,
Я вспоминаю тебя.

1923

ВСТРЕЧА

Меня еда арканом окружила,
Она встает эпической угрозой,
И круг ее неразрушим и страшен,
Испарина подернула ее...
И в этот день в Одессе на базаре
Я заблудился в грудах помидоров,
Я средь арбузов не нашел дороги,
Черешни завели меня в тупик,
Меня стена творожная обстала,
Стекая сывороткой на булыжник,
И ноздреватые обрывы сыра
Грозят меня обвалом раздавить.
Еще — на градус выше — и ударит
Из бочек масло раскаленной жижей
И, набухая желтыми прыщами,
Обдаст каменья — и зальет меня.
И синемордая тупая брюква,
И крысья, узкорылая морковь,
Капуста в буклях, репа, над которой
Султаном подымается ботва,
Вокруг меня, кругом, неумолимо
Навалены в корзины и телеги,
Раскиданы по грязи и мешкам.
И как вожди съедобных батальонов,
Как памятники пьянству и обжорству,
Обмазанные сукровицей солнца
Поставлены хозяева еды.
И я один среди враждебной стаи
Людей, забронированных едою,
Потеющих под солнцем Хаджи-бея
Чистейшим жиром, жарким, как смола.
И я мечусь средь животов огромных,
Среди грудей, округлых, как бочонки,
Среди зрачков, в которых отразились
Капуста, брюква, репа и морковь.
Я одинок. Одесское, густое,
Большое солнце надо мною встало,
Вгоняя в землю, в травы и телеги
Колючие отвесные лучи.
И я свищу в отчаянье, и песня

В три россыпи и в два удара вьется
Бездомным жаворонком над толпой.
И вдруг петух, неистовый и звонкий,
Мне отвечает из-за груды пищи,
Петух — неисправимый горлопан,
Орущий в дни восстаний и сражений.
Оглядываюсь — это он, конечно,
Мой старый друг, мой Ламме,
мой товарищ,
Он здесь, он выведет меня отсюда
К моим давно потерянным друзьям!
Он толще всех, он больше всех потеет;
Промокла полосатая рубаха,
И брюхо, выпирающее грозно,
Колышется над пыльной мостовой.
Его лицо багровое, как солнце,
Расцвечено румянами духовки,
И молодость древнейшая играет
На неумело выбритых щеках.
Мой старый друг, мой неуклюжий Ламме,
Ты так же толст и так же беззаботен,
И тот же подбородок четверной
Твое лицо, как прежде, украшает.
Мы переходим рыночную площадь,
Мы огибаем рыбные ряды,
Мы к погребу идем, где на дверях
Отбита надпись кистью и линейкой:
«Пивная госзаводов Пищетрест».
Так мы сидим над мраморным квадратом,
Над пивом и над раками — и каждый
Пунцовый рак, как рыцарь
в красных латах,
Как Дон-Кихот, бессилен и усат.
Я говорю, я жалуюсь. А Ламме
Качает головой, выламывает
Клешни у рака, чмокает губами,
Прихлебывает пиво и глядит
В окно, где проплывает по стеклу
Одесское просоленное солнце,
И ветер с моря подымает мусор
И столбики кружит по мостовой.
Все выпито, все съедено. На блюде

Лежит опустошенная броня
И кардинальская тиара рака.
И Ламме говорит: «Давно пора
С тобой потолковать! Ты ослабел,
И желчь твоя разлилась от безделья,
И взгляд твой мрачен, и язык остер.
Ты ищешь нас, — а мы везде и всюду,
Нас множество, мы бродим по лесам,
Мы направляем лошадь селянина,
Мы раздуваем в кузницах горнило,
Мы с школярами заодно зубрим.
Нас много, мы раскиданы повсюду,
И если не певцу, кому ж еще
Рассказывать о радости минувшей
И к радости грядущей призывать?
Пока плывет над этой мостовой
Тяжелое просоленное солнце,
Пока вода прохладна по утрам,
И кровь свежа, и птицы не умолкли, —
Тиль Уленшпигель бродит по земле».
И вдруг за дверью раздается свист
И россыпь жаворонка полевого.
И Ламме опрокидывает стол,
Вытягивает шею — и протяжно
Выкрикивает песню петуха.
И дверь приотворяется слегка,
Лицо выглядывает молодое,
Покрытое веснушками, и губы
В улыбку раздвигаются, и нас
Оглядывают с хитрою усмешкой
Лукавые и ясные глаза.

. . . .

Я Тиля Уленшпигеля пою!

1923, 1928

МОРЯКИ

Только ветер да звонкая пена,
Только чаек тревожный полет,
Только кровь, что наполнила вены,
Закипающим гулом поет.
На галерах огромных и смрадных,
В потном зное и мраке сыром,
Под шипенье бичей беспощадных
Мы склонялись над грузным веслом.
Мы трудились, рыдая и воя,
Умирая в соленой пыли,
И не мы ли к божественной Трое
Расписные триремы вели?
Соль нам ела глаза неизменно,
В круглом парусе ветер гудел,
Мы у гаваней Карфагена
Погибали от вражеских стрел.
И с Колумбом в просторы чужие
Уходили мы, силой полны,
Чтобы с мачты увидеть впервые
Берега неизвестной страны.
Мы трудились средь сажи и дыма
В черных топках, с лопатой в руках,
Наши трупы лежат под Цусимой
И в прохладных балтийских волнах.
Мы помним тревогу и крики,
Пенье пули — товарищ убит;
На «Потемкине» дружный и дикий
Бунт горячей смолою кипит.
Под матросскою волею властной
Пал на палубу сумрачный враг,
И развертывается ярко-красный
Над зияющей бездною флаг.
Вот заветы, что мы изучили,
Что нас учат и мощь придают:
Не покорствуя вражеской силе,
Помни море, свободу и труд.
Сбросив цепи тяжелого груза
(О, Империи тягостный груз),
Мы, как братья, сошлись для союза,
И упорен и крепок союз.

Но в суровой и трудной работе
Мы мечтали всегда об одном —
О рабочем сияющем флоте,
Разносящем свободу и гром.
Моряки, вы руками своими
Создаете надежный оплот,
Подымается в громе и дыме
Революции пламенный флот.
И летят по морскому раздолью,
По волнам броневые суда,
Порожденные крепкою волей
И упорною силой труда.
Так в союзе трудясь неустанно,
Мы от граней советской земли
Поведем в неизвестные страны
К восстающей заре корабли.
Посмотрите: в просторах широких
Синевой полыхают моря
И сияют на мачтах высоких
Золотые огни Октября.

1923

ПУШКИН

Когда в крылатке, смуглый и кудлатый,
Он легкой тенью двигался вдали.
Булыжник лег и плотью ноздреватой
Встал известняк в прославленной пыли.
Чудесный поселенец! Мы доселе
Твоих стихов запомнили раскат,
Хоть издавна михайловские ели
О гибели бессмысленной гудят.
Столетия, как птицы, промелькнули.
Но в поэтических живет сердцах
Шипение разгоряченной пули,
Запутавшейся в жилах и костях.
Мы по бульварам бродим опустелым,
Мы различаем паруса фелюг,
И бронзовым нас охраняет телом
Широколобый и печальный Дюк.
Мы помним дни: над синевой морскою
От Севастополя наплыл туман,
С фрегатов медью брызгали шальною
Гогочущие пушки англичан.
Как тяжкий бык, копытом бьющий травы,
Крутоголовый, полный страшных сил,
Здесь пятый год, великий и кровавый,
Чудовищную ношу протащил.
Здесь, на Пересыпи, кирпичной силой
Заводы встали, уголь загудел,
Кровь запеклась, и капал пот постылый
С окаменелых и упрямых тел.
Всему конец! От севера чужого,
От Петербурга, от московских стен
Идут полки, разбившие суровый
И опостылевший веками плен.
Они в снегах свои костры разводят,
Они на легких движутся конях,
В ночной глуши они тревожно бродят
Среди сугробов, в рощах и лесах.
О, как тревожен их напор бессонный...
За ними реки, степи, города;
Их мчат на юг товарные вагоны,
Где мелом нарисована звезда.

Свершается победа трудовая...
Взгляните: от песчаных берегов
К ним тень идет, крылаткой колыхая,
Приветствовать приход большевиков.
Она идет с подъятой головою
Туда, где свист шрапнелей и гранат,
Одна рука на сердце, а другою
Она стихов отмеривает лад.

1923

ОДЕССА

Клыкастый месяц вылез на востоке,
Над соснами и костяками скал...
Здесь он стоял...
Здесь рвался плащ широкий,
Здесь Байрона он нараспев читал...
Здесь в дымном
Голубином опереньe
И ночь и море
Стлались перед ним...
Как летний дождь,
Приходит вдохновенье,
Пройдет над морем
И уйдет, как дым...
Как летний дождь,
Приходит вдохновенье,
Осыплет сердце
И в глазах сверкнет...
Волна и ночь в торжественном движенье
Слагают ямб...
И этот ямб поет...
И с той поры,
Кто бродит берегами
Средь низких лодок
И пустых песков, —
Тот слышит кровью, сердцем и глазами
Раскат и россыпь пушкинских стихов.
И в каждую скалу
Проникло слово,
И плещет слово
Меж плотин и дамб,
Волна отхлынет
И нахлынет снова, —
И в этом беге закипает ямб...
И мне, мечтателю,
Доныне любы:
Тяжелых волн рифмованный поход,
И негритянские сухие губы,
И скулы, выдвинутые вперед...
Тебя среди воинственного гула
Я проносил

В тревоге и боях.
«Твоя, твоя!» — мне пела Мариула
Перед костром
В покинутых шатрах...
Я снова жду:
Заговорит трубою
Моя страна,
Лежащая в степях;
И часовой, одетый в голубое,
Укроется в днестровских камышах...
Становища раскинуты заранe,
В дубовых рощах
Голоса ясней,
Отверженные,
Нищие,
Цыгане —
Мы подымаем на поход коней...
О, этот зной!
Как изнывает тело, —
Над Бессарабией звенит жара...
Поэт походного политотдела,
Ты с нами отдыхаешь у костра...
Довольно бреда...
Только волны тают,
Москва шумит,
Походов нет как нет...
Но я благоговейно подымаю
Уроненный тобою пистолет...

1923, 1929

КРАСНАЯ АРМИЯ

Окончен путь тревожный и упорный,
Штыки сияют, и полощет флаг,
Гудит земля своей утробой черной,
Тяжеловесный отражая шаг.
Верховного припомним адмирала.
Он шел, как голод, мор или потоп.
Где властелин? Его подстерегала
Лишь пуля, всаженная в лысый лоб.
Еще летят сквозь ночь и воздух сонный
Через овраги, через мертвый шлях
Те воины, которых вел Буденный, —
В крылатых бурках, с шашками в руках.
Жары страшиться нам или сугроба?
Бойцы в седле.
                    Тревога. И веде.
Нас коренастый и упрямый Жлоба
Кудлатой тенью на врага вперед.
Кубанка сбита набекрень, и дрожью
Порхает легкий ветер по глазам.
Куда идти? Какое бездорожье
Раскинулось по весям и лесам!
И помнится: взлетая, упадали
Снаряды в шпалы, на гудящий путь,
Поляки голубые наступали —
Штык со штыком и с крепкой грудью
                                        грудь.
Они под Фастовом, во тьме суровой,
Винтовки заряжали. А вдали,
За полотном, сквозь мрак и гай сосновый
Уже буденновцы летят в пыли.
Идет пехота тяжким гулом грома,
Солдатский шаг гремит в чужих полях,
На таратайках едут военкомы,
И командиры мчатся на конях.
И трубный возглас двигает сраженье —
И знамена, и пушки, и полки.
Прицел. Еще. И воющею тенью
Летит снаряд, и звякают штыки.
И помнится: расплавленною лавой
В безудержной атаке штыковой

Мы лагерь наш разбили под Варшавой,
Мы встали на границе роковой.
Не справиться с красноармейской славой,
Она — как ветер, веющий в степях.
За Каспием сверкает флаг кровавый —
На желтых энзелийских берегах.
Окончен путь тревожный и упорный,
Штыки сияют, и полощет флаг,
Гудит земля своей утробой черной,
Тяжеловесный отражая шаг.

1923

ФЕВРАЛЬ

Темною волей судьбины
(Взгляд ее мрачен и слеп)
Остановились машины,
Высохшим сделался хлеб...
Дымные на горизонте
Мечутся облака.
Расположились на фронте
Серою лавой войска.
Флаг полыхает трехцветный,
Флаг полыхает вдали...
Стелется мрак предрассветный,
Солнце укрыто в пыли,
Воют снаряды, и глухо
Гул их летит в города...
Близится голодуха,
Движется с фронта беда.
Пламенем невеселым
Пестрый полощется флаг.
Ночью кочует по селам
В старой кибитке сыпняк.
Рожью гнилою и ржавой
Вдаль раскатились поля.
Так императорской славой
В край наполнялась земля!
Гаснут февральские пурги,
Ветер кружит и ревет;
В каменном Петербурге
Грозно предместье встает.
Мечется ветер неловкий,
Воет и рыщет, как волк,
Вниз опускает винтовки
Братский Волынский полк.
Выше, и выше, и выше
Красное знамя плывет:
Городовые на крышу
Выкатили пулемет.
Мечется как угорелый
Царский поезд вдали, —
Красный, синий и белый
Флаг растоптан в пыли!

Пули рокочут, как осы,
Пушек тревожен вой,
Мерно выходят матросы
На берег грузной толпой.
Там позади роковое
Море ревет и гудит,
Тяжкое и броневое
Судно дрожмя дрожит.
Тяжкое и броневое
Воет, как бешеный пес;
И для последнего боя
Сходит с оружьем матрос.
В бой он идет спозаранку,
В бой он идет налегке,
Выстирана голландка,
Верный винчестер в руке.
А за матросом солдаты,
А за солдатом батрак, —
«Смерть иль свобода!» Крылатый
Красный полощется флаг.

Новые дали открылись,
Новые дали — заре.
Так в феврале мы трудились,
Чтоб победить в Октябре!

1923

КОММУНАРЫ

О барабанщики предместий,
Стучите детскою рукой
По коже гулкой
Голос мести
Вы носите перед толпой.
Воспоминания не надо
О прошлом, дальнем и чужом,
Когда мигают баррикады
Перелетающим огнем...
Когда в пылании пожара,
Когда в залитый дымом час
У сумрачного коммунара
Для выстрела прищурен глаз.
И в переулках заповедных,
Где ветер пел с флюгаркой в лад,
Воздвигнут баррикад победных
Теперь неумолимый ряд.
Ложатся пули ближе, ближе —
И вот (благословенный день!)
Летит по мертвому Парижу
Кровавая Марата тень.
Она летит в бряцанье стали,
В гудении военных гроз,
Обвязана широкой шалью
Сухая прядь его волос...
Над баррикадами взлетает
Огонь ружейный. Но Марат
Летит. И ветер развевает
Его истрепанный халат.
Запомните! Из гулкой теми
Он вышел в бешеный простор,
Чтоб новое увидеть племя,
Чтоб новый слышать разговор.
О барабанщики предместий,
Пусть будет яростней раскат.
Научит вас науке мести
Из гроба вышедший Марат.
Пусть вражеские пушки лают,
Шальной выбрасывая груз,
Над вами руки простирают

Бланки, Домбровский, Делеклюз!
Тот сохранит любовь и веру
В себя и трудовой народ,
В чьем сердце голос Робеспьера
Чрез восемьдесят лет живет.
Вы падаете, коммунары,
С ружьем в повиснувшей руке,
Но пламень вашего пожара
Уже восходит вдалеке.
Чрез горы и поля пустые
Рекой потек он. И зажег
В таинственных снегах России
И каждый куст, и каждый лог.
О барабанщики предместий,
Когда же среди гулких плит
Ваш голос ярости и мести
Вновь над Парижем прогремит?
Когда ж опять предместье встанет
И заклокочет в ночь набат,
Когда ж огонь ружейный грянет
С воспламененных баррикад?
Когда ж суровей и бесстрашней
Вы первый сделаете шаг,
Когда ж над Эйфелевой башней
Пылающий взовьется флаг?

1923

БАЛЛАДА О ВИТТИНГТОНЕ

Он мертвым пал. Моей рукой
Водила дикая отвага.
Ты не заштопаешь иглой
Прореху, сделанную шпагой.
Я заплатил свой долг, любовь,
Не возмущаясь, не ревнуя,
Недаром помню: кровь за кровь
И поцелуй за поцелуй.
О ночь, в дожде и в фонарях,
Ты дуешь в уши ветром страха.
Сначала судьи в париках,
А там палач, топор и плаха.
Я трудный затвердил урок
В тумане ночи непробудной,
На юг, на запад, на восток
Мотай меня по волнам, судно.
И дальний берег за кормой,
Омытый морем, тает, тает,
Там шпага, брошенная мной,
В дорожных травах истлевает.
А с берега несется звон,
И песня дальная понятна:
«Вернись обратно, Виттингтон,
О Виттингтон, вернись обратно!»

Был ветер в сумерках жесток.
А на заре сырой и алой
По днищу заскрипел песок,
И судно, вздрогнув, затрещало.
Вступила в первый раз нога
На незнакомые от века
Чудовищные берега,
Не видевшие человека.
Мы сваи подымали в ряд,
Дверные прорубали ниши,
Из листьев пальмовых накат
Накладывали вместо крыши.
Мы балки подымали ввысь,
Лопатами срывали скалы.

«О Виттингтон, вернись, вернись», —
Вода у взморья ворковала.
Прокладывали наугад
Дорогу средь степных прибрежий.
«О Виттингтон, вернись назад», —
Нам веял в уши ветер свежий.
И с моря доносился звон,
Гудевший нежно и невнятно:
«Вернись обратно, Виттингтон,
О Виттингтон, вернись обратно!

Мы дни и ночи напролет
Стругали, резали, рубили,
И грузный сколотили плот,
И оттолкнулись, и поплыли.
Без компаса и без руля
Нас мчало тайными путями,
Покуда корпус корабля
Не встал, сверкая парусами
Домой. Прощение дано.
И снова сын приходит блудный.
Гуди ж на мачтах, полотно,
Звени и содрогайся, судно.
А с берега несется звон,
И песня близкая понятна:
«Уйди отсюда, Виттингтон,
О Виттингтон, вернись обратно!»

1923

ПЕСНЯ О ЧЕРНОМ ДЖЕКЕ

Вспомним о Черном Джеке,
О корабельном коке,
О его ложке длинной,
О белом колпаке.

Утром мы вышли в море, —
Ветра не было вовсе;
В полдень рябь пробежала,
К вечеру грянул шторм.

Кто родился у моря, —
Тот воды не боится,
Плавает, как рыба,
Ныряет, как дельфин.

Но Джек родился в Капштадте,
Впервые он в море вышел,
Он обнимал кастрюли,
Чтоб не сломались они...

Судно летело, как птица,
Взрывало бушпритом волны,
И паруса гудели,
И тяжкий руль скрипел.

Вперед и вперед, в туманы,
В кипучую пену, в пропасть,
Оттуда — к летящим низко,
Грохочущим облакам...

От самого малого юнги
До старика капитана —
Все вцепились в канаты,
Чтоб сдержать паруса.

А Черный Джек в это время
Связал канатом кастрюли,
Он в полотно завернул их
И спрятал в кухонный шкаф.

Случайно иль не случайно
Он увидал бутылку
Шотландского виски — и разом
Ее осушил до дна.

И кровь его черных предков
Запела и заиграла.
Он вспомнил охоты и битвы,
Шипенье пернатых стрел.

Он выбежал, — кудрявый,
На скользкую палубу — крикнул,
Взмахнул руками, и разом
Волна слизнула его.

И в бездне гулкой и черной
Средь пенистых волн и грома
Мелькнул его фартук белый
И выстиранный колпак.

Вспомним о Черном Джеке,
О корабельном коке,
О его ложке длинной
И белом колпаке.

1923

1 МАЯ

В тот вечер мы стояли у окна.
Была весна, и плыл горячий запах
Еще не распустившихся акаций
И влажной пыли. Тишина стояла
Такой стеною плотной, что звонки
Трамваев и пролеток дребезжанье
Высокого окна не достигали.
Весенний дух, веселый и беспутный,
Ходил повсюду. Он на мокрых крышах
Котов и кошек заставлял мяукать,
И маленькие быстрые зверьки
Царапались, кувыркались, кусались.
И пе́репела в клетке над окном
Выстукивать он песню заставлял, —
И перепел метался, и вавакал,
И клювом проводил по частым прутьям,
Водою брызгал, и бросал песком.
В такие вечера над нами небо
Горячею сияет глубиною,
И звезды зажигаются, и ветер
Нам в лица дует свежестью морской.
Пусть будет так. Недаром пела флейта
Сегодня утром. И недаром нынче,
Когда ударит на часах двенадцать,
Умрет апрель. Припоминаю вьюгу,
И сизые медлительные тучи,
И скрип саней, и топот заглушенный
Копыт, и ветер, мчащийся с разбегу
В лицо, в лицо. И так за днями день,
Неделя за неделей, год за годом
Младенческое улетает время.
И вижу я — широкий мир лежит
Как на ладони предо мной. И нежно
Поет во мне и закипает сладко
Та буйная отвага, что толкала
Меня когда-то в битвы и удачи.
Я вспоминаю: длинный ряд вагонов,
И паровоз, летящий вдаль, и легкий
Назад откинувшийся дым. А после
Мы наступали с гиканьем и пеньем,

И перед нами полыхало знамя,
Горячее, как кровь, и цвета крови.
Мы рассыпались легкими цепями,
Мы наступали, вскидывая ловко
К плечам винтовки, — выстрел, и вперед
Бежали мы. И снова знамя в небе
Кровавое к победе нас вело.
И в эту ночь, последнюю в апреле,
Наполненную звездами и ветром,
Благословляю шумное былое
И в светлое грядущее гляжу.
И первомайской радостью гудит
Внизу, внизу освобожденный город.

1923

ЮНГА

Юнгой я ушел из дому,
В узелок свернул рубаху,
Нож карманный взял с собой
Трубку положил в карман.
Что меня из дому гнало,
Что меня томило ночью,
Почему стучало сердце,
Если с моря ветер дул,
Я не знаю. Непонятна
Мне была тревога эта.
Всюду море и буруны,
Судна в белых парусах
Юнгой я пришел на судно,
Мыл полы, картофель чистил,
Научился по канатам
Подыматься вверх и вниз.
Боцмана́ меня ругали,
Били старшие матросы,
Корабельный кок объедки,
Как собаке, мне бросал
Ах, трудна дорога юнги,
Руки язвами покрыты,
Ноги ломит соль морская,
Соль морская ест глаза.
Но бывает, на рассвете
Выхожу я, одинокий,
Вверх на палубу и вижу
Море, чаек и туман.
Ходят волны за кормою,
Разбегаются от носа,
Льнут к бортам, играют пеной,
И рокочут, и звенят.
А над морем, словно хлопья
Снега белого, кружатся
Чайки, острыми крылами
Взмахивая и звеня.
И над далью голубою,
Где еще дрожит и млеет
Звездный блеск, уже восходит
Солнце в пламени дневном.

От него бегут по волнам
Рыбы огненные, плещут
Золотыми плавниками,
Расплываются, текут.
Что прекраснее и слаще
Солнца, вставшего из моря
В час, когда прохладный ветер
Дует солью нам в лицо.
И в тумане предрассветном
Проплывают, как виденья,
Острова в цветах и пальмах,
В пенье птиц и в плеске волн.
Пусть потом суровый боцман
Мне грозит канатом жгучим,
Издеваются матросы
И бранится капитан, —
Я пришел к родному морю,
К влаге,
горькой и соленой,
И она течет по жилам,
Словно огненная кровь...

1923

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Еще не смолкли рокоты громов
И пушечные не остыли дула,
Но диким зноем с чуждых берегов
Нам в лица пламенем дохнуло.
Там, среди волн, тая зловещий гнев,
Рыча в томлении недобром,
Британии ощерившийся лев
Стучит хвостом по жестким ребрам.
Косматою он движет головой,
Он точит когти, скалит зубы,
Он слушает: с востока, пред зарей,
Свободу возвещают трубы.
Там, на востоке, с молотом в руках
Рабочий встал в сиянье алом,
Там кровь поет в ликующих сердцах,
Наполненных Интернационалом.
А лев рычит. И, грозный слыша зов,
Что над волнами пролетает,
Ему воинственно из черных городов
Французский петел отвечает.
А на востоке пламенем летит
Огонь, великий и свободный,
И, глядя на него, скрежещет и храпит
Европа — сворою голодной.
Гляди и знай! Еще в твоих дворцах
Вино клокочет роковое,
Еще томится в тяжких кандалах
Народа право трудовое;
И кровь, пролитая твоей рукой,
Не высохла и вопиет о мщенье,
И жжет пожар, и грозен мрак ночной.
И неоткуда ждать спасенья.
И ветр с востока прилетит в ночи,
И над твоей стезей бездольной
Опять, опять залязгают мечи
И грянет голос колокольный.
И вечер твой таинствен и хмур,
И низких звезд погасло пламя,
И каменный ты сотрясаешь Рур
Своими хищными руками.

Кровавый ты благословляешь Труд,
Ты будишь злобные стихии, —
И вот в ночи убийцы стерегут
Послов из пламенной России.
Европа! Мы стоим на рубеже,
Мы держим молот заповедный,
Мы в яростном кипели мятеже,
Мы шли дорогою победной.
Нас к творчеству дорога привела
Через овраги и пустыни,
Над нами веяла и выла мгла, —
Над нами солнце светит ныне.

1923

РЫБАЧЬИ ПЕСНИ

1

Целый день одна забота:
Сеть вязать не уставая,
Слушать, как у ног уютно
Кот мурлычет и поет.

Сердце ж девушки — пушинка:
Под дыханием случайным
Подымается, кружится,
Тает в небе голубом.

Так и сердце бедной Дженни:
Майкель дунул — закружилось
Сердце легкое и с ветром
Над заливом понеслось.

Над заливом ходит ветер,
Шляпу с Майкеля срывает,
Щеки смуглые румянит,
Брызжет пеной и поет.

И как голубь сизокрылый,
Сердце трепетное Дженни
Вслед за Майкелем несется
По всклокоченным волнам.

И когда, взойдя над морем,
Месяц пламя разливает, —
Майкель знает: это сердце
Радостью благовестит!

И когда росой холодной
По утрам покрыты кудри,
Майкель знает — это сердце
По любви своей грустит!

Целый день — одна забота:
Сеть вязать не уставая,
Слушать, как у ног уютно
Кот мурлычет и поет.

2

Ах, у Майкеля в котомке
Много вкусных есть вещей:
Две лепешки просяные,
Фляжка доброго вина.

Третий день, как, бросив школу,
Он в родной поплыл залив,
Шумные считает волны
И смеется невзначай.

Майкель, Майкель, ты покинул
В скучном маленьком поселке
Девушку с косою русой —
Дочь трактирщика она.

Дженни, Дженни, надо ль плакать,
Если Майкель вышел в море,
Если Майкель смотрит в небо
И смеется невзначай?

Третий день в трактир приходит
Рыжий Джек из Бирмингама. —
Новая на нем зюйдвестка,
Блещут салом сапоги.

Требует он кружку пива,
С шиллинга не просит сдачи —
И глядит, глядит на Дженни,
Крутит ус и щурит глаз.

Дженни, Дженни, надо ль плакать,
Если Майкель вышел в море,
Если Майкель смотрит в небо
И смеется невзначай!

1923

РЫБАКИ

Если нам в лица ветер подул,
Запах соленый неся в безлюдье,
Значит — родной океан вздохнул
Своею широкой и звонкой грудью.
Если над пеной снизилась мгла
И буревестники мчатся низко,
Значит — пора для ловли пришла,
Значит — треска подплывает близко.
Многие в море лежат пути
В зимнем тумане и в летнем свете;
Эй, не задумывайся, не грусти,
Лодку смоли и штопай сети.
Видишь — над морем повис туман,
Тайный предвестник грядущей стужи,
Сухую лепешку засунь в карман,
Бочонок с водой задвинь потуже.
Сети крепки, и верна леса,
Не унывай, не развлекайся,
Проверь уключины и паруса,
Сядь у руля и отправляйся.
Ветер надует парус бугром,
Ветер нагонит лодку, играя,
Волна за кормою горит огнем,
Волна волну перегоняет.
Лодку качает вверх и вниз,
Слышишь ли стук привычным ухом?
Чайки над волнами пронеслись —
И расклубились, белые, пухом.
Чайки над волнами пронеслись,
Значит, хорошей быть погоде.
Взгляни: над лодкой синяя высь,
Над лодкой огромное солнце ходит.
За борт сети. Пробки плывут,
Прыгают на волне веселой.
Благословен рыбачий труд,
Труд заскорузлый и тяжелый.
Там под водою стаи рыб
Мечутся, прыгают, играют,
Среди поросших травами глыб
Легкими всплесками проплывают.

Сколько подводных скрыто чудес,
Взглянешь — и слов найдется немало!
Там водорослей прохладный лес,
Крабы ползут и цветут кораллы.
Мчится макрель в голубом огне,
Сверкая стеклом, исчезая разом,
Камбала на песчаном дне
Следит за добычею хищным глазом.
Медуза плывет, светла и легка,
Тая и нежась в зеленом свете.
Тише! Стеною идет треска,
Ближе и ближе к заветной сети.
Сеть напружится, затрещит,
Веревка под жабры врежется верно,
Море взбунтуется, закипит
Чашей бурлящей и безмерной.
Эй, не волнуйся, не зевай,
Эй, не теряй минуты единой.
Рыбу из сети вынимай,
В плетеные складывай корзины.
Эй, не задумывайся, не грусти,
Сложи и свяжи веревкой сети.
Многие в море лежат пути,
В зимнем тумане и в легком свете.
Снова нам ветер в лица подул,
Запах соленый неся в безлюдье,
Снова мы слышим далекий гул,
Вздох океана широкой грудью.
Мороз нас душит или жара,
Ветер затих или дует снова;
Не все ли равно?.. С утра до утра
В море трудиться мы готовы.

1923

В ПУТИ

Мало мы песен узнали,
Мало увидели стран,
Судно в безвестные дали
Гнал по волнам океан.
Голову вскинешь — огромен
Туго надвинутый свод,
Снизу — неистов и темен
Воет водоворот.
Гулкие стонут канаты,
Рвет паруса ураган.
Сразу, с размаха, с раскат
Судно ныряет в туман.
Кто же несется из тучи,
Выплывшей на небеса,
Ты ли, Голландец Летучий,
В ночь развернул паруса?
Ты ль в этот сумрак жестокий,
В пену, в тревогу и в дым,
Выйдя на мостик высокий,
Рупором воешь своим?
Нет, под густыми волнами
Спит заповедный фрегат,
Только, гудя над песками,
Легкие ветры летят,
Только над скалами снова
Скользкая всходит заря,
Только над влагой свинцовой
Вздрагивают якоря.
Что нам легенды и песни,
Если тревожен восход,
Если грозней и чудесней
Воет водоворот.
Берег за берегом в пене
В наших ныряет глазах,
Тайное скрыто движенье
В выпуклых парусах.
Ветер бормочет и злится,
Тает вдали за кормой
Англия — легкою птицей,
Франция — синей каймой.

Мало мы песен узнали,
Мало увидели стран,
Судно в безвестные дали
Мчал по волнам океан.

1923

САКСОНСКИЕ ТКАЧИ

(Песня)

На воле — в лазури нежной
Прохладный день онемел...
Судьба —
Чтоб станок прилежный
Под ловкой рукою пел...

И песня —
Любви не ждите,
Сияющий мир далек...
За нитями вьются нити,
В основе снует челнок...

Ткачи —
Наступает осень,
Сентябрьский звездопад,
Но тихо скрипят колеса —
И нити летят, летят.

Шерстинка дрожит —
И снова,
Наматываясь, поет...
На воле дорогой новой
Сияющий мир идет.

На воле — огонь и ветер,
Тревога и барабан...
Полей и заводов дети
Тяжелый смыкают стан...

И встали ткачи, чтоб снова
Принять в свои руки власть,
Чтобы канат суровый
Для капитала спрясть...

Как тяжек на повороте
Их ткацких колес раскат —
Из жил и рабочей плоти
Они прядут канат.

Он натуго будет связан,
Упрямый и дикий враг, —
И заполощет разом
Обрызганный кровью флаг...

Из Дрездена недалеко
И до Берлина дойти.
Дойдем...
А там широко
Раскинулись пути.

Теперь мы узнаем, кто ты?
Как руки твои ловки?
На улицу — пулеметы,
На крышу лезьте, стрелки...

Отрите же лбы от пота,
Пусть радостным будет лик.
За взводом взвод,
И рота
К сраженью готова вмиг...

Из Дрездена недалеко
И до Берлина дойти.
Дойдем...
А там широко
Раскинулись пути.

1923

К ОГНЮ ВСЕЛЕНСКОМУ

Шли дни и годы неизменно
В огне желаний и скорбей,
И занавес взлетел — и сцена
Пылала заревом огней.
И в парике, в костюме старом,
Заученный поднявши взор,
Все с тем же пафосом и жаром
Нам декламировал актер.
Казалось, от созданья мира
Все так же выл и хлопотал
И бороду седую Лира
Все тот же ветер раздувал.
Все было скучно и знакомо,
Как примелькавшиеся сны,
От гула жестяного грома
До романтической луны.
Кисть декоратора писала
Всем надоевший павильон,
А зритель? Из пустого зала
Все так же восторгался он.
О театральные химеры!
Необычаен трудный вольт:
Пышноголового Мольера
Сменяет нынче Мейерхольд.
Он ищет новые дороги,
Его движения грубы...
Дрожи, театр старья, в тревоге:
Тебя он вскинет на дыбы.
И сердце радостное рвется
В еще неведомый туман,
Где новый Сганарель смеется,
Где рыщет новый Дон-Жуан.
Театр уже скончался старый
Под рокот лир и трубный гром.
Пора романтиков гитару
Фабричным заменить гудком.
Иди ж вперед тропой бессонной,
Назад с тревогой не гляди
Дорогой революционной
К огню вселенскому иди.

1923

ПАМЯТНИК ГАРИБАЛЬДИ

Были битвы — и люди пели...
По дорогам, летящим вдаль,
Оси пушечные скрипели,
Ржали мулы, сияла сталь...
Белый конь, выгибая шею,
Шел приплясывая...
А за ним
С бивуаков, где ветер веял,
Над кострами шатался дым...
Волонтерами смерть и слава
Предводительствовали...
    Вот
    Нож пастуший
    И штык кровавый,
    В парусах и знаменах флот.
    От Сицилии до Милана
    Гарибальди прошел —
    И встал
    Телом бронзового истукана
    На обтесанный пьедестал...
А кругом горизонт огромен...
И, куда долетает взгляд,
Острой грудой каменоломен
Альпы яростные лежат...
Ветер дует оттуда горный,
Долетает оттуда снег,
И, студеной узде покорный,
Конь на камне замедлил бег...
А внизу,
У его подножья,
На базарах и площадях,
Ветер смутной тревожит дрожью
Густо-черный поход рубах...
И прислушивается к кличу
Конник...
    Кажется, будто в ряд
    Гроздья воронов на добычу
    Опустились — и говорят...
Нож и ночь —
Вот закон упорный;

Столб с петлею —
Вот верный дар...
По зрачкам только ветер черный
Да разбойничий перегар...
    Это тех ли повстанцев дети,
    Что, покинув костры вдали,
    Через реки, обвалы, ветер
    Штык на Австрию навели...
Над Миланом
На пьедестале
Страшный всадник
И страшный конь;
Пальцы грозно узду зажали,
И у пристальных глаз ладонь;
С окровавленного гранита
В путь!
        На север!
                        В снега и мрак!
Крепче конское бей копыто,
Отчеканивая шаг...

1923

ФРОНТ

По кустам, по каменистым глыбам
Нет пути — и сумерки черней...
Дикие костры взлетают дыбом
Над собраньем веток и камней.
Топора не знавшие купавы
Да ручьи, не помнящие губ,
Вы задеты горечью отравы:
Душным кашлем, перекличкой труб.
Там, где в громе пролетали грозы,
Протянулись дымные обозы...
Над болотами, где спят чирки,
Не осока встала, а штыки...
Сгустки стеарина под свечами,
На трехверстке рощи и поля...
Циркулярами и циркулями
Штабы переполнены в края...
По масштабам точные расчеты
(Наизусть заученный урок)...
На трехверстке протянулись роты,
И передвигается флажок...
И передвигаются по кругу
Взвод за взводом...
Скрыты за бугром,
Батареи по кустам, по лугу
Ураганным двинули огнем...
И воронку за воронкой следом
Роет крот — и должен рыть опять...
Это фронт —
И, значит, непоседам
Нечего по ящикам лежать...
Это фронт —
И, значит, до отказа
Надо прятаться, следить и ждать,
Чтоб на мушке закачался сразу
Враг — примериваться и стрелять.
Это полночь,
Вставшая бессонно
Над болотом, в одури пустынь,
Это черный провод телефона,
Протянувшийся через кусты...

Тишина...
Прислушайся упрямо
Утлым ухом,
И поймешь тогда,
Как несется телефонограмма,
Вытянувшаяся в провода...
Приглядись:
Подрагивают глухо
Провода, протянутые в рань,
Где бубнит телефонисту в ухо
Телефона узкая гортань...
Это штаб...
И стынут под свечами
На трехверстке рощи и поля,
Циркулярами и циркулями
Комнаты наполнены в края...
В ночь ползком — и снова руки стынут,
Взвод за взводом по кустам залег.
Это значит:
В штабе передвинут
Боем угрожающий флажок.
Гимнастерка в дырьях и заплатах,
Вошь дотла проела полотно,
Но бурлит в бутылочных гранатах
Взрывчатое смертное вино...
Офицера, скачущего в поле,
Напоит и с лошади сшибет,
Гайдамáк его напьется вволю —
Так, что и костей не соберет.
Эти дни, на рельсах, под уклоны
(Пролетают... пролетели... нет...)
С громом, как товарные вагоны,
Мечутся — за выстрелами вслед.
И на фронт, кострами озаренный,
Пролетают... Пролетели... Нет...
Песнями набитые вагоны,
Ветром взмыленные эскадроны,
Эскадрильи бешеных планет.
Катится дорогой непрорытой
В разбираемую бурей новь
Кровь, насквозь пропахнувшая житом,
И пропитанная сажей кровь...

А навстречу — только дождь постылый,
Только пулей жгущие кусты,
Только ветер небывалой силы,
Ночи небывалой черноты.
В нас стреляли —
И не дострелили;
Били нас —
И не могли добить!
Эти дни,
Пройденные навылет,
Азбукою должно заучить.

1923

ОСЕНЬ

По жнитвам, по дачам, по берегам
Проходит осенний зной.
Уже необычнее по ночам
За хатами псиный вой.
Да здравствует осень!
Сады и степь,
Горючий морской песок
Пропитаны ею, как черствый хлеб,
Который в спирту размок.
Я знаю, как тропами мрак прошит,
И полночь пуста, как гроб;
Там дичь и туман
В травяной глуши,
Там прыгает ветер в лоб!
Охотничьей ночью я стану там,
На пыльном кресте путей,
Чтоб слушать размашистый плеск и гам
Гонимых на юг гусей!
Я на берег выйду:
Густой, густой
Туман от соленых вод
Клубится и тянется над водой,
Где рыбий косяк плывет.
И ухо мое принимает звук,
Гудя, как пустой сосуд;
И я различаю:
На юг, на юг
Осетры плывут, плывут!
Шипенье подводного песка,
Неловкого краба ход,
И чаек полет, и пробег бычка,
И круглой медузы лед.
Я утра дождусь...
А потом, потом,
Когда распахнется мрак,
Я на́ гору выйду...
В родимый дом
Направлю спокойный шаг.
Я слышал осеннее бытие,
Я море узнал и степь,

Я свистну собаку, возьму ружье
И в сумку засуну хлеб...
Опять упадет осенний зной,
Густой, как цветочный мед, —
И вот над садами и над водой
Охотничий день встает...

1923, 1928

ТРУД

Этой зимой в заливе
Море окоченело.
Этой зимой не виден
Парус в студеной дали.

Встанет апрельское солнце,
Двинется лед заповедный,
В море, открытое море
Вылетит шлюпка моя.

И за кормою высокой
Сети по волнам польются,
И под свинцовым грузилом
Станут на зыбкое дно.

Сельди, макрели, мерланы,
Путь загорожен подводный,
Жабры сожмите — и мимо,
Мимо плывите сетей!

Знает рыбацкая удаль
Рыбьи становища. Полон
Легкий баркас золотистой
И голубой чешуей.

Руль поверни, и на берег
Вылетит лодка. И руки,
Жадные и сухие,
Рыбу мою разберут.

Выйди, апрельское солнце,
Солнце труда и веселья,
Встань над соленой водою
В пламени жарких лучей!

Но за окном разгулялась
Злая февральская вьюга,
Снег пролетает, и ветер
Пальцем в окошко стучит.

В комнате жарко и тихо,
В миске картофель дымится,
Маятник ходит, и мерно
Песню бормочет сверчок.

Выйди, апрельское солнце,
Солнце труда и простора!
Лодка просмолена. Парус
Крепкой заштопан иглой.

1924

СМЕРТЬ

Страна в снегах, страна по всем дорогам
Исхожена морозом и ветрами;
Сугробы в сажень, и промерзла в сажень
Засеянная озимью земля.
И города, подобно пешеходам,
Оделись в лед и снегом обмотались,
Как шарфами и башлыками.
Грузно
Закопченные ночи надвигали
Гранитный свод, пока с востока жаром
Не начинало выдвигаться солнце,
Как печь, куда проталкивают хлеб.
И каждый знал свой труд, свой день
и отдых.
Заводы, переполненные гулом,
Огромными жевали челюстями
Свою каменноугольную жвачку,
В донецких шахтах звякали и пели
Бадьи, несущиеся вниз, и мерно
Раскачивались на хрипящих тросах
Бадьи, несущиеся вверх.
Обычен
Был суток утомительный поход.
. . . .
И в это время умер человек.
. . . .
Страна в снегах, страна по всем дорогам
Исхожена морозом и ветрами.
А посредине выструганный гладко
Сосновый гроб, и человек в гробу.
И вкруг него, дыша и топоча,
Заиндевелые проходят люди,
Пронесшие через года, как дар,
Его слова, его завет и голос.
Над ним клонятся в тихие снега
Знамена, видевшие дождь и ветер,
Знамена, видевшие Перекоп,
Тайгу и тундру, реки и лиманы.
И срок настал:
Фабричная труба

Завыла, и за нею загудела
Другая, третья, дрогнул паровоз,
Захлебываясь паром, и, натужась
Котлами, засвистел и застонал.
От Николаева до Сестрорецка,
От Нарвы до Урала в голос, в голос
Гудки раскатывались и вздыхали,
Оплакивая ставшую машину
Огромной мощности и напряженья.
И в диких дебрях, где, обросший мхом,
Бормочет бор, где ветер повалил
Сосну в болото, где над тишиною
Один лишь ястреб крылья распахнул,
Голодный волк, бежавший от стрелка,
Глядит на поезд и, насторожив
Внимательное ухо, слышит долгий
Гудок и снова убегает в лес.
И вот гудку за беспримерной далью
Другой гудок ответствует. И плач
Котлов клубится над продрогшей хвоей.
И, может быть, живущий на другой
Планете, мечущейся по эфиру,
Услышит вой, похожий на полет
Чудовищной кометы, и глаза
Подымет вверх, к звезде зеленоватой.

. . . .

Страна в снегах, страна по всем дорогам
Исхожена морозом и ветрами,
А посредине выструганный гладко
Сосновый гроб, и человек в гробу.

1924

СССР

Она в лесах, дорогах и туманах,
В болотах, где качается заря,
В острожной мгле и в песнях неустанных,
В цветенье Мая, в буйстве Октября.
Средь ржавых нив, где ветер пробегает,
Где перегноем дышит целина,
Она ржаною кровью набухает,
Огромная и ясная страна.
Она глядит, привстав над перевалом,
В степной размах, в сырой и древний лог,
Где медленно за кряжистым Уралом
Ворочается и сопит Восток.
Выветриваются и насквозь пробиты
Дождями идолы. У тайных рек,
С обтесанного наклонясь гранита,
Свое белье полощет человек.
Промышленные шумные дороги
Священных распугали обезьян,
И высыхающие смотрят боги
В нависнувший над пагодой туман.
Восток замлел от зноя и дурмана, —
Он грузно дышит, в небо смотрит он.
Она подует, с вихрем урагана
Враз опостылевший растает сон.
Восток подымется в дыму и громе,
Лицо скуластое, загар — как мед;
Прислушайся: грознее и знакомей
Восстание грохочет и поет.
Она глядит за перевал огромный,
В степной размах, в сырой и древний лог,
Под этим взглядом сумрачный и темный
Ворочается и сопит Восток...
Кружатся ястребы, туманы тают,
Клубятся реки в сырости долин,
Она лицо на запад обращает,
В тяжелый чад и в суету машин.
Она лицо на запад обращает,
Над толпами, кипящими котлом,
И голову свою приподымает
Рабочий, наклоненный над станком.

Там едкий пот — упорен труд жестокий,
Маховики свистят и голосят,
Там корабельные грохочут доки,
Парят лебедки, кабели гудят.
Там выборы, там крики и удары,
Там пули временное торжество,
Но посмотри: проходят коммунары, —
Их сотни, тысячи, их большинство.
И мировое закипает вече,
Машины лязгают, гудки поют;
Затекшие там разминает плечи
От пут освобождающийся труд.
Мы слышим гул тяжелого прибоя,
Не сердце ли колотится в груди,
Мы ждем тебя, восстанье мировое,
Со всех сторон навстречу нам иди!

1924

О ПУШКИНЕ

...И Пушкин падает в голубоватый
Колючий снег. Он знает — здесь конец...
Недаром в кровь его влетел крылатый,
Безжалостный и жалящий свинец.
Кровь на рубахе... Полость меховая
Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег и скука путевая,
Возок уносится назад, назад...
Он дремлет, Пушкин. Вспоминает снова
То, что влюбленному забыть нельзя, —
Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.
Случайный ветер не разгонит скуку,
В пустынной хвое замирает край...
...Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои леса
Следит — упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые скользкие зрачки.
И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал,
И в свисте пуль, за песней пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв...
...Цветет весна — и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив.

1924

СКУМБРИЯ

Улов окончен. Баламутом сбита
В серебряную груду скумбрия.
Шаланда легкой осыпью покрыта,
И на рубахе стынет чешуя.
Из лозняка плетеные корзины
Скумбриями набиты до краев.
Прохладной сталью отливают спины,
И сталь сквозит в отливах плавников.
Мы море видели, мы ветры знаем,
Мы верим в руку, что вертит рулем,
С веселой песней в море отплываем
И с песнею через валы плывем.
За нами порт и говорливый город,
Платаны и акации в цвету,
Здесь ветры нам распахивают ворот
И парус надувают на лету.
Низовый дует — и звенит у мола
Волна — мартын ныряет и кричит,
Кренит шаланда, и скрипит шпринтола
И кливер, понатужившись, трещит.
Мы начинаем дружную работу,
На смуглых лбах соленый тает пот.
Мы слышим крик: готовься к повороту!
И паруса полощут — поворот!
Нам бьет в лицо пропахший солью ветер,
Качает нас соленая струя,
В сырую тьму мы высыпаем сети,
И в сети путается скумбрия.
Потом назад дорогою веселой,
Густая пена за рулем бежит.
Кренит шаланда, и скрипит шпринтола,
И кливер, понатужившись, трещит.

1924

БАСТИЛИЯ

Бастилия! Ты рушишься камнями,
Ты падаешь перед народом ниц...
Кружится дым! Густое свищет плам
Ножами вырываясь из бойниц.
Над Францией раскат борьбы и мести!
(Из дальних улиц барабанный бой...)
Гляди! Сент-Антуанское предместье
Мушкетом потрясает над тобой.
Оно шумит и движется, как пена,
Волнуется, клокочет и свистит...
И голосом Камилла Демулена
Народному восстанью говорит!
Король! Пора!
К тебе народ взывает!
К тебе предместий тянется рука!
Гремит охота. Ветер раздувает
Напудренные букли парика...
Олений парк. Английская кобыла
Проносится по вереску...
А там
Трясутся стены воспаленной силой
И отблески танцуют по камням.
Король, ты отдыхаешь от охоты,
Рокочут флейты, соловьи поют...
...Но близок час!
В Париже санкюлоты
Республику руками создают!
В ком сердце есть, в ком воля закипает,
Вперед! Вперед! По жилам хлещет
дрожь!..
И Гильотэн уже изобретает
На плаху низвергающийся нож.
Еще в сердцах не разгулялось пламя,
Еще сжимает жесткий нож ладонь,
Но Робеспьер скрывает за очками
Сверкающую радость и огонь...
Но барабанов мерные раскаты
Восстаний отчеканивают шаг,
Но выщербленное лицо Марата,
Прищурившись, оглядывает мрак...

Бастилия! Ты рушишься камнями,
Ты сотрясаешь площадей гранит...
Но каждый камень зажигает пламя,
И в каждом сердце барабан гремит!

1924

СЛОВО — В БОЙ

(На смерть т. Малиновского)

Плавится мозолистой рукою
Трудовая, крепкая страна.
Каждый шаг еще берется с бою,
В каждом сердце воля зажжена.
Были дни — винтовкой и снарядом
Отбивался пролетариат.
Кровь засохла —
под землею кладом
Кости выбеленные лежат.
А над ними, трудовой, огромный,
Мир встает, яснеет кругозор...
И на битву с крепью злой и темной
От завода движется рабкор.
Сталь пера, зажатая сурово,
Крепче пули и острей ножа...
И печатное стегает слово
Тех, кто в темень прячется, дрожа.
И печатное грохочет слово
Над виновными, как грузный гром,
Разрываясь яростью свинцовой
Над склоняющимся в прах врагом.
Что сильней рабочего напора!
Слово едкое, как сталь остро!
В героической руке рабкора
Заливается, звенит перо!
Голосом маховиков и копей
Говорит рабкор.
И перед ним
Сила вражья мечется, как хлопья
Черной сажи, и летит, как дым.
Но не дремлет вражеская сила,
Сила вражеская не легка:
Вот рабкора, притаясь, убила
Хитрая, лукавая рука...
Слишком смело он пером рабочим
Обжигал, колол и обличал,
Слишком грозно поглядел ей в очи,
Слишком громко правду закричал.

**Гей, рабкор! Свое перо стальное
Зажимай мозолистой рукой,
Чтоб ты мог за право трудовое
Дать решительный, последний бой.**

1924

ПОРТ

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Он входит в порт, огромный, неуклюжий,
Обглоданный ветрами пароход,
Из труб куделью, душной и верблюжьей,
Сползает дым и за корму плывет.
А порт не спит... Товарные вагоны
По рельсам двигаются и скрипят...
Течет зерно струей неугомонной,
И грузчики у сходен голосят.
И дни текут, пропахшие душистой
Пшеничной пылью, дымом и смолой;
Все тот же зной, томительный и мглистый,
И плачущий мартын над головой...
А дальше, там, где не дымятся трубы
И копоть не покрыла небеса,
Там гички вылетают из яхт-клуба,
И яхты расправляют паруса...
За маяком, за вольным поворотом,
Свежеет ветер и плывут дубки,
Там высыпают в воду переметы
С Фонтана прибывшие рыбаки...
И сквозь простор, заснувший непробудно,
Подергивает рябью ветровой,
Из Севастополя проходит судно,
И красный флаг полощет за кормой.
А дальше тишь, а дальше соль и птицы,
Смолистая, тяжелая вода...
Но вот дымок — плывут из-за границы
В советский порт торговые суда.

1924

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кто услышал раковины пенье,
Бросит берег — и уйдет в туман;
Даст ему покой и вдохновенье
Окруженный ветром океан...

Кто увидел дым голубоватый,
Подымающийся над водой,
Тот пойдет дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...

Так и я...
Мое перо писало,
Ум выдумывал,
А голос пел;
Но осенняя пора настала,
И в деревьях ветер прошумел...

И вдали на берегу широком
О песок ударилась волна,
Ветер соль развеял ненароком,
Чайки раскричались дотемна...

Буду скучным я или не буду —
Все равно!
Отныне я другой...
Мне матросская запела удаль,
Мне трещал костер береговой...

Ранним утром
Я уйду с Дальницкой,
Дынь возьму и хлеба в узелке,
Я сегодня
Не поэт Багрицкий,
Я — матрос на греческом дубке...

Свежий ветер закипает брагой,
Сердце ударяет о ребро...
Обернется парусом бумаг
Укрепится мачтою перо...

Этой осенью я понял снова
Скуку поэтической нужды;
Не уйти от берега родного,
От павлиньей,
Радужной воды...

Только в море —
Бесшабашней пенье,
Только в море —
Мой разгул широк:
Подгоняй же, ветер вдохновенья,
На борт накренившийся дубок...

1924

АРБУЗ

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!
Дубок, шевели парусами!

Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...
В два пальца, по-боцмански,
ветер с
И тучи сколочены плотно.
И ерзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны — навылет!
Сквозь дождь — наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем на ощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель.
И море топочет как рынок,
На мель нас кидает,

Нас гонит на мель
Последняя наша путина!

Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней еще не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду, —
Мне жизни веселой теперь не сберечь —
И руль оторвало, и в кузове течь!..

Пустынное солнце над морем встает,
Чтоб воздуху таять и греться;
Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...
В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдет,
Окончены ветер и качка, —
Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

1924, 1928

ОСЕНЬ

Осень морская приносит нам
Гулко клокочущее раздолье.
Ворот рубахи открыт ветрам,
Ветер лицо обдувает солью.
Я в это утро открыл глаза,
Полные тьмы и смолистой дрёмы, —
Вижу: прозрачное, как слеза,
Море стоит полосой знакомой.
Хворост по дачам приятель мой
С ночи собрал — и теперь протяжно
Чайник звенит... А над головой
Небо обмазано синькой влажной.
Нынче в редакцию не пойду
(Не одолеть мне осенней дури).
В пыльном сарае свой прут найду,
Лёску поправлю на самодуре...
Снова иду на рыбачий труд,
К старому вновь возвращаюсь делу;
Вьется, звенит за кормою прут,
Воду взрезает лесиной белой.
«Что же, — приятель мне говорит, —
Нет скумбрии, искупаться надо!»
В море с размаху! И вот кипит
Солью пропитанная прохлада.
Ветер за солнцем идет кругом:
Утром — низовый, горышний — ночью...
В сети залезем и спим вдвоем.
Холод шевелит рубахи клочья.
Солнце приветствуют петухи,
Мрак улетает, и месяц тонет;
Так начинаются стихи, —
Ветер случайную рифму гонит.
Слово за словом, строка к строке,
Сердце налито соленой брагой.
Крепко зажат карандаш в руке,
Буквами кроется бумага.
Осень морская приносит нам
Песенный дух и зыбей раздолье.
Ворот рубахи открыт ветрам,
Ветер лицо обдувает солью.
1924

КИНБУРНСКАЯ КОСА

Сквозь сумерки —
Судороги перепелов.
От сумерек
Степь неприкаянней,
А к берегу движется переполох,
Волны раскачнувшийся маятник...
Он вместе с восходом
Уходит в туман,
Он вместе с закатом
По берегу бьет...
Вокруг маяка
Сходит с ума,
Стучит по бортам
И качает бот...
Я ветер вдыхаю...
И с каждым глотком
По жилам проносится соль,
Крылатые волны над желтым песком
Прокатывают колесо...
Из круглого танца морских фанаберий,
Ударя вприсядку, выходит берег...
Выходит вприсядку
И машет кустом,
Прибрежною машет лозиной.
К воде надвигается солончаком
И отодвигается глиной...
Кустарником свищет, норд-вестом звенит,
Сухую сосну устремляет в зенит...
Я знаю пропитанный песнями дух
Трагической этой земли,
Я знаю, о чем запевает пастух,
Чем кормится стадо вдали.
И вот, проплывая под берегом рослым,
Баркас, будто цыган, кочует,
И пальцы, прижатые натуго к веслам,
Подводную фауну чуют...
(Присоски и щупальцы, радуга рыб,
Бродячей медузы пылающий гриб,
Да белый мартын над простором воды
Кидается за отраженьем звезды...)

И слышится голос
Рыбацкой тоски,
Что мечется в берег, стеня,
И вот надвигаются солончаки,
И вот захлестнули меня...
О, с этого берега в тысячу раз
Ясней и приметнее море,
Как будто какой-нибудь дом иль баркас
Его заслоняли от пристальных глаз,
И нынче — оно разлетается враз,
Качается в пылком уборе...
И тина цветет, и горят маяки,
И ветры по сумеркам шарят...
Ладонь над глазами — глядят моряки
В сияющих вод полушарье.

1924, 1927

У МОРЯ

Над лиманской солью невеселой
Вечер намечается звездой...
Мне навстречу выбегают села,
Села нависают над водой...

В сумраке, без формы и без веса,
Отбежав за синие пески,
Подымает черная Одесса
Ребра, костяки и позвонки...

Что же? Я и сам еще не знаю,
Где присяду, где приют найду:
На совхозе ль, что ютится с краю,
У рыбачки ль в нищенском саду?

Я пойду тропинкою знакомой
По песку, сухому, как навоз,
Мне навстречу выбежит из дому
Косоглазый деревенский пес...

Вспугнутая закружится чайка,
Тени крыльев лягут на песок,
Из окошка выглянет хозяйка,
Поправляя на плечах платок.

Я скажу: «Маруся, неужели
Вырос я и не такой, как был?
Год назад, в осенние недели,
Я на ближнем неводе служил...»

Сердце под голландкою забьется,
Заиграет сердце, запоет.
Но Маруся глянет, повернется,
Улыбнется и в курень пойдет.

Я — не тот. Рыбацкая сноровка
У меня не та, что год назад, —
Вышла сила, и сидит неловко
Неудобный городской наряд.

Над лиманом пролетают галки,
Да в заливе воет пароход...
Я не буду нынче у спасалки
Перекатывать по бревнам бот.

Я не буду жадными глазами
Всматриваться в тлеющий восток,
С переливами и бубенцами
Не заслышу боцманский свисток.

Я пойду дорогою знакомой
По песку, сухому, как навоз;
Мне навстречу выбежит из дому
Космоногий деревенский пес.

1924

ДЕТСТВО

На базаре ссорились торговки;
Шелушилась рыбья чешуя;
В этот день, в пыли, на Бугаевке
В первый раз увидел солнце я...
На меня столбы горячей пыли
Сыпало оно сквозь зеленя;
Я не помню, как скребли и мыли,
В одеяла кутали меня...
Я взрастал пшеничною опарой,
Сероглазый, с белой головой,
В бурьянах, за будкой квасовара,
Видел ветер над сухой травой...
Бабы ссорятся, проходят люди,
Свищет поезд, и шумят кусты;
Бугаевка! Никогда не будет
Местности прекраснее, чем ты...
И твое веселое наследство
Принял я, и я навеки твой, —
Ведь недаром прокатилось детство
Звонким обручем по мостовой,
И недаром в летние недели
Я бродил на хуторах степных,
И недаром джурбаи гремели,
В клетках, над окошками пивных...
Сколько лет... Уходит тень за тенью,
И теперь сквозь бестолочь годов
Начинается сердцебиенье
У меня от свиста джурбаев...
Бугаевка! Выйдешь на дорогу,
А из степи древнею тоской
По забытому степному богу
Веет ветер, наплывает зной —
Долетают дальние раскаты
Грома — и повиснет тишина,
Только, свистнув, суслик полосатый
Встанет над колючками стерна,
Только ястреб задрожит над стогом,
Крыльями расплескивая зной, —
И опять по жнитвам, по дорогам
Тихо веет древностью степной.

Может, это ничего не значит,
Я не знаю, — только не уйти
От платанов на пустынной даче,
От степного славного пути...

Ветер, ветер, бей по огородам
Свеклу и подсолнухи; крути
Дерезу; неистовым походом
Проплыви поселки и пути...
И сквозь ветер матушка проходит
В хлев, в соломенный, коровий дух,
Где скотина мордою поводит
И в навозе роется петух...
Матушка! Ты через двор щербатый
Возвращаешься обратно в дом,
И в руках твоих скрипят ушаты,
Распираемые молоком...
Свежий ветер мчит по Бугаевке
Репухи и сохлое былье,
И за ветром мчится на веревке
Щелоком пропахшее белье...
Свежим ветром сорвана с сарая,
Свистом перепугана моим —
Раз! — и нет — кружит и плещет стая
Голубей, прозрачная как дым...
Поднялись — летят напропалую,
Закрутились над коньком крыльца,
Каждый голубь в свежесть голубую
Штопором ввинтился до конца...
Тяжело охотницкое дело —
Шест в ладонь, — а ну еще наддай,
И кричу я ввысь остервенело:
«Кременчугские! — Не выдавай!»

Август 1924

МОРЯКИ

Ветер качает нас вверх и вниз,
Этой ли воли нам будет мало!
Глянешь за борт — за бортом слились
Сизый песок, темнота и скалы.
Этой дорогой деды шли;
Старые ветры в канатах выли,
Старые волны баркас вели,
Старые чайки вдали кружили.
Голосом ветра поет волна,
Ночь надвигается синей глыбой,
Дует приморская старина
Горькою солью и свежей рыбой.
Все неудачники, все певцы
Эту рутину облюбовали,
Звонок был голос: «Отдай концы!»
Звонок был путь, уводящий в дали!
Кто открывал материк чужой,
Кто умирал от стрелы случайной,
Все покрывалось морской водой,
Все заливалось прохладной тайной.
Ты не измеришь, сколько воды
Стонет в морях и в земле сокрыто...
Пальмы гудят, проплывают льды,
Ветры хрипят между глыб гранита.
Сохнут озера, кружится снег,
Ветер и ночь сторожат в просторе...
Гибель и горе... Но человек
Водит суда и владеет морем.
Компас на месте, размерен шаг,
Дым исчезает под небом нежным;
Я о тебе пою, моряк,
Голосом слабым и ненадежным!

1925

ОХОТА НА ЧАЕК

День как колокол: в его утробе
Грохот волн и отдаленный гром...
Банка пороху, пригоршня дроби,
Старая берданка за плечом...
Скумбрия проходит косяками,
Мартыны летят за скумбрией...
Вбит патрон. Под всеми парусами
Вылетает ялик смоляной...
Правь рулем, поглядывай на шкоты!
Ветер сбоку, — сзади плеск и гул!
Можно крыть! Готовься к повороту —
Хлещет парус, ялик повернул...
Скумбрия проходит полосою,
Выбегает вверх из глубины,
И за ней над самою водою
Грузно потянулись мартыны...
Мы недаром вышли спозаранку,
Паруса подняли сгоряча, —
Птицей поднимается берданка,
Поднялась и стала у плеча.
Скумбрия проходит косяками,
К солнцу вылетает из волны.
И за рыбой низко над волнами
Тихо проплывают мартыны...
Глаз прищурь и дробью крой с налета, —
Крылья набок и последний крик!
На борт руль! Готовься к повороту —
Подлетаем к птицам напрямик.
Вот они, пробитые навылет,
Выстрелом пронизанные в прах;
Пена их прохладным мылом мылит,
Море их шатает на волнах...
Свежий ветер, песня путевая,
Сизый дым над розовым песком...
Ялик мой! Страда моя морская,
Старая берданка за плечом!

Сентябрь 1924

РЫБАКИ

Восточные ветры, дожди и шквал
И громкий поход валов
Несутся на звонкое стадо скал,
На желтый простор песков...
По гладкому камню с размаху влезть
Спешит водяной занос, —
Вытягивай лодки, в ком сила есть,
Повыше на откос!..
И ветер с востока, сырой и злой,
Начальником волн идет,
Он выпрямит крылья, —
Летит прибой, —
И пена стеной встает...
И чайкам не надо махать крылом:
Их ветер возьмет с собой, —
Туда, где прибой летит напролом
И плещет наперебой.
Но нам, рыбакам,
Не глядеть туда,
Где пена встает, как щит...
Над нами туман,
Под нами вода,
И парус трещит, трещит...
Ведь мы родились на сыром песке,
И ветер баюкал нас,
Недаром напружен канат в руке,
И в звезды летит баркас...
Я сам не припомню, какие дни
Нас нежили тишиной...
Туман по утрам,
По ночам — огни
Да ветер береговой.
Рыбак, ты не должен смотреть назад!
Смотри на восток — вперед!
Там вехи над самой водой стоят
И колокол поет.
Там ходит белуга над зыбким дном,
Осетра не слышен ход,
Туда осторожно крючок за крючком
Забрасывай перемет...

Свечою из камня стоит маяк,
Волна о подножье бьет...
Дожди умывают тебя, рыбак,
И досуха ветер трет.
Так целую жизнь — и в дождь,
и в
Гляди на разбег валов,
На чаек, на звонкое стадо скал,
На желтый простор песков.

1924

ОДЕССА

Над низкой водою пусты пески,
Косматые скалы и тина,
Сюда контрабанду свозили дубки,
Фелюги и бригантины.

На греческой площади рынок шумел,
Горели над городом зори,
Дымились кофейни, и Пушкин смотрел
На свежее сизое море.

Одесса росла, и торговым рядам
Тяжелая вышла работа:
По грудам плодов, по дровам, по тюкам
Хмельная легла позолота.

И в золоте этом цвели берега,
И в золоте этом пылали
И фески матросов, и пыль, и стога,
Что силой пшеничною встали.

Спиною к степям — и глазами к воде —
Ты кинулась и обомлела.
Зюйд-вест над тобою весною гудел,
Зимою морянка шумела.

Зимою дожди, по весне тишина,
Платанами пели бульвары;
Сто лет ударялась о берег волна,
Сто лет гомонили базары.

В предместьях горланили утром гудки,
Трактиры кипели котлами;
Гвоздями подкованные башмаки
С размаху гремели о камень.

В предместьях, в запекшихся
сгустках сердец,
Средь копоти, сажи и пыли,
Скрипело: «Пора, наступает конец!»
И пальцы сжимались и ныли.

Был пафос дождей и осенняя муть:
Октябрь по тропе спозаранку
Прошел. И наотмашь распахнута грудь.
И порвана пулей голландка.

Не Пушкину петь о рабочей страде!
Мы вышли из черных кварталов
Над нами норд-ост, пролетая, гудел,
Внизу мостовая стонала

Навылет хлестала осенняя муть,
Колючая сыпь спозаранку
Легла. На морянке распахнута грудь
И порвана пулей голландка.

А после: сраженья, и голод, и труд,
Винтовка, топор и машина.
В труде не заметишь, как годы идут, —
Восьмая идет годовщина!

1924

АМССР

Из-за Днестра, из-за воды гулливой,
Знакомый чад, чабаний разговор;
Цветут сады и яблоней и сливой,
Свистит пила, и падает топор.
Тугая цепь заклепана заргне,
Внимателен сторожевой румын,
И ты глядишь, плечистый молдаванин,
Из Бессарабии в простор равнин.
Не твой ли брат встает освобожденный
И громогласный оклик подает,
Не та же ль кровь струей разгоряченной
По жилам мечется и сердце жжет.
В степях гуляет ветер беззаботный,
И небо жаворонками полно,
Здесь шли: Зеленый, Ангел, Заболотный,
Тютюнник, и Петлюра, и Махно.
Шумит за Балтой яровая сила.
В Тирасполе густеет виноград,
Здесь кости бесшабашные сложила
Сраженная бандитская орда.
Здесь укрывалась дрофами степными
Офицерня до роковой поры:
Здесь разгорались в сумраке и дыме
Привольные чумацкие костры.
Вся эта нечисть наполняла села.
По самоварам самогон гудел,
Но вот Котовский с конницей веселой
Ударил пикой, пулей просвистел.
Из камышей, затихнувших в тумане,
Из рощ, из нераспаханных полей
На клич его выходят молдаване,
Оружье чистят и скребут коней.
Затихли ветры, улеглись пожары,
Шумят дожди, и движется туман;
Овчарки бегают вокруг отары,
Жалейкой заливается чабан.
Через реку привольно и мятежно
Перелетающий поет огонь.
С другого берега гляди прилежно,
Зажав топор в широкую ладонь.

Смотри, смотри: упорно и сурово
Скрипят арбы, встает за станом стан,
Над водами подъемлет флаг багровый
Республика свободных молдаван.

1924

ЗА ГРАНИЦУ

Значит, снова мы уходим в море,
Снова за границу поплывем.
Снова зимние сырые зори
Проплывут пред нашим кораблем.
Полон трюм, работает машина,
Растекается по волнам дым.
Видит вахтенный: вода пустынна,
Гул выходит из утробной тьмы.
Кочегар подбрасывает уголь,
Даль нащупывает капитан.
И под судно прыгает упруго
Злая черноморская волна.
Знаем мы, что скоро, очень скоро
Из тумана, из летящих вьюг
Освещенные врата Босфора
Перед нами распахнутся вдруг.
Мимо, мимо. Нас встречают зори,
Нас в ночи приветствует маяк,
Полыхает в Средиземном море
Красным пламенем Советский флаг.
Дни идут, взволнованные пеньем,
За винтом бунтуется вода.
Первой ласточкой освобожденья
Наш корабль врывается сюда.
Новый мир ему встает навстречу,
Ветры новые ему поют.
Флаг завидев, разминает плечи
Подневольный, заскорузлый люд.
Долог путь, затянутый туманом,
Но несут советские суда
По морям, по шумным океанам
Весть освобождения труда.

1924

1924

Кончается. Окончен. Отгудел
Тяжелый год. По взморьям, лукоморьям,
По городам, лесам и плоскогорьям
Последний день туманом пролетел.
Он грузен был, двадцать четвертый год.
Тяжка его повадка трудовая:
В последний день он весело поет,
Тяжелые маховики вращая.
Среди веков проложена межа
Руками и штыками дерзновенных.
Прекрасны годы буйств и мятежа,
Сражений и восстаний вдохновенных.
Но нам прекрасней кажется стократ
Упорный год строительной работы,
Гул тракторов, размерный стук лопат,
Маховиков крутые повороты.
Был страшный час! Трещал на реках лед,
Кружился снег, дороги заметая.
Скончался Ленин! Но у нас поет
Кровь Ильича, пс жилам пролетая...

И эта кровь ведет к работе нас,
Пробег ее крылат и неизменен.
И кажется: одним движеньем глаз
Руководит рабочей волей Ленин.

Мы с Лениным заканчиваем год.
Незыблема повадка трудовая:
Ведь в каждом пролетарии поет
Кровь Ильича, по жилам пролетая!

Мы слышим: сердце плещется в груди.
Мы чувствуем: наш голос чист и ясен.
Грядущий год, машинный год, иди!
Моря распахнуты — и труд прекрасен.

1924

ЯНВАРЬ

Горечью сердце напоено,
Ветер свистит в ушах,
Память об этом живет давно.
Кровь горяча в снегах.
Слушай сердец заповедный звон,
Прямо в глаза смотри:
Видишь на золоте икон
Страшный огонь зари?
Путь по снегам. И готов свинец...
Воздух как дым, как гарь,
Полк наготове. И во дворец
Волком укрылся царь...
Так наступает грозовый миг,
Звук — и окончен срок.
Над офицером взвивал башлык
Западный ветерок.
Несколько слов... И конец, конец...
В жилах шипит свинец.
Вдаль по сугробам, безумный бег...
Солнце, мороз и снег.
Зимы проходят в снегах, горя,
Время спешит вперед,
Но о Девятом января
Память в сердцах живет.

Ветер кружится над землей
В мире снегов и льда.
«Ленина нет» голосят струной
Звонкие провода.
Ленина нет, становись в ряды,
Громче раскат шагов.

Вдаль через ветер, сквозь ночь и льды
В сизую муть снегов.
В старую жизнь мы врубаем след,
Грозно глядим вперед;
Ленин скончался, Ленина нет —
Сердце его живет!

Ветер кружится роковой,
В воздухе мгла и гарь,
Так подымается над землей
Памятный нам Январь.

1925

ЛЕНИН С НАМИ

По степям, где снега осели,
В черных дебрях,
В тяжелом шуме,
Провода над страной звенели:
«Нету Ленина.
Ленин умер».
Над землей,
В снеговом тумане,
Весть неслась,
Как весною воды;
До гранитного основания
Задрожали в тот день заводы.
Но рабочей стране неведом
Скудный отдых
И лень глухая,
Труден путь.
Но идет к победам
Крепь, веселая, молодая...
Вольный труд закипает снова:
Тот кует,
Этот землю пашет;
Каждой мыслью
И каждым словом
Ленин врезался в сердце наше.
Неизбывен и вдохновенен
Дух приволья,
Труда и силы:
Сердце в лад повторяет:
«Ленин».
Сердце кровь прогоняет в жилы.
И по жилам бежит волнами
Эта кровь и поет, играя:
«Братья, слушайте.
Ленин с нами.
Стройся, армия трудовая».
И гудит, как весною воды,
Гул, вскипающий неустанно...
«Ленин с нами», —
Поют заводы,
В скрипе балок,

Трансмиссий,
Кранов...
И летит,
И поет в тумане
Этот голос
От края к краю.
«Ленин с нами», —
Твердят крестьяне,
Землю тракторами взрывая...
Над полями и городами
Гул идет,
В темноту стекая:
«Братья, слушайте:
Ленин с нами!
Стройся, армия трудовая!»

1925

УКРАЗИЯ

Волы мои, степями и полями,
Помахивая сивой головой,
Вы в лад перебираете ногами,
Вы кормитесь дорожною травой
По ковылям, где дрофы притаились,
Вблизи прудов, где свищут кулики.
Волами двинулись и задымились
Широкой грудью броневики.
По деревням ходил Махно щербатый,
И вольница, не знавшая труда,
Горланила и поджигала хаты
И под откос спускала поезда.
А в городах: молебны и знамена,
И рокот шпор, и поцелуй в уста.
Холеный ус, литая медь погонов,
И дробь копыт, и смех, и темнота.
Прибрежный город отдыхал в угаре,
По крышам ночь, как масло, потекла.
Платаны гомонили на бульваре
Гудел прибой, и надвигалась мгла.
Прибрежный город по ночам чудесней,
Пустая тишь и дальний гул зыбей.
И лишь нерусские звенели песни
Матросов с иностранных кораблей.
И снова день, и снова рестораны
Распахнуты. И снова гул встает.
И снова говор матерный и пьяный.
И снова ночь дорогою кровавой
Приходит к нам свершать обычный труд.
Тюрьма и выстрелы. А здесь зуавы
С матросами обнялись — и поют...
Мы в эти дни скрывались, ожидали,
Когда раздастся долгожданный зов.
Мы в эти дни в предместьях собирали
Оружие, листовки и бойцов
Ты, иностранец, посмотри, как нами
Сколочен мир, простой и трудовой.
Как грубыми рабочими руками
Мы знамя подымаем над собой.
Ты говоришь: «Укразия». Так что же,

Не мы ль прогнали тягостный туман,
Не мы ль зажгли вольнолюбивой дрожью
Рабочих всех материков и стран?
Бей по горну — железо не остынет,
Оно сверкает в огненной пыли.
Укразия! Примером будь отныне
Трудящимся со всех концов земли...

1925

СТИХИ О СОЛОВЬЕ И ПОЭТЕ

Весеннее солнце дробится в глазах,
В канавы ныряет и зайчиком пляшет,
На Трубную выйдешь — и громом в ушах
Огонь соловьиный тебя ошарашит...

Куда как приятны прогулки весной:
Бредешь по садам, пробегаешь базаром!..
Два солнца навстречу: одно над землей,
Другое — расчищенным вдрызг самоваром.

И птица поет. В коленкоровой мгле
Скрывается гром соловьиного лада...
Под клеткою солнце кипит на столе —
Меж чашек и острых кусков рафинада...

Любовь к соловьям — специальность моя,
В различных коленах я толк понимаю:
За лешевой дудкой — вразброд стукотня,
Кукушкина песня и дробь рассыпная...

Ко мне продавец:
«Покупаете? Вот
Как птица моя на базаре поет!
Червонец — не деньги! Берите! И дома,
В покое, засвищет она по-иному...»

От солнца, от света звенит голова...
Я с клеткой в руках дожидаюсь трамвая.
Крестами и звездами тлеет Москва,
Церквами и флагами окружает!

Нас двое!
Бродяга и ты — соловей,
Глазастая птица, предвестница лета,
С тобою купил я за десять рублей —
Черемуху, полночь и лирику Фета!

Весеннее солнце дробится в глазах.
По стеклам течет и в канавы ныряет.
Нас двое.

Кругом в зеркалах и звонках
На гору с горы пролетают трамваи.

Нас двое...
А нашего номера нет...
Земля рассолóдела. Полдень доспел.
Зеленою смушкой покрылся кустарник.
Нас двое...
Нам некуда нынче пойти;
Трава горячее, и воздух угарней —
Весеннее солнце стоит на пути.

Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоешь?
Где я рифмой раскинусь?
Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь —
Распивочно или на вынос?

Мы пойманы оба,
Мы оба — в сетях!
Твой свист подмосковный не грянет
в кустах,
Не дрогнут от грома холмы и озера...
Ты выслушан,
Взвешен,
Расценен в рублях...
Греми же в зеленых кустах коленкора,
Как я громыхаю в газетных листах!..

1925

АЛДАН

Сияющий иней покрыл тайгу,
И в пламени спит тайга...
Собаки бегут под таежный гул
На дикие берега...

Собаки захлестываются, храпят,
Постромку вожак грызет,
И сани поскрипывают, летят
К Алдану, вперед, вперед!

Алдан, ты медведем лежишь, Алдан,
Средь хвои, ветров и льда,
В тебе рудокоп разбивает стан,
Кипит над костром вода...

И золото, скрытое в ржавых мхах,
В прохладном песке ручьев,
Стекает, как желтый тяжелый прах,
В походный брезент мешков.

А золото в горных породах спит,
Сверкая огнем сухим,
Меж кварцевых глыб и гранитных плит
Клубится, как желтый дым.

И в тихой долине, где мгла и лень,
Где клюква и ржавый мох,
Копытом ударит седой олень
О золотой кусок...

И золото моют речной водой,
И в желобе из досок
На дно оседает густой-густой,
Тяжелый и желтый сок...

Медвежья округа шумит окрест
И глухариная глушь...
Над синею хвоей пустынных мест
Морозная бродит сушь.

В заимке над книгой рудокоп
Склоняет широкий лоб,
И Ленина имя на корешке
Скрывается в руке...

Под северным ветром гудит тайга,
И к югу летит туман.
Пустынные кряжи и берега —
Вот царство твое, Алдан...

Но слышен проворный собачий шаг,
Погонщиков крик и вой...
Горит над заимкою красный флаг,
Цветет снегирем меж хвой...

Скрежещут лопаты, кирки стучат,
Дымится вдали ночлег.
За золотом в недра! Ни шагу назад!
Ни шагу назад, человек!

1925

Взывает в рупор режиссер,
Юпитера горят,
Послушный мечется актер,
Стрекочет аппарат.
Густая, потная жара,
И в ярости огней
Идет привычная игра
Восторгов и страстей.

Но вот, покинув павильон,
К пустыням золотым
Перелетает аппарат,
И оператор с ним.
Перелетает аппарат
В песчаную страну,
В опустошенную мечеть,
Под низкую луну.

Верблюды, брызгая слюной,
Через пески идут.
Их стережет орел степной,
Их волки стерегут.
А в кишлаке звенит зурна,
Узбеки пляшут в лад,
И под чадрой поет жена...
Стрекочет аппарат.

Здесь конь промчится на закат,
Здесь ветер пропоет,
Но передвинут аппарат —
И перед ним завод.
Маховики кричат навзрыд,
И угольный нагар
Лопатой в топковой дыре
Колышет кочегар.

И, наклонившись над станком,
Спокоен и космат,
Нарезывает токарь винт...
Стрекочет аппарат.

Знамена в хвое молодой,
И в хвое юный мир,
Глядят веселые глаза
На шахматный турнир...

И в клубной зале человек,
Читающий доклад,
Стоит меж хвои голубой...
Стрекочет аппарат.

Суда уходят в океан,
В простор ночей и льда,
Их будет омывать рассол,
Им будет петь вода...

И ледовитая страна
Медведей и лисиц
Приветствует дымок из труб
Веселым визгом птиц.

Поднялись льдины над водой,
И сполохи горят —
Полощет вымпел судовой...
Стрекочет аппарат.

В певучей сутолоке толп
Иль там, где лес гудит,
Треножник аппарата встал,
И ручка дребезжит...
Взывает в рупор режиссер,
Юпитера горят.
Послушный мечется актер,
Стрекочет аппарат.

1925

1905

Еще не умолк пересвист гранат —
Не стаял в лугах туман,
Убитый еще не истлел солдат,
Где фанзы и гаолян.
Над желтой Цусимой японский флаг
Расцвел хризантемой злой, —
И, воя котлами, пошел «Варяг»
В подводный туман глухой...
Еще не окончился поход,
Солдатский не сгинул вал,
Как яростным призраком пятый год
Над скорбной землею встал...
Он вышел из черных фабричных дыр,
Из грохота мастерских
В клокочущий флагами юный мир,
В сверкание мостовых...
Он вышел на улицу,
                    в говор толп,
В раскатистый гул шагов,
Он шапку надвинул, —
                    вперед пошел
На яростный блеск штыков...
О выстрелы, песни;
                    вперед, вперед!
Нагайки и храп коней!
Над этой сумятицей, пятый год,
Ты вырос еще грозней...
И слышно —
По селам идет молва:
«Народ в городах восстал,
На бой с государем встает Москва.
И Питер винтовку взял...»
Ой, волен и грозен мужичий дух,
Напорист, угрюм и крут, —
Ой, красный влетает, свистя, петух
В помещичий уют..
Матросская сила гудит, вольна,
Сквозь ветер летит вперед, —
По Черному морю бежит волна,
Над морем туман встает...

Кружит над «Потемкиным» красный флаг.
В орудие вбит снаряд! —
Идешь — так удвой торопливый шаг.
Вперед — не гляди назад!
Все смешано в гущу:
предсмертный стон.
Стрельбы закипевшей гром,
И в свисте нагаек, в огне икон
Худой и взлохмаченный поп Гапон,
Размахивающий крестом.
Все свалено в яму...
Тяжелый шаг
Мятущихся толп умолк,
Изодран на клочья кровавый флаг,
Что выполнил грозный долг...
И ветер над скорбной землей поет:
«Где мощь твоя, пятый год!»
И розовой зорькой полощет рань:
«Ты спишь, подымись, восстань!»
Но воды идут, разбивая лед,
Но падает ярый гром,
Семнадцатый дышит над миром год,
Увенчанный Октябрем.

1925

СТИХИ О ПОЭТЕ И РОМАНТИКЕ

Я пел об арбузах и о голубях,
О битвах, убийствах, о дальних путях,
Я пел о вине, как поэту пристало...
Романтика! Мне ли тебя не воспеть,
Откинутый плащ и сверканье кинжала,
Степные походы и трубная медь...
Романтика! Я подружился с тобой,
Когда с пожелтевших страниц
Вальтер Скотта
Ты мимо окна пролетала совой,
Ты вызвала криком меня за ворота!
Я вышел... Ходили по саду луна
И тень (от луны ль?) над листвой
обветшалой...
Романтика! Здесь?! Неужели она?
Совою была ты и женщиной стала.
В беседку пойдем. Там скамейка и стол,
Закуска и выпивка для вдохновенья:
Ведь я не влюбленный, и я не пришел
С тобой целоваться под сизой сиренью...
И, тонкую прядь отодвинув с лица,
Она протянула мне пальцы худые:
— К тебе на свиданье, о сын продавца,
В июльскую ночь прихожу я впервые...
Я в эту страну возвратилась опять,
Дорог на земле для романтики мало;
Здесь Пушкина в сад я водила гулять,
Над Блоком я пела и зыбку качала...
Я знаю, как время уходит вперед,
Его не удержишь плотиной из стали,
Он взорван, подземный семнадцатый год,
И два человека над временем встали...
И первый, храня опереточный пыл,
Вопил и мотал головою ежастой;
Другой, будто глыба, над веком застыл,
Зырянин лицом и с глазами фантаста...
На площади гомон, гармоника, дым,
И двое встают над голодным народом,
За кем ты пойдешь? Я пошла за
вторым —

Романтика ближе к боям и походам...
Поземка играет по конским ногам,
Знамена полнеба полотнами кроют.
Романтика в партии! Сбоку наган,
Каракуль на шапке зернистой икрою...
Фронты за фронтами.
Ни лечь, ни присесть!
Жестокая каша да сытник суровый;
Депеша из Питера: страшная весть
О черном предательстве Гумилева...
Я мчалась в телеге, проселками шла;
И хоть преступленья его не простила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила...
Скорее назад! И товарный вагон
Шатает меня по России убогой...
Тут новое дело — из партии вон:
Интеллигентка и верует в бога.
Зима наступала колоннами льда,
Бирючьей повадкой и посвистом
вьюжным,
И в бестолочь эту брели поезда
От северной стужи к губерниям южным.
В теплушках везла перекатная голь,
Бездомная голь — перелетная птица —
Менять на муку и лиманскую соль
Ночную посуду и пестрые ситцы...
Степные заносы, ночные гудки.
Романтика в угол забилась, как заяц,
В тюки с табаком и в мучные мешки
Вонзаясь ногтями, зубами вгрызаясь...
Приехали! Вился по улицам снег.
И вот сквозь метелицу, злой и понурый,
Ко мне подошел молодой человек:
«Романтика, вы мне нужны для халтуры!
Для новых стихов не хватило огня,
Над рифмой корпеть недостало терпенья;
На тридцать копеек вдохните в меня
Гражданского мужества и вдохновенья...»
Пустынная нас окружает пора,
Знамена в чехлах, и заржавели трубы.
Мой друг! Погляди на меня — я стара:

Морщины у глаз, и расшатаны зубы...
Мой друг, погляди — я бездомная тень,
Бездомные песни в ночи запеваю,
К тебе я пришла сквозь туман
и сирень, —
Такой принимаешь меня?
«Принимаю!
Вложи свои пальцы в ладони мои,
Старушечьей ниже склонись головою —
За мною войсками стоят соловьи,
Ты видишь — июльские ночи за мною!»

1925

ЗАВОЕВАТЕЛИ ДОРОГ

Таежное лето — морошкин цвет
Да сосен переговор,
В болотистой тундре олений след,
Из зарослей — волчий взор...

Здесь чу́мы расшиты узором жил,
Берданка и лыжи — труд...
Здесь посвист и пение...
                    Старожил —
По дебрям бредет якут...

Ушастая лайка, берданка, нож,
Лопата или кирка...
Пушнину скрывает — лесная дрожь,
И золото — река...

В глухом бездорожье тропинок нет,
У берега тайных рек
Рокочет тайга: «Потеряешь след»,
И падает человек...

Алдан за таежной лежит стеной, —
Его окружает гать,
Его охраняет медвежий вой
И стройная рысья стать.

И в княжество ветра,
В сосновый строй,
В пустынную тьму берлог,
В таежную тайну,
В чащобу хвой
Мы вышли искать дорог.

И не рудокоп,
А ученый здесь,
С лопатою и ружьем,
Оглядывая, вымеряет весь,
Где ляжет аэродром.

Скрипит астролябий штатив,
На планах — покрыт пробел,
Где ранее слышался вой тетив
И пенье тунгусских стрел...

Здесь ляжет дорога холстом тугим,
Здесь будет колесный путь,
На просеках вольных ночлегов дым
Разгонит ночную жуть.

Нас били дожди.
И тяжелый зной
На нас надвигался днем;
В холщовых палатках
Ночной порой
Мороз обжигал огнем...

Костистые кряжи вставали в ряд;
В низинах бродил туман;
Мы шли через горы, вперяя взгляд
В просторы твои, Алдан.

И в самый тревожный и грозный час,
Который, как горы, крут,
Якутия встретила песней нас,
Нас вышел встречать якут.

И мы необычный разбили стан,
Запомнившийся навек,
Средь пасмурных кряжей твоих, Алдан,
У русла потайных рек...

И час наступает...
Идет!.. Идет!..
Когда над таежным сном
Слегка накренившийся самолет
Прорежет туман крылом...

1926

ФЕВРАЛЬ

Гудела земля от мороза и вьюг,
Корявые сосны скрипели,
По мерзлым окопам с востока на юг
Косматые мчались метели...
И шла кавалерия, сбруей звеня,
В туман, без дороги, без счета...
Скрипели обозы... Бранясь и стеня,
Уныло топталась пехота...
Походные фуры, где красным крестом
Украшена ребер холстина...
И мертвые... Мертвые... В поле пустом,
Где свищет под ветром осина...
Бессмысленно пули свистали во мгле,
Бессмысленно смерть приходила...
В морозном тумане, на мерзлой земле
Народная таяла сила.
А в городе грозном над охрою стен
Свисало суконное небо...
Окраины дрогли. Потемки и тлен —
Без воздуха, крова и хлеба...
А в черных окраинах выли гудки,
И черные люди сходились...
Но доступ к дворцам охраняли штыки,
Казацкие кони бесились...
А улицы черным народом шумят,
Бушует народное пламя!
Вперед без оглядки — ни шагу назад!
Шагнешь — и свобода пред нами!..
С фабричных окраин,
с фабричным гудком
Шли толпы, покрытые сажей...
К ним радостно полк выходил за полком,
Покинув постылую стражу...
Он плечи расправил, поднявшийся труд,
Он вдаль посмотрел веселее...
И красного знамени первый лоскут
Над толпами вился и реял...
На крышах еще не умолк пулемет,
Поют полицейские пули...
Ни шагу назад! Без оглядки вперед!

Недаром мы в даль заглянули...
А там погибает в окопе солдат,
Руками винтовку сжимая...
А там запевает над полем снаряд,
Там пуля поет роковая...
А в снежных метелях, встающих окрест,
Метался от Дна к Бологому
Еще не подписанный манифест,
Еще не исправленный промах.
Бунтуют фронты... Над землей снеговой
Покой наступает суровый...
Чтоб грянуло громче над сонной землей
Владимира Ленина слово...

1926

1871

С военных полей не уплыл туман,
Не смолк пересвист гранат...
Поверженный помнит еще Седан
Размеренный шаг солдат.
А черный Париж запевает вновь,
Предместье встает, встает, —
И знамя, пылающее, как кровь,
Возносит санкюлот...
Кузнец и ремесленник! Грянул час, —
Где молот и где станок?..
Коммуна зовет! Подымайтесь враз!
К оружию! К оружию! И пламень глаз —
Торжественен и жесток.
Париж подымается, сед и сер,
Чадит фонарей печаль...
А там за фортами грозится Тьер,
Там сталью гремит Версаль.
В предместьях торопится барабан:
«Вставайте! Скорей! Скорей!»
И в кожаном фартуке Сент-Антуан
Склонился у батарей.
Нас мало.
Нас мало.
Кружится пыль...
Предсмертный задушен стон.
Удар... И еще...
Боевой фитиль
К запалу не донесен...
Последним ударом громи врага,
Нет ядер — так тесаком,
Тесак поломался — так наугад,
Зубами и кулаком.
Расщеплен приклад, и разбит лафет,
Зазубрились тесаки,
По трупам проводит Галиффе
Версальские полки...
И выстрелов грохот не исчез:
Он катится, как набат...
Под стенами тихого Пер-Лашез
Расстрелянные лежат.

О старый Париж, ты суров и сер,
Ты много таишь скорбей...
И нам под ногами твоими, Тьер,
Мерещится хруп от костей...
Лежите, погибшие! Над землей
Пустынный простор широк...
Живите, живущие! Боевой
Перед вами горит восток.
Кузнец и ремесленник! Грянул час!
Где молот и где станок?
Коммуна зовет! Подымайтесь враз!
К оружию! К оружию! И пламень г
Пусть будет, как сталь, жесток!

1926

ЛЕНА

Он мрачен, тайгой порастающий край,
Сухими ветрами повитый;
Полярных лисиц утомительный лай
Морозные будит граниты.

Собачьи запряжки летят по снегам,
Железные свищут полозья
Под небом, припавшим к холодным горам,
Сквозь хвою в стеклянном морозе.

Здесь весны зеленой травой не цветут,
Здесь тайные, смутные весны,
Они по холодным дорогам идут
Туда, где граниты и сосны.

И Лена, покрытая тягостным льдом,
Прихода их ждет неизменно,
Чтоб, дрогнув, запеть над горючим
песком,
Чтоб вешнею двинуться Леной.

Рабочие руки примерзли к кирке,
Глаза покрываются мутью...
Мороз еще крепок. На льдистой реке
Пурга завывает и крутит.

«В таежную тайну,
В чащобу снегов
Нас ночь погрузила сурово.
Довольно!
Средь этих морозных лесов
Мы гибнем без хлеба и крова».

У дикой реки, над песком золотым,
Где бьет по медведю винтовка,
Не северным светом — сияньем иным
Пылает в ночи забастовка.

«Товарищ! Над нами морозная ширь
Мерцает в полночном тумане,

За нами таежная встала Сибирь,
За нами восторг и восстанье».

Но ветры над Леной кружились в ночи,
Кружились и выли по-волчьи,
И в черных папахах пришли палачи,
Пришли и прицелились молча.

В лесистом краю,
                    средь гранитных громад,
Где берега гулки уступы,
На льду голубом и на хвое лежат
Сведенные судорогой трупы.

Певучая кровь не прихлынет к щекам...
И гулко над снежным покоем
«Проклятье, проклятье,
                    проклятье врагам», —
Бормочет морозная хвоя.

Но весны идут по медвежьим тропам,
Качают столетние сосны.
К проклятой реке, к ледяным берегам
Приходят свободные весны.

И мхом порастает прибрежный гранит,
Клокочет широкая пена,
И с новою силой летит и звенит
Раздолье узнавшая Лена.

1926

ИНАЯ ЖИЗНЬ

Огромною полночью небо полно,
И старое не говорит вдохновенье,
Я настежь распахиваю окно
В горячую бестолочь звезд и сирени.

Что ж.
Значит, и это пройдет, как всегда.
Как все проходило, как все остывало.
Как прежде, прокатится мимо звезда,
В стихи попадет и уйдет, как бывало.

И вновь наползет одинокий туман
На труд стихотворца ночной и убогий,
Развеются рифмы...
Но я на экран
                    себе понесу и дела, и тревог

Квадрат из сиянья, квадрат из огня.
Сквозь сумерки зала, как снег, ледяные,
Пускай неуклонно покажут меня,
Мой волос густой и глаза молодые.

Я должен увидеть, как движется рот,
Широкий и резкий квадрат подбородка,
Движения плеч, головы поворот,
Наскучившую, но чужую походку.

Пускай на холодном пройдет полотне
Все то, что скрывал я глухими ночами, —
Знакомые и неизвестные мне:
Любовная дрожь, вдохновения пламя...

Пускай, электрической силой слепя,
Мой взор с полотна на меня же
                                        и глянет;
Я должен,
Я должен увидеть себя,

Я должен увидеть себя на экране!
Кричи, режиссер, стрекочи, аппарат,

Юпитер, гори,

разлетайтесь, потемки!

Меня не прельстят ваши три шестьдесят.

Я вдвое готов заплатить вам за съемку.

1926

НОЧЬ

Уже окончился день — и ночь
Надвигается из-за крыш...
Сапожник откладывает башмак,
Вколотив последний гвоздь;
Неизвестные пьяницы в пивных
Проклинают, поют, хрипят,
Склерозными раками, желчью пивной
Заканчивая день...
Торговец, расталкивая жену,
Окунается в душный пух,
Свой символ веры — ночной горшок
Задвигая под кровать...
Москва встречает десятый час
Перезваниванием проводов,
Свиданьями кошек за трубой,
Началом ночной возни...
И вот, надвинув кепи на лоб
И фотогеничный рот
Дырявым шарфом обмотав,
Идет на промысел вор...
И, ундервудов траурный марш
Покинув до утра,
Конфетные барышни спешат
Встречать героев кино.
Антенны подрагивают в ночи
От холода чуждых слов;
На циферблате десятый час
Отмечен косым углом...
Над столом вождя — телефон иссяк,
И зеленое сукно,
Как болото, всасывает в себя
Пресс-папье и карандаши...
И только мне десятый час
Ничего не приносит в дар:
Ни чая, пахнущего женой,
Ни пачки папирос;
И только мне в десятом часу
Не назначено нигде —
Во тьме подворотни, под фонарем —
Заслышать милый каблук...

А сон обволакивает лицо
Оренбургским густым платком;
А ночь насыпает в мои глаза
Голубиных созвездий пух;
И прямо из прорвы плывет, плывет
Витрин воспаленный строй:
Чудовищной пищей пылает ночь,
Стеклянной наледью блюд...
Там всходит огромная ветчина,
Пунцовая, как закат,
И перистым облаком влажный жир
Ее обволок вокруг.
Там яблок румяные кулаки
Вылазят вон из корзин;
Там ядра апельсинов полны
Взрывчатой кислотой.
Там рыб чешуйчатые мечи
Пылают: «Не заплати!
Мы голову — прочь, мы руки — долой!
И кинем голодным псам!..»
Там круглые торты стоят Москвой,
В кремнях леденцов и слив;
Там тысячу тысяч пирожков,
Румяных, как детский сад,
Осыпала сахарная пурга,
Истыкал цукатный дождь...
А в дверь ненароком: стоит атлет
Средь сине-багровых туш!
Погибшая кровь быков и телят
Цветет на его щеках...
Он вытянет руку — весы не в лад
Качнутся под тягой гирь,
И нож, разрезающий сала пласт,
Летит павлиньим пером,
И пылкие буквы
«МСПО»
Расцветают сами собой
Над этой оголтелой жратвой,
(Рычи, желудочный сок!)...
И голод сжимает скулы мои,
И зудом поет в зубах,
И мыльною мышью по горлу вниз

Падает в пищевод...
И я содрогаюсь от скрипа когтей,
От мышьей возни — хвоста,
От медного запаха слюны,
Заливающего гортань...
И в мире остались — одни, одни,
Одни, как поход планет,
Ворота и обручи медных букв,
Начищенные огнем!
Четыре буквы:
«МСПО»,
Четыре куска огня:
Это —
Мир Страстей, Полыхай Огнем!
Это —
Музыка Сфер, Пари
Откровением новым!
Это — Мечта,
Сладострастье, Покой, Обман!
И на что́ мне язык, умевший слова
Ощущать, как плодовый сок?
И на что́ мне глаза, которым дано
Удивляться каждой звезде?
И на что́ мне божественный слух
совы,
Различающий крови звон?
И на что́ мне сердце, стучащее в лад
Шагам и стихам моим?!
Лишь поет нищета у моих дверей,
Лишь в печурке юлит огонь,
Лишь иссякла свеча — и луна плывет
В замерзающем стекле...

1926

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...

Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны воды, —
И горечь полыни на наших губах...
Нам нож — не по кисти,
Перо — не по нраву,
Кирка — не по чести
И слава — не в славу:
Мы — ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер,
Чуть север —
И мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы — ржавых дубов облетевший уют...
Бездомною стужей уют раздуваем...
Мы в ночь улетаем!
Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим наугад...
Над нами гремят трубачи молодые,
Над нами восходят созвездья чужие,
Над нами чужие знамена шумят...
Чуть ветер,
Чуть север —
Срывайтесь за ними,
Неситесь за ними,
Гонитесь за ними,
Катитесь в полях,
Запевайте в степях!
За блеском штыка, пролетающим в тучах,
За стуком копыта в берлогах дремучих,
За песней трубы, потонувшей в лесах...

1926

КОНТРАБАНДИСТЫ

По рыбам, по звездам
    Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
    Везут контрабанду.
На правом борту,
    Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
    Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
    Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
    Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
    Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело!
    Хорошее дело!»
Чтоб звезды обрызгали
    Груду наживы:
Коньяк, чулки
    И презервативы...
Ай, греческий парус!
    Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
    Вор на воре!

. . . .

Двенадцатый час —
    Осторожное время.
Три пограничника.
    Ветер и темень.
Три пограничника,
    Шестеро глаз —
Шестеро глаз
    Да моторный баркас...
Три пограничника!
    Вор на дозоре!
Бросьте баркас
    В басурманское море,
Чтобы вода
    Под кормой загудела:

«Доброе дело!
    Хорошее дело!»
Чтобы по трубам,
    В ребра и винт,
Виттовой пляской
    Двинул бензин.

Ай, звездная полночь!
    Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
    Вор на воре!

. . . . . .

Вот так бы и мне
    В налетающей тьме
Усы раздувать,
    Развалясь на корме,
Да видеть звезду
    Над бушпритом склоненным,
Да голос ломать
    Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
    Холодный и горький,
Мотора дозорного
    Скороговорки!
Иль правильней, может,
    Сжимая наган,
За вором следить,
    Уходящим в туман...
Да ветер почуять,
    Скользящий по жилам,
Вослед парусам,
    Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
    Встретить во тьме
Усатого грека
    На черной корме...

Так бей же по жилам,
    Кидайся в края,
Бездомная молодость,
    Ярость моя!

Чтоб звездами сыпалась
    Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
    Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
    Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
    Коверкала рот, —
И петь, задыхаясь,
    На страшном просторе:
«Ай, Черное море,
    Хорошее море!..»

1927

БЕССОННИЦА

Если не по звездам — по сердцебиенью
Полночь узнáешь, идущую мимо...
Сосны за окнами — в черном опереньe,
Собаки за окнами — клочьями дыма.
Все, что осталось!
Хватит! Довольно!
Кровь моя, что ли, не ходит в теле?
Уши мои, что ли, не слышат вольно?
Пальцы мои, что ли, окостенели?..
Видно и слышно: над прорвою медвежьей
Звезды вырастают в кулак размером!
Буря от Волги, от низких побережий
Черные деревья гонит карьером...
Вот уже по стеклам двинуло дыханье
Ветра, и стужи, и каторжной погоды...
Вот закачались, загикали в тумане
Черные травы, как черные воды...
И по этим водам, по злому вою,
Крыльями крыльца раздвигая сосны,
Сруб начинает двигаться в прибое,
Круглом и долгом, как гром колесный...
Словно корабельные пылают знаки,
Стекла, налитые горячей желчью,
Следом, упираясь, тащатся собаки,
Лязгая цепями, скуля по-волчьи...
Лопнул частокол, разлетевшись пеной...
Двор позади... И на просеку разом
Сруб вылетает! Бревенчатые стены
Ночь озирают горячим глазом.
Прямо по болотам, гоняя уток,
Прямо по лесам, глухарей пугая,
Дом пролетает, разбивая круто
Камни и кочки и пни подгибая...
Это черноморская ночь в уборе
Вологодских звезд — золотых баранок;
Это расступается Черное море
Черных сосен и черного тумана!..
Это летит по оврагам и скатам
Крыша с откинутой назад трубою,
Так что дым кнутом языкатым

Хлещет по стволам
                    и по хвойному прибою...
Это, стремглав, наудачу, в прорубь,
Это, деревянные вздувая ребра,
В гору вылетая, гремя под гору,
Дом пролетает тропой недоброй...
Хватит! Довольно! Стой!
                    На разгоне
Трудно удержаться! Еще по краю
Низкого забора ветвей погоня,
Искры от напора еще играют,
Ветер от разбега еще не сгинул,
Звезды еще рвутся в порыве гонок...
Хватит! Довольно! Стой!
                    На перину
Падает откинутый толчком ребенок...
Только за оконницей проходят росы,
Сосны кивают синим опереньем.
Вот они, сбитые из бревен и теса,
Дом мой и стол мой: мое вдохновенье!
Прочно установлена косая хвоя,
Врыт частокол, и собака стала.
— Милая! Где же мы?
— До́ма, под Москвою;
Десять минут ходьбы от вокзала...

1927

РАЗГОВОР С КОМСОМОЛЬЦЕМ Н. ДЕМЕНТЬЕВЫМ

— Где нам столковаться!
Вы — другой народ!..
Мне — в апреле двадцать,
Вам — тридцатый год.
Вы — уже не юноша,
Вам ли о войне...

— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...
На плацу, открытом
С четырех сторон,
Бубном и копытом
Дрогнул эскадрон;
Вот и закачались мы
В прозелень травы, —
Я — военспецом,
Военкомом — вы...
Справа — курган,
Да слева курган;
Справа — нога,
Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейс посередке,
Сверху — фуражка...
А в походной сумке —
Спички и табак,
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

Степям и дорогам
Не кончен счет;
Камням и порогам
Не найден счет,
Кружит паучок
По загару щек;
Сабля да книг
Чего еще?

(Только ворон выслан
Сторожить в полях...
За полями Висла,
Ветер да поляк;
За полями ментик
Вылетает в лог!)
Военком Дементьев,
Саблю наголо!

Проклюют навылет,
Поддадут коленом,
Голову намылят
Лошадиной пеной...
Степь заместо простыни:
Натянули — раз!

...Добротными саблями
Побреют нас...

Покачусь, порубан,
Растянусь в траве,
Привалюся чубом
К русой голове...

Не дождались гроба мы,
Кончили поход...
На казенной обуви
Ромашка цветет...
Пресловутый ворон
Подлетит в упор,
Каркнет «nevermore» он
По Эдгару По...
«Повернитесь, встаньте-ка...
Затрубите в рог...»
(Старая романтика,
Черное перо!)
— Багрицкий, довольно!
Что за бред!..
Романтика уволена —
За выслугой лет;
Сабля — не гребенка,
Война — не спорт;

Довольно фантазировать,
Закончим спор,
Вы — уже не юноша,
Вам ли о войне!..

— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...
Лежим, истлевающие
От глотки до ног...
Не выцвела трава еще
В солдатское сукно;
Еще бежит из тела
Болотная ржавь,
А сумка истлела,
Распалась, рассеклась,
И книги лежат...

На пустошах, где солнце
Зарыто в пух ворон,
Туман, костер, бессонница
Морочат эскадрон.
Мечется во мраке
По степным горбам:
«Ехали казаки,
Чубы по губам...»

А над нами ветры
Ночью говорят:
— Коля, братец, где ты?
— Истлеваю, брат! —
Да в дорожной яме,
В дряни, в лоскутах,
Буквы муравьями
Тлеют на листах...

(Над вороньим кругом —
Звездяный лед.
По степным яругам
Ночь идет...)

Нехристь или выкрест
Над сухой травой, —

Размахнулись вихри
Пыльной булавой.
Вырваны ветрами
Из бочаг пустых,
Хлопают крылами
Книжные листы;
На враждебный Запад
Рвутся по стерням:
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

(Кочуют вороны,
Кружат кусты,
Вслед эскадрону
Летят листы.)

Чалый иль соловый
Конь храпит.
Вьется слово
Кругом копыт.
Под ветром снова
В дыму щека;
Вьется слово
Кругом штыка...
Пусть покрыты плесенью
Наши костяки,
То, о чем мы думали,
Ведет штыки...
С нашими замашками
Едут пред полком —
С новым военспецом
Новый военком.
Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить...
Пусть другие дразнятся!
Наши дни легки...
Десять лет разницы —
Это пустяки!

1927

ПАПИРОСНЫЙ КОРОБОК

Раскуренный дочиста коробок,
Окурки под лампою шаткой.
Он гость — я хозяин. Плывет в уголок
Студеная лодка-кроватка...

— Довольно! Пред нами другие пути,
Другая повадка и хватка! —
Но гость не встает. Он не хочет уйти;
Он пальцами, чище слоновой кости,
Терзает и вертит перчатку...

Столетняя палка застыла в углу,
Столетний цилиндр вверх дном на полу,
Вихры над веснушками взреяли, —
Из гроба, с обложки ли от папирос —
Он в кресла влетел и к пружинам прирос,
Перчатку терзая, — Рылеев...

— Ты наш навсегда! Мы повсюду с тобой.
Взгляни! —
И рукой на окно:
        Голубой
Сад ерзал костями пустыми,
Сад в ночь подымал допотопный костяк,
Вдыхая луну, от бронхита свистя,
Шепча непонятное имя...

— Содружество наше навек заодно! —

Из пруда, прижатого к иве,
Из круглой смородины лезет в окно
Промокший Каховского кивер...

Поручик! Он рвет каблуками траву,
Он бредит убийством и родиной,
Приклеилась к рыжему рукаву
Лягушечья лапка смородины...

Вы тени от лампы!
Вы мокрая дрожь

Деревьев под звездами робкими...
Меня разговорами не проведешь,
Портрет с папиросной коробки...

Я выключил свет — и видения прочь!

На стекла, с предательской ленью,
В гербах и султанах надвинулась ночь,
Ночь Третьего отделенья...

Пять сосен тогда выступают вперед,
Пять виселиц, скрытых вначале;
И сизая плесень блестит и течет
По мокрой и мыльной мочале...

В калитку врывается ветер шальной,
Отчаянный и бесприютный, —
И ветви над крышей и надо мной
Заносятся, как шпицрутены...

Крылатые ставни колотятся в дом,
Скрежещут зубами шарниров,
Как выкрик:
«Четвертая рота — кругом!» —
Упрятанных в ночь командиров...
И я пробегаю сквозь строй без конца
В поляны, в леса, в бездорожья...
...И каждая палка хочет мясца,
И каждая палка пляшет по коже...
В ослиную шкуру стучит кантонист
(Иль ставни хрипят в отдаленье?)...
А ночь за окном — как шпицрутенов свист,
Как Третье отделенье,
Как сосен качанье, как флюгера вой...
И вдруг поворачивается ключ световой.

Безвредною синькой покрылось окно,
Окурки под лампою шаткой.
В пустой уголок, где от печки темно,
Как лодка, вплывает кроватка...

И я подхожу к ней под гомон и лай
Собак, зараженных бессонницей:
— Вставай же, Всевóлод, и всем володай,
Вставай под осеннее солнце!
Я знаю: ты с чистою кровью рожден,
Ты встал на пороге веселых времен!
Прими ж завещанье:
Когда я уйду
От песен, от ветра, от родины —
Ты начисто выруби сосны в саду,
Ты выкорчуй куст смородины!

1927

ВЕСНА

В аллеях столбов,
По дорогам перронов —
Лягушечья прозелень
Дачных вагонов;
Уже, окунувшийся
В масло по локоть,
Рычаг начинает
Акать и окать...
И дым оседает
На вохре откоса,
И рельсы бросаются
Под колеса...
Приклеены к стеклам
Влюбленные пары, —
Звенит палисандр
Дачной гитары:
— Ах! Вам не хотится ль
Под ручку пройтиться?..
— Мой милый. Конечно.
Хотится! Хотится!.. —
А там, над травой,
Над речными узлами,
Весна развернула
Зеленое знамя, —
И вот из коряг,
Из камней, из расселин
Пошла в наступленье
Свирепая зелень...
На голом прутье,
Над водой невеселой,
Гортань продувают
Ветвей новоселы...
Первым дроздом
Закликают леса,
Первою щукой
Стреляют плеса;
И звезды
Над первобытною тишью
Распороты первой
Летучей мышью...

Мне любы традиции
Жадной игры:
Гнездовья, берлоги,
Метанье икры...
Но я — человек,
Я — не зверь и не птица:
Мне тоже хотится
Под ручку пройтиться;
С площадки нырнуть,
Раздирая пальто,
В набитое звездами
Решето...
Чтоб, волком трубя
У бараньего трупа,
Далекую течку
Ноздрями ощупать;
Иль в черной бочаге,
Где корни вокруг,
Обрызгать молоками
Щучью икру;
Гоняться за рыбой,
Кружиться над птицей,
Сигать кожаном
И бродить за волчицей;
Нырять, подползать
И бросаться в угон, —
Чтоб на сто процентов
Исполнить закон;
Чтоб видеть воочью:
Во славу природы
Раскиданы звери,
Распахнуты воды,
И поезд, крутящийся
В мокрой траве, —
Чудовищный вьюн
С фонарем в голове!..
И поезд от похоти
Воет и злится:
«Хотится! Хотится!
Хотится! Хотится!..»

1927

ТРЯСИНА

1
НОЧЬ

Ежами в глаза налезала хвоя,
Прели стволы, от натуги воя.

Дятлы стучали, и совы стыли;
Мы челноки по реке пустили.

Трясина кругом да камыш кудлатый,
На черной воде кувшинок заплаты.

А под кувшинками в жидком сале
Черные сомы месяц сосали;

Месяц сосали, хвостом плескали,
На жирную воду зыбь напускали.

Комар начинал. И с комарьим стоном
Трясучая полночь шла по затонам.

Шла в зыбуны по сухому краю,
На каждый камыш звезду натыкая...

И вот поползли, грызясь и калечась,
И гад, и червяк, и другая нечисть...

Шли, раздвигая камыш боками,
Волки с булыжными головами.

Видели мы — и поглядка прибыль! —
Узких лисиц, золотых, как рыбы...

Пар оседал малярийным зноем,
След наливался болотным гноем.

Прямо в глаза им, сквозь синий студень
Месяц глядел, непонятный людям...

Тогда-то в болотном нутре гудело:
Он выходил на ночное дело...

С треском ломали его колена
Жесткий тростник, как сухое сено.

Жира и мышц жиляная сила
Вверх не давала поднять затылок.

В маленьких глазках —
в болотной мути
Месяц кружился, как капля ртути.

Он проходил, как меха вздыхая,
Сизую грязь на гачах вздымая.

Мерно покачиваем трясиной, —
Рылом в траву, шевеля щетиной.

На водопой, по нарывам кочек,
Он продвигался — обломок ночи,

Не замечая как на востоке
Мокрой зари проступают соки;

Как над стеной камышовых щеток
Утро восходит из птичьих глоток;

Как в очерете, тайно и сладко,
Ноет болотная лихорадка...

. . . .

Время пришло стволам вороненым
Правду свою показать затонам,

Время настало в клыкастый камень
Грянуть свинцовыми кругляками.

А между тем по его щетине
Солнце легло, как багровый иней, —

Солнце, распухшее, водяное,
Встало над каменною спиною.

Так и стоял он в огнях без счета,
Памятником, что воздвигли болота.

Памятник — только вздыхает глухо
Да поворачивается ухо...

Я говорю с ним понятной речью:
Самою крупною картечью.

Раз!
Только ухом повел — и разом
Грудью мотнулся и дрогнул глазом.

Два!
Закружились камыш с кугою,
Ахнул зыбун под его ногою...

В солнце, встающее над трясиной,
Он устремился, горя щетиной.

Медью налитый, с кривой губою,
Он, убегая, храпел трубою.

Вплавь по воде, вперебежку сушей,
В самое пекло вливаясь тушей, —

Он улетал, уплывая в туманы,
В княжество солнца, в дневные страны...

А с челнока два пустых патрона
Кинул я в черный тайник затона.

2
ДЕНЬ

Жадное солнце вставало дыбом,
Жабры сушило в полоях рыбам;

В жарком песке у речных излучий
Разогревало яйца гадючьи;

Сыпало уголь в берлогу волчью,
Птиц умывало горючей желчью;

И, расправляя перо и жало,
Мокрая нечисть солнце встречала.

. . . . . .

Тропка в трясине, в лесу просека
Ждали пришествия человека.

. . . .

Он надвигался, плечистый, рыжий,
Весь обдаваемый медной жижей.

Он надвигался — и под ногами
Брызгало и дробилось пламя.

И отливало пудовым зноем
Ружье за каменною спиною.

Через овраги и буераки
Прыгали огненные собаки.

В сумерки, где над травой зыбучей
Зверь надвигался косматой тучей,

Где в камышах, в земноводной прели,
Сердце стучало в огромном теле

И по ноздрям все чаще и чаще
Воздух врывался струей свистящей.

Через болотную гниль и одурь
Передвигалась башки колода

Кряжистым лбом, что порос щетиной,
В солнце, встающее над трясиной.

Мутью налитый болотяною,
Черный, истыканный сединою, —

Вот он и вылез над зыбунами
Перед убийцей, одетым в пламя.

И на него, просверкав во мраке,
Ринулись огненные собаки.

Задом в кочкарник упершись твердо,
Зверь превратился в крутую морду,

Тело исчезло, и ребра сжались,
Только глаза да клыки остались,

Только собаки перед клыками
Вертятся огненными языками.

«Побереги!» — и, взлетая криво,
Псы низвергаются на загривок.

И закачалось и загудело
В огненных пьявках черное тело.

Каждая быстрая капля крови,
Каждая кость теперь наготове.

Пот оседает на травы ржою,
Едкие слюни текут вожжою.

Дыбом клыки, и дыханье суше, —
Только бы дернуться ржавой туше...

Дернулась!
И, как листье сухое,
Псы облетают, скребясь и воя.

И перед зверем открылись кругом
Медные рощи и топь за лугом.

И, обдаваемый красной жижей,
Прямо под солнцем убийца рыжий.

И побежал, ветерком катимый,
Громкий сухой одуванчик дыма.

В брюхо клыком — не найдешь дорог
Двинулся — но подвернулись ноги,

И заскулил, и упал, и вольно
Грянула псиная колокольня.

И над косматыми тростниками
Вырос убийца, одетый в пламя...

1927

МОЖАЙСКОЕ ШОССЕ

По этому шоссе на восток он шел,
Качались шапок медведи;
Над шапками рвался знаменный шелк,
Над шелком — орлы из меди...
Двадцать языков — тысячи полков,
Набор амуниций странных.
Старая гвардия ледышками штыков
Сверкала на русских курганах.
И русские сосны и русская трава
Слушали вопли:
«Виват! Виват!»
И маршалы скакали, дразня коней:
Даву, Массена, Бернадот, Ней...
И впереди, храпя, как олень,
Целого медведя сбил набекрень,
Этим сияющим соснам рад,
Весь в бакенбардах летел Мюрат...
Москва перед глазами —
Неаполь позади!
Победе виват!
Не изменявшей никогда!
Чудо космографии на его груди:
Южный Крест и Полярная звезда...
А в старом тарантасе,
Который пропах
Цирюльничьим мылом и потом,
На твердых подушках сидит Бонапарт
И смотрит, как тихо качается пар
Вдали — над шоссе и болотом...
И серый сюртук, и белый жилет
(Скромна полководцев порода),
И круглый живот дрожит, как желе,
И вздрагивает подбородок...
Хозяйственным скрипом скрипит
тарантас...
И вот над шоссе пропыленным —
Москва, как огромный иконостас,
Встает за горой Поклонной.
Она неприступна:
Приди и возьми

(Он слышит: не кони ль заржали?) —
Булыжником грохнет, укусит дверьми,
Грошовой свечой ужалит.
И сабля вырастет из ветвей
(Он слышит: не ветры ли кличут?),
Недаром ему купола церквей
В глаза кукишами тычут...
Москва придавит периной снегов
Простор, что пушками оран, —
И вместо французских медных орлов
Прокаркает русский ворон!..
И в снежной и в одичалой красе
Снова пустынным станет шоссе...
. . . .
Мы чествуем нежную почесть травы,
Покрывшую честные гробы.
Гремя по ухабам, на приступ Москвы
Идет покоритель — автобус.
Он ливнем промыт, он ремонтом пропах,
Он движется с ветром вместе:
Ведет он, как некогда вел Бонапарт,
Людей из веселых предместий.
Нас двадцать языков — мы рядом сидим,
За нами лесов зацветающий дым.
Мы знаки окраин приносим в Москву:
На кузове — пыль,
На колесах — траву.
Шипучим ознобом стучит по ногам
Бензин, разогнавший колеса;
Ломятся в окна под грохот и гам
Стада, озера, покосы.
И легкие наши полны до краев
Студеною сыростью лугов...
Пусть рыбы играют в заросших прудах,
Пусть птицы стрекочут на проводах, —
За крышей трактира постылого
Мы видим Дорогомилово...
И щучьим веленьем встают по бокам
Свинец нефтебаков и фабрик бакан...
Нам город готовит добротный уют,
Трамвайных алфавитов пляски,
Распахнуты рынки,

И церкви встают,
Как добрые сырные пасхи...
Бензиновый ветер нас мчит по Москве,
С разлета выносит на площадь,
Где, нашим разведчиком выбежав, сквер
Шумит подмосковною рощей...
И в сброде зеркал и слоновых шин,
В расхлестнутом масляном студне,
Казарма автобусов, лагерь машин,
Кончает солдатские будни.

1928

МОЖАЙСКОЕ ШОССЕ

АВТОБУС

В тучу, в гулкие потемки,
Губы выкатил рожок,
С губ свисает на тесемке
Звука сдавленный кружок.
Оборвется, пропыленный, —
И покатится дрожа
На Поклонную, с Поклонной,
Выше. Выше. На Можайск.
Выше. Круглый и неловкий,
Он стремится наугад,
У случайной остановки
Покачнется — и назад.
Через лужи, через озимь,
Прорезиненный, живой,
Обрастающий навозом,
Бабочками и травой —
Он летит, грозы предтеча,
В деревенском блеске бус,
Он кусты и звезды мечет
В одичалый автобус;
Он хрипит неудержимо
(Захлебнулся сгоряча!),
Он обдаст гремучим дымом
Вороненого грача.
Молния ударит мимо
Переплетом калача.
Матершинничает всуе,
Ввинчивает в пыль кусты.
Я за приступ голосую!
Я за взятие! А ты?
И выносит нас кривая,
Раскачнувшись широко!
Над шофером шаровая
Молния, как яблоко.
Всё открыто и промыто,
Камни в звездах и росе,
Извиваясь, в тучи влито
Дыбом вставшее шоссе.

Над последним косогором
Никого.
	Лишь он один —
Тот аквариум, в котором
Люди, воздух и бензин.
И, взывая, как оратор,
В сорок лошадиных сил,
Входит равным радиатор
В сочетании светил.
За стеклом орбиты, хорды,
И, пригнувшись, сед и сер,
Кривобокий, косомордый,
Давит молнию шофер.

1928

НОВЫЕ ВИТЯЗИ

Нездешняя тишь проплыла на закат,
Над скалами, над ледоколом.
Гористые льды неоглядно лежат
Пустынным стеклянным заводом.
Какая студеная ясная лень...
И в холод полярных наследий,
В чудовищный и нескончаемый день
Голодные воют медведи.
Иголками тлеет морозная пыль;
Обрывы острее, чем сабли...
Найдешь ли в просторах, где морок
и штиль,
Бездомных людей с дирижабля?..
Мороз их кусает, иссякла вода,
В подсумке зарядов не стало.
И мерзлое небо стоит, как слюда,
И синие стынут провалы.
О голод, о белая смерть, твой полет
Над этой безумной ледынью
Звериною лапой по сердцу скребет,
И сердце от ужаса стынет...
Полярною чайкой тревожится лень
Студеных оскалов и пастей;
И воют в огромный сияющий день
Медведи невиданной масти.
Но птицы взлетают, и прячется зверь,
Трещит леденистое сало...
Какие певцы нам расскажут теперь
Про новую Калевалу?
Как путник, заброшенный
в мертвые льды,
В угодья полярной лисицы,
Увидел пылающий очерк звезды
На крыльях рокочущей птицы.
Советских пилотов внимательный глаз
И крыльев разлет ястребиный
Войдут ли опять в героический сказ,
В певучую повесть былины?..
Не витязи нынче выходят на бой,
Броней громыхая тяжелой,

То в солнце дымит пароходной трубой
Утробная мощь ледокола.
Пред взятыми на борт опять бытие
Свои развернуло страницы...
...Простая еда и простое питье,
Простые веселые лица...
И люди, прошедшие тысячу миль,
Видавшие гибель и вьюгу,
Расскажут о том, как в трагический
штиль
Они увидали друг друга.
Быть может, спасенный,
всегдашний наш враг,
Увидит над морем ужасным
Горящий на мачте пурпуровый флаг,
Летающий пламенем ясным...
И в мертвых морях, где туманы легли,
Где полдень невиданно долог,
Их встретит обломок Советской Земли,
Советского края осколок...
И птицы летят, и скрывается зверь,
Трещит леденистое сало...
Какие певцы нам расскажут теперь
Про новую Калевалу?..

1928

CYPRINUS CARPIO [1]

> После дождей на Зеленом озере потоп. Рыбоводная станция залита водой. Рыбовод и рабочие заболели. Мальки ценных пород в опасности.
>
> *Письмо рабкора*

РОМАНС КАРПУ

Закованный в бронзу с боков,
Он плыл в темноте колеи,
Мигая в лесах тростников
Копейками чешуи.
Зеленый огонь на щеке,
Обвисли косые усы,
Зрачок в золотом ободке
Вращается, как на оси.
Он плыл, огибая пруды,
Сражаясь с безумным ручьем,
Поборник проточной воды —
Он пойман и приручен.
Лягушника легкий кружок
Откинув усатой губой,
Плывет на знакомый рожок
За крошками в полдень и зной.
Он бросил студеную глубь,
Кустарник, звезду на зыбях,
С пушистой петрушкой в зубах,
Дымясь, проплывая к столу.

ОДА

Настали времена, чтоб оде
Потолковать о рыбоводе.

---

[1] Карп, сазан (*лат.*). — *Ред.*

Пруды он продвинул болотам в ты
Советский водяной.
Самцов он молóками налил
И самок набил икрой.
Жуки на березах.
Туман. Жара.
На журавлей урожай.
Он пробует воду:
«Теперь пора!
Плывите и размножайтесь!»
(Ворот скрипит: стопорит ржа;
Шлюзы разъезжаются визжа.)
Тогда запевает во все концы
Вода, наступая упрямо,
И в свадебной злости
Плывут самцы
На стадо беременных самок...

О ты — человек такой же, как я,
Болезненный и небритый,
Которому жить не дает семья,
Пеленки, тарелки, плиты,
Ты сделался нынче самим собой —
Начальник столпотворенья.

Выходят самцы на бесшумный бой,
На бой за оплодотворенье.
Распахнуты жабры;
Плавник зубчат;
Обложены медью спины...
В любви молчат.
В смерти молчат.
Молча падают в тину.
Идет молчаливая игра;
Подкрадыванье и пляски.
...И звездами от взмаха пера
Взлетает и путается икра
В зеленой и клейкой ряске.

Тогда, закурив, говорит рыбовод:
«Довольно сражаться! Получен приплод!»

СТАНСЫ

Он трудится не покладая рук,
Сачком выгребая икру.

Он видит, как в студне точка растет:
Жабры, глаза и рот.

Он видит, как начинается рост;
Как возникает хвост;
Как первым движением плывет малек
На водяной цветок.

И эта крупинка любви дневной,
Этот скупой осколок
В потемки кровей, в допотопный строй
Вводит тебя, ихтиолог.

Над жирными водами встал туман,
Звезда над кустом косматым —
И этот малек, как левиафан,
Плывет по морским закатам,

И первые ветры, и первый прибой,
И первые звезды над головой.

ЭПОС

До ближней деревни пятнадцать верст,
До ближней станции тридцать...
Утиные стойбища (гнойный ворс).
От комарья не укрыться.
Голодные щуки жрут мальков,
Линяет кустарник хилый,
Болотная жижа промежду швов
Въедается в бахилы,
Ползет на пруды с кормовых болот
Душительница-тина,
В расстроенных бронхах
Бронхит поет,
В ушах завывает хина,
Рабочий в жару.

Помощник пьян.
В рыборазводне холод.
По заболоченным полям
Рассыпалась рыбья молодь.
«На помощь!» —
Летит телеграфный зуд
Сквозь морок болот и тленье.
Но филином гукает УЗУ
Над ящиком заявлений.
Из черной куги,
Из прокисших вод
Луна вылезает дыбом.
...Луной открывается ночь. Плывет
Чудовищная Главрыба.
Крылатый плавник и сазаний хвост:
Шальных рыбоводов ересь.
И тысячи студенистых звезд
Ее небывалый нерест.

О, сколько ножей и сколько багров
Ее ударят под ребро!

В каких витринах, под звон и вой,
Она повиснет вниз головой?

Ее окружает зеленый лед,
Над ней огонек белесый.
Перед ней остановится рыбовод,
Пожевывая папиросу.
И в улиц булыжное бытие
Она проплывет в тумане.
Он вывел ее.
Он вскормил ее.
И отдал на растерзанье.

1928, 1929

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Почти наверняка тунгусский метеорит содержит около 20 000 000 тонн железа и около 20 000 тонн платины.

Из газетной статьи

1

В неведомых недрах стекла
Исходит жужжаньем пчела.
Все ниже, и ниже, и ниже, —
Уже различаешь слова...
Летит и пылает и брызжет
Отрубленная голова.
Чудовищных звезд напряженье,
И судорога, и дрожь;
Уже невтерпеж от гуденья,
От блеска уже невтерпеж.
И в сырость таежного лета,
В озера, в лесные бугры
В горящих отрепьях комета
Летит — и рыдает навзрыд.

2

Тогда из холодных болот
Навстречу сохатый встает.
Хранитель сосновых угодий,
Владыка косматых лосих, —
Он медленным ухом поводит,
Он медленным глазом косит,
Он дует шелковой губой,
Он стонет звериной трубой,
Из мхов поднимая в огни
Широких рогов пятерни.
Он видит: над хвойным забором,
Крутясь, выплывает из мглы
Гнездовье из блеска, в котором
Ворчат и клекочут орлы.
И ветер нездешних угодий

По шкуре ожогом проходит,
И льется в тайгу из гнезда
Багровая злая вода.
Лесов огневые ворота
Встают из крутящейся мглы.
Пожар подымает болота
И в топь окунает стволы.
Играет огонь языкатый
Гадюкой, ползущей на лов,
И видит последний сохатый
Паденье последних стволов.

3

Медведя и зверя — туга...
О ком ты взыскуешь, тайга?
Как мамонт, встает чернолесье,
Подняв позвонки к облакам,
И плюшевой мерзостью плесен
По кряжистым лезет бокам.
Здесь ястреб гнездовья строит,
Здесь тайная свадьба сов,
Да стынет в траве астероид,
Хранимый забором лесов.
На версты, и версты, и версты
Промозглым быльем шевеля,
Покрылась замшелой коростой
В ожогах и язвах земля...
Но что пешеходу усталость
(О, черные русла дорог!) —
Россия за лесом осталась.
Развеялась в ночь и умчалась,
Как дальнего чума дымок.
Бредет он по тропам случайным —
Сквозь ржавых лесов торжество;
Ружье, астролябия, чайник —
Нехитрый инструмент его.
Бредет он по вымерзшим рекам,
По мертвой и впалой земле.
Каким огневым дровосеком
Здесь начисто вырублен лес,
Какая нога наступила

На ржавчину рваных кустов?
Какая корявая сила
Прошла и разворотила
Слоистое брюхо пластов?
И там, где в смолистое тело
Сосны древоточец проник, —
Грозят белизной помертвелой
Погибших рогов пятерни.
Кивает сосенник синий,
Стынет озер вода;
Первый предзимний иней
Весь в звериных следах.
Волк вылазит из лога
С инеем на усах...
Да здравствует дорога,
Потерянная в лесах!

4

Тунгуска, тихая река,
Не выдавай плотовщика.
Плоты сквозь дебри протащив,
Поет и свищет плотовщик.
На Туруханск бежит вода,
На Туруханск плывет руда,
По берегам шумит сосна,
По берегам идет весна,
Медвежья вешняя туга...
О ком взыскуешь ты, тайга?

1928

ТВС

Пыль по ноздрям — лошади ржут,
Акации сыплются на дрова.
Треплется по ветру рыжий джут.
Солнце стоит посреди двора.
Рычаньем и чадом воздух прорыв,
Приходит обеденный перерыв.

Домой до вечера. Тишина.
Солнце кипит в каждом кремне.
Но глухо, от сердца, из глубины,
Предчувствие кашля идет ко мне.

И сызнова мир колюч и наг:
Камни — углы, и дома — углы;
Трава до оскомины зелена;
Дороги до скрежета белы.
Надсаживаясь и спеша донельзя,
Лезут под солнце ростки и Цельсий.

(Значит: в гортани просохла слизь,
Воздух, прожарясь, стекает вниз,
А снизу, цепляясь по веткам лоз,
Плесенью лезет туберкулез.)

Земля надрывается от жары.
Термометр взорван. И на меня,
Грохоча, осыпаются миры
Каплями ртутного огня,
Обжигают темя, текут ко рту.
И вся дорога бежит, как ртуть.
А вечером в клуб (доклад и кино,
Собрание рабкоровского кружка).
Дома же сонно и полутемно:
О, скромная заповедь молока!

Под окнами тот же скопческий вид,
Тот же кошачий и детский мир,
Который удушьем ползет в крови,
Который до отвращенья мил,
Чадом которого ноздри, рот,

Бронхи и легкие — все полно,
Которому голосом сковород
Напоминать о себе дано.
Напоминать: «Подремли, пока
Правильно в мире. Усни, сынок».

Тягостно коченеет рука,
Жилка колотится о висок.

(Значит: упорней бронхи сосут
Воздух по капле в каждый сосуд;
Значит: на ткани полезла ржа;
Значит: озноб, духота, жар.)
Жилка колотится у виска,
Судорожно дрожит у век.
Будто постукивает слегка
Остроугольный палец в дверь.
Надо открыть в конце концов!
«Войдите». — И он идет сюда:
Остроугольное лицо,
Остроугольная борода.
(Прямо с простенка не он ли, не он,
Выплыл из воспаленных знамен?
Выпятив бороду, щурясь слегка
Едким глазом из-под козырька.)
Я говорю ему: «Вы ко мне,
Феликс Эдмундович? Я нездоров».

...Солнце спускается по стене.
Кошкам на ужин в помойный ров
Заря разливает компотный сок.
Идет знаменитая тишина.
И вот над уборной из досок
Вылазит неприбранная луна.

«Нет, я попросту — потолковать», —
И опускается на кровать.

Как бы продолжая давнишний спор,
Он говорит: «Под окошком двор
В колючих кошках, в мертвой траве,
Не разберешься, который век.

А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди — и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», — солги.
Но если он скажет: «Убей», — убей.
Я тоже почувствовал тяжкий груз
Опущенной на плечо руки.
Подстриженный по-солдатски ус
Касался тоже моей щеки.
И стол мой раскидывался, как страна,
В крови и чернилах квадрат сукна.
Ржавчина перьев, бумаги клок —
Все друга и недруга стерегло.
Враги приходили — на тот же стул
Садились и рушились в пустоту.
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.
О мать революция! Не легка
Трехгранная откровенность штыка;
Он вздыбился из гущины кровей,
Матерый желудочный быт земли.
Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головой твоей —
Прими на рогатину и повали.
Да будет почетной участь твоя,
Умри, побеждая, как умер я».
Смолкает. Жилка о висок
Глуше и осторожней бьет.
(Значит: из пор, как студеный сок,
Медленный проступает пот.)
И ветер в лицо, как вода из ведра.
Как вестник победы, как снег, как сты
Луна лейкоцитом над кругом двора,
Звезды круглы, и круглы кусты.
Скатываются девять часов
В огромную бочку возле окна.

Я выхожу. За спиной засов
Защелкивается. И тишина.
Земля, наплывающая из мглы,
Легла, как неструганая доска,
Готовая к легкой пляске пилы.
К тяжелой походке молотка.
И я ухожу (а вокруг темно)
В клуб, где нынче доклад и кино,
Собранье рабкоровского кружка.

1929

ВСЕВОЛОДУ

Он свечкой поднялся...
Рванулся вперед...
Качнулся налево, направо...
С налета
Я выстрелил... Промах!
Раскат отдает
Дрогнувшее до основания болото.
И вдруг неожиданно из-за плеча
Стреляет мой сын.
И, крутясь неуклюже,
Выкатив глаз и крыло волоча,
Срезанный дупель колотится в луже.
Он метче, мой сын.
Молодая рука
Верней нажимает
Пружину курка,
Он слышит ясней перекличку болот,
Шипенье крыла, что по воздуху бьет.
Простая машина — ружье.
Для меня
Оно только средство стрельбы и огня.
А он понимает и вес, и упор,
Сцепленье пружин, и закалку, и пробу,
Он глазом ощупал полет и простор,
Он вскинул как надо —
И дупеля добыл.
Машина открылась ему.
Колесо,
Не круг, проведенный пером наудачу;
Оно, завертевшись, летит и несет
Ветром ревущую передачу.
Хозяин машины —
Он может слегка
Нажать незаметный упор рычажка,
И ладом неведомым,
Нотой другой,
Она заиграет под детской рукой.
Хозяин природы,
Он с черных лесов
Ружейным прикладом сбивает засов,

И солнце выводит над студнем реки
Туч табуны и светил косяки.
А ветер, летящий по хвоям косым,
В чапыжнике ноет пчелиной трубою...
Ведь я еще молод!
Веди меня, сын,
Веди меня, сын, — я пойду за тобою.
Околицей брел я,
Пути изменял,
Мечтал — и нога заплеталась о ногу,
Могучее солнце в глазах у меня:
Оно проведет и просушит дорогу.
Мое недоверие, сын мой, прости,
Пусть мимо пройдет молодое презренье;
Я стану как равный на вольном пути,
И слух обновится, и голос, и зренье.
Смотри: пролетает над миром лугов
Косяк журавлей и курлычет на страже;
Дымок, заклубившийся из очагов,
Подернул их перья нежнейшей сажей.
Они пролетают из дальних концов,
В широкое солнце вонзаются клином.
И мир приподнялся и блещет в лицо,
Зеленый и синий, как перья павлина.

1929

СТИХИ О СЕБЕ

1

ДОМ

Хотя бы потому, что потрясен ветрами
Мой дом от половиц до потолка;
И старая сосна трет по оконной раме
Куском селедочного костяка;
И глохнет самовар, и запевают вещи,
И женщиной пропахла тишина,
И над кроватью кружится и плещет
Дымок ребяческого сна, —
Мне хочется шагнуть через порог
знакомый
В звероподобные кусты,
Где ветер осени, шурша снопом соломы,
Взрывает ржавые листы,
Где дождь пронзительный (как леденеют
щеки!),
Где гнойники на сваленных стволах,
И ронжи скрежет и отзыв далекий
Гусиных стойбищ на лугах...
И все болотное, ночное, колдовское,
Проклятое — все лезет на меня:
Кустом морошки. вкусом зверобоя,
Дымком ночлежного огня,
Мглой зыбунов, где не расслышишь шага.
...И вдруг — ладонью по лицу —
Реки расхристанная влага,
И в небе лебединый цуг.
Хотя бы потому, что туловища сосен
Стоят, как прадедов ряды,
Хотя бы потому, что мне в ночах
несносен
Огонь олонецкой звезды, —
Мне хочется шагнуть через порог
знакомый
(С дороги, беспризорная сосна!)
В распахнутую дверь,
В добротный запах дома,
В дымок младенческого сна...

2

ЧИТАТЕЛЬ В МОЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Во первых строках
Моего письма
Путь открывается
Длинный, как тесьма.
Вот, строки раскидывая,
Лезет на меня
Драконоподобная
Морда коня.
Вот скачет по равнине,
Довольный собой,
Молодой гидрограф —
Читатель мой.
Он опережает
Овечий гурт,
Его подстерегает
Каракурт,
Его сопровождает
Шакалий плач,
И пулю посылает
Ему басмач.
Но скачет по равнине,
Довольный собой,
Молодой гидрограф —
Читатель мой.
Он тянет из кармана
Сухой урюк,
Он курит папиросы,
Что я курю;
Как я — он любопытен:
В траве степей
Выслеживает тропы
Зверей и змей.
Полдень придет —
Он слезет с коня,
Добрым словом
Вспомнит меня;
Сдвинет картуз

И зевнет слегка,
Книжку мою
Возьмет из мешка;
Прочтет стишок,
Оторвет листок,
Скинет пояс —
И под кусток.
Чего ж мне надо!
Мгновенье, стой!
Да здравствует гидрограф —
Читатель мой!

3

ТАК БУДЕТ

Черт знает где,
На станции ночной,
Читатель мой,
Ты встретишься со мной.
Сутуловат,
Обветрен,
Запылен,
А мне казалось,
Что моложе он...
И скажет он,
Стряхая пыль травы:
«А мне казалось,
Что моложе вы!»
Так, вытерев ладони о штаны,
Встречаются работники страны.
У коновязи
Конь его храпит,
За сотни верст
Мой самовар кипит, —
И этот вечер,
Встреченный в пути,
Нам с глазу на глаз
Трудно провести.
Рассядемся,
Начнем табак курить.
Как невозможно
Нам заговорить.

Но вот по взгляду,
По движенью рук
Я в нем охотника
Признаю вдруг —
И я скажу:
«Уже на реках лед.
Как запоздал
Утиный перелет».
И скажет он,
Не подымая глаз:
«Нет времени
Охотиться сейчас!»
И замолчит.
И только смутный взор
Глухонемой продолжит разговор,
Пока за дверью
Не затрубит конь,
Пока из лампы
Не уйдет огонь,
Пока часы
Не скажут, как всегда:
«Довольно бреда,
Время для труда!

1929

СОБОЛИНЫЙ СЛЕД

Под сосенником высоким,
Где дрожит весенний зной,
Дом поднялся к лесу боком,
Отливая смольным соком —
Маслянистой желтизной.

Постучи в калитку смело,
Огляди широкий двор.
Клетки, клетки... Краской белой
Густо выкрашен забор.

В клетках шум и толкотня,
Визг, веселая возня.

На зверей глядит сурово,
Ходит по двору один
Зоотехника Петрова
Двенадцатилетний сын.

Он подходит к каждой клетке,
Он подбрасывает ветки,
И копается рукой
Он в подстилке травяной.
В каждой клетке разный зверь.
Разберись-ка в них теперь!

Черно-бурая лисица,
Белогрудая куница
И серебряный песец...

А теперь гляди-ка в оба:
Легкий, тонкий черный соболь
Вьется в клетке, как вьюнец...

Мех невиданной окраски,
Лапок легкие следы.
И блестят на морде глазки,
Словно капельки воды.

«Сева, накорми зверье, —
Вот занятие твое».

Сева дверку настежь... Вдруг,
Проскользнув ужом меж рук,
Засверкав пушистой искрой,
Как дымок, как пух, как выстрел,
Через колья, в дебри, в лог
Пролетает соболек.

ПЕСНЯ СЕВЫ

Обманул меня звереныш, обманул,
Из питомника в чащобу ускользнул.

Что мне делать? Я не знаю,
как мне быть.
Надо соболя по следу проследить.

Юрк хвостом — и соболь на сосне,
Скалит зубы, машет лапкой мне.

Что ж, я с лайкой двинусь по следам:
Соболя я лесу не отдам.

Месяц, год, неделя — все равно,
Буду рыскать, не жалея ног.

Эй, Тунгус, мой остроухий пес!
Подыми на ветер влажный нос.

Ты хвостом-калачиком взмахни,
Начинаются большие дни.

Лес пойдет на нас со всех сторон.
В путь-дорогу! Начинаем гон.

И Сева надевает
Большие сапоги,
Засовывает в сумку
С печенкой пироги.

С ушастою собакой,
Отчаянной кусакой,
С берданкой за плечом
Идет он напролом.

А лайка водит носом,
Кружится, как юла;
Вдруг запах прихватила,
Рванулась... повела...

По буеракам, в дебри,
В кусты, через ручей
Стремглав несется лайка,
И Сева вслед за ней.

А наверху по веткам,
На ощупь, без дорог,
Летит полетом легким,
Как птица, соболек.

ЧТО ДУМАЕТ ЛАЙКА

Подыму я по ветру нос:
Откуда-то зверем дует.
Я старый охотничий пес —
Охотника не подведу я.
Я зверя не вижу. Впотьмах
Я нюхом его ощущаю.
Каждый кустик зверем пропах,
Здесь он, здесь он — я это знаю...
Буду гнаться за ним три дня,
Буду шарить и лаять буду.
Не уйти ему от меня.
Все равно я его добуду.

ЧТО ДУМАЕТ СОБОЛЬ

Бежать, бежать, бежать,
Кружиться, подыматься,
Скользить, лететь, скакать
Опять, опять, опять!

Цепляться и срываться,
Скорей, скорей, скорей
Скользнуть промеж ветвей,
Нырнуть в густую хвою,

Исчезнуть в пустоте,
Чтоб пес, скуля и воя,
Застрял в сыром кусте.

Собью собаку с толку,
Мальчишку уведу
В трущобу, в зубы волку,
К проклятому пруду.
Скорей, скорей, скорей
Скользнуть промеж ветвей!

Оседает муть тумана,
Чуть потрескивает прель...
Вот последняя поляна
И растрепанная ель...

Пробежав поляну вмиг,
Соболь съежился и — прыг!

Ну, живее, налетай-ка,
Не мечтай и не зевай, —
Зверь на месте... Ну-ка, лайка,
Звонко соболя облай!
Он съежился и сжался,
Он сильней к коре прижался.

Не уйти ему никак,
Не исчезнуть без обмана:
Перед елкою поляна,
Стережет под елкой враг.

ЧТО ДУМАЕТ СЕВА

Стрелять не годится —
Можно убить.
На дереве соболя
Не ухватить.

Пойду я в деревню
Ближайшей дорогой:
Быть может, охотники
Делу помогут.

Ты, лайка, сиди,
За зверем следи.

И охотники Севуше помогли:
Сеть широкую в корзине принесли,
Ель окутали — не выйти нипочем;
Ствол широкий подрубили топором.
Как ни прыгнешь — некуда уйти,
Кувыркайся да барахтайся в сети.
Не играть тебе, приятель, меж ветвей,
Возвращайся-ка в питомник поскорей.
Севка, братец, он хотя и мал,
А нашел тебя, догнал, поймал.

В питомнике работа
Идет не умолкая,
И Сева ходит важно
Среди своих зверей.

Хоть соболь, как известно,
Детей не вывел в клетке,
Но Сева твердо знает:
Не пропадает труд...

Дадим побольше клетку,
Найдем получше пищу,
Мозгами пораскинем
И выведем зверей.

1929

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОЭТА

Весенний ветер лезет вон из кожи,
Калиткой щелкает, кусты корежит.
Сырой забор подталкивает в бок
Сосна, как деревянное проклятье,
Железный флюгер, вырезанный ятью
(Смотри мой «Папиросный коробок»).
А критик за библейским самоваром,
Винтообразным окружен угаром,
Глядит на чайник, бровью шевеля.
Он тянет с блюдца, —
в сторону мизинец, —
Кальсоны хлопают на мезонине,
Как вымпел пожилого корабля,
И самовар на скатерти бумажной
Протодиаконом трубит протяжно.
Сосед откушал, обругал жену
И благодушествует:
«Ах! Погода!
Какая подмосковная природа!
Сюда бы Фофанова да луну!»

Через дорогу в хвойном окруженье
Я двигаюсь взлохмаченною тенью,
Ловлю пером случайные слова.
Благословляю кляксами бумагу.
Сырые сосны отряхают влагу,
И в хвое просыпается сова.
Сопит река.
Земля раздражена
(Смотри стихотворение «Весна»).
Слова как ящерицы — не наступишь;
Размеры — выгоднее воду в ступе
Толочь; а композиция встает
Шестиугольником или квадратом;
И каждый образ кажется проклятым,
И каждый звук топырится вперед.
И с этой бандой символов и знаков
Я, как биндюжник, выхожу на драку
(Я к зуботычинам привык давно).
А критик мой недавно чай откушал,

Статью закончил, радио прослушал
И на террасу распахнул окно.
Меня он видит — он доволен миром —
И тенорком, политым легким жиром,
Пугает галок на кусте сыром.
Он возглашает:
«Прорычите басом,
Чем кончилась волынка с Опанасом,
С бандитом, украинским босяком.
Ваш взгляд от несварения неистов.
Прошу, скажите за контрабандистов,
Чтоб были страсти, чтоб огонь, чтоб гром,
Чтоб жеребец, чтоб кровь, чтоб клубы
дыма, —
Ах, для здоровья мне необходимы
Романтика, слабительное, бром!
Не в этом ли удача из удач?
Я говорю как критик и как врач».
Но время движется. И на дороге
Гниют доисторические дроги,
Булыжником разъедена трава,
Электротехник на столбы вылазит, —
И вот ползет по укрощенной грязи,
Покачивая бедрами, трамвай.
(Сосед мой недоволен:
«Эт-то проза!»)
Но плимутрок из ближнего совхоза
Орет на солнце, выкатив кадык:
«Как мне работать!
Голова в тумане».

И бытием прижатое сознанье
Упорствует и выжимает крик.
Я вижу, как взволнованные воды
Зажаты в тесные водопроводы,
Как захлестнула молнию струна.
Механики, чекисты, рыбоводы,
Я ваш товарищ, мы одной породы, —
Побоями нас нянчила страна!
Приходит время зрелости суровой,
Я пух теряю, как петух здоровый.
Разносит ветер пестрые клочки.

Неумолимо, с болью напряженья,
Вылазят кровянистые стручки,
Колючие ошметки и крючки —
Начало будущего оперенья.
«Ау, сосед!»
Он стонет и ворчит:
«Невыносимо плимутрок кричит,
Невыносимо дребезжат трамваи!
Да, вы линяете, милейший мой!
Вы погибаете, милейший мой!
Да, вы в тупик уперлись головой,
И, как вам выбраться, не понимаю!»
Молчи, папаша! Пестрое перо —
Топорщится, как новая рубаха.
Петуший гребень дыбится остро;
Я, словно исполинский плимутрок,
Закидываю шею. Кличет рог, —
Крылами раз! — и на забор с размаха.
О, злобное петушье бытие!
Я вылинял! Да здравствует победа!
И лишь перо погибшее мое
Кружится над становищем соседа.

1929

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Я не запомнил — на каком ночлеге
Пробрал меня грядущей жизни зуд.
Качнулся мир.
Звезда споткнулась в беге
И заплескалась в голубом тазу.
Я к ней тянулся... Но, сквозь пальцы рея,
Она рванулась — краснобокий язь.
Над колыбелью ржавые евреи
Косых бород скрестили лезвия.
И всё навыворот.
Всё как не надо.
Стучал сазан в оконное стекло;
Конь щебетал; в ладони ястреб падал;
Плясало дерево.
И детство шло.
Его опресноками иссушали.
Его свечой пытались обмануть.
К нему в упор придвинули скрижали,
Врата, которые не распахнуть.
Еврейские павлины на обивке,
Еврейские скисающие сливки,
Костыль отца и матери чепец —
Все бормотало мне:
«Подлец! Подлец!»
И только ночью, только на подушке
Мой мир не рассекала борода;
И медленно, как медные полушки,
Из крана в кухне падала вода.
Сворачивалась. Набегала тучей.
Струистое точила лезвие...
— Ну как, скажи, поверит
в мир текучий
Еврейское неверие мое?
Меня учили: крыша — это крыша.
Груб табурет. Убит подошвой пол,
Ты должен видеть, понимать и слышать,
На мир облокотиться, как на стол.
А древоточца часовая точность
Уже долбит подпорок бытие.

...Ну как, скажи, поверит
в эту прочность
Еврейское неверие мое?
Любовь?
Но съеденные вшами косы;
Ключица, выпирающая косо;
Прыщи; обмазанный селедкой рот
Да шеи лошадиный поворот.
Родители?
Но в сумраке старея,
Горбаты, узловаты и дики,
В меня кидают ржавые евреи
Обросшие щетиной кулаки.
Дверь! Настежь дверь!
Качается снаружи
Обглоданная звездами листва,
Дымится месяц посредине лужи,
Грач вопиет, не помнящий родства.
И вся любовь,
Бегущая навстречу,
И все кликушество
Моих отцов,
И все светила,
Строящие вечер,
И все деревья,
Рвущие лицо, —
Все это встало поперек дороги,
Больными бронхами свистя в груди:
— Отверженный! Возьми
свой скарб убогий,
Проклятье и презренье!
Уходи! —
Я покидаю старую кровать:
— Уйти?
Уйду!
Тем лучше!
Наплевать!

1930

Итак — бумаге терпеть невмочь,
Ей надобны чудеса:
Четыре сосны
Из газонов прочь
Выдергивают телеса.
Покинув дохлые кусты
И выцветший бурьян,
Ветвей колючие хвосты
Врываются в туман.
И сруб мой хрустальнее слезы
Становится.
Только гвозди
Торчат сквозь стекло
Да в сквозные пазы
Клопов понабились грозди.
Куда ни посмотришь:
Туман и дичь,
Да грач на земле, как мортус.
И вдруг из травы
Вылезает кирпич
Еще и еще!
Кирпич на кирпич.
Ворота. Стена. Корпус.
Чего тебе надобно?
Испокон
Веков я живу один,
Я выстроил дом,
Придумал закон,
Я сыновей народил...
Я молод,
Но мудростью стар, как зверь,
И с тихим пыхтеньем вдруг,
Как выдох,
Распахивается дверь
Без прикосновенья рук.
И товарищ из племени слесарей
Идет из этих дверей.
(К одной категории чудаков
Мы с ним принадлежим:
Разводим рыб —

И для мальков
Придумываем режим.)
Он говорит:
— Запри свой дом,
Выйди и глянь вперед:
Сначала ромашкой,
Взрывом потом
Юность моя растет.
Ненасытимая, как земля,
Бушует среди людей,
Она голодает,
Юность моя,
Как много надобно ей.
Походная песня ей нужна,
Солдатский грубый паек:
Буханка хлеба
Да ковш вина,
Борщ да бараний бок.
А ты ей приносишь
Стакан слюны,
Грамм сахара
Да лимон,
Над рифмой просиженные штаны —
Сомнительный рацион...
Собаки, аквариумы, семья
Вокруг тебя, как забор...
Встает над забором
Юность моя.
Глядит на тебя
В упор.
Гектарами поднятых полей,
Стволами сырых лесов
Она кричит тебе:
Встань скорей!
Надень пиджак и окно разбей,
Отбей у дверей засов!
Широкая зелень
Лежит окрест
Подстилкой твоим ногам! —
(Рукою он делает вольный жест
От сердца —
И к облакам.

Я узнаю в нем
Свои черты,
Хотя он костляв и рыж,
И я бормочу себе:
«Это ты
Так здорово говоришь».)
Он продолжает:
— Не в битвах бурь
Нынче юность моя,
Она придумывает судьбу
Для нового бытия.
Ты думаешь:
Грянет ужасный час!
А видишь ли, как во мрак
Выходит в дорогу
Огромный класс
Без посохов и собак.
Полна преступлений
Степная тишь,
Отравлен дорожный чай...
Тарантулы... Звезды...
А ты молчишь?
Я требую! Отвечай! —

И вот, как приказывает сюжет,
Отвечает ему поэт:

— Сливаются наши бытия,
И я — это ты!
И ты — это я!
Юность твоя —
Это юность моя!
Кровь твоя —
Это кровь моя!
Ты знаешь, товарищ,
Что я не трус,
Что я тоже солдат прямой,
Помоги ж мне скинуть
Привычек груз,
Больные глаза промой! —
(Стены чернеют.

Клопы опять
Залезают под войлок спать.
Но бумажка полощется под окном:
«За отъездом
Сдается внаем!!»)

1930

ВЕСНА, ВЕТЕРИНАР И Я

Над вывеской лечебницы синий пар.
Щупает корову ветеринар.

Марганцем окрашенная рука
Обхаживает вымя и репицы плеть,
Нынче корове из-под быка
Мычать и, вытягиваясь, млеть.
Расчищен лопатами брачный круг,
Венчальную песню поет скворец,
Знаки Зодиака сошли на луг:
Рыбы в пруду и в траве Телец.

(Вселенная в мокрых ветках
Топорщится в небеса.
Шаманит в сырых беседках
Оранжевая оса,
И жаворонки в клетках
Пробуют голоса.)

Над вывеской лечебницы синий пар.
Умывает руки ветеринар.

Топот за воротами.
Поглядим.
И вот, выпячивая бока,
Коровы плывут, как пятнистый дым,
Пропитанный сыростью молока.
И памятью о кормовых лугах
Роса, как бубенчики, на рогах,
Из-под мерных ног
Голубой угар.
О чем же ты думаешь, ветеринар?
На этих животных должно тебе
Теперь возложить ладони свои:
Благословляя покой, и бег,
И смерть, и мучительный вой любви.

(Апрельского мира челядь,
Ящерицы, жуки,
Они эту землю делят

На крохотные куски:
Ах, мальчики на качелях,
Как вздрагивают суки!)

Над вывеской лечебницы синий пар...
Я здесь! Я около! Ветеринар!

Как совесть твоя, я встал над тобой,
Как смерть, обхожу твои страдные дни!
Надрывайся!
Работай!
Ругайся с женой!
Напивайся!
Но только не измени...
Видишь: падает в крынки парна́я звезда.
Мир лежит без межей,
Разутюжен и чист.
Обрастает зеленым,
Блестит, как вода,
Как промытый дождями
Кленовый лист.
Он здесь! Он трепещет невдалеке!
Ухвати и, как птицу, сожми в руке!

(Звезда стоит на пороге —
Не испугай ее!
Овраги, леса, дороги·
Неведомое житье!
Звезда стоит на пороге —
Смотри — не вспугни ее!)

Над вывеской лечебницы синий пар.
Мне издали кланяется ветеринар.

Скворец распинается на шесте.
Земля — как из бани. И ветра нет.
Над мелкими птицами
В пустоте
Постукиванье булыжных планет.
И гуси летят к водяной стране;
И в город уходят служителя,

С громадными звездами наедине
Семенем истекает земля.

(Вставай же, дитя работы,
Взволнованный и босой,
Чтоб взять этот мир, как соты,
Обрызганные росой.
Ах! Вешних солнц повороты,
Морей молодой прибой.)

1930

ЗВЕЗДА МОРДВИНА

1

МОРДОВСКАЯ ПАСЕКА

Мордовская пасека — вот она.
Вокруг дубняк, березняк, сосна.
Сюда летит, от взятка тяжела,
Большая, злая лесная пчела.
В бормотании пчел, от села вдали,
Поколенья людей в тишине росли.
В чащобах росли, как стая берез.
«Зачем колхоз? Не пойдем в колхоз!
Молоко есть; медку наберем;
Медведя на мясо зимой убьем.
Топлива много: сушняк, дрова...
Мы мокша-народ, лесная мордва...»
И дети росли у этих людей:
Лесовики — Иван да Андрей.
Их обучал волосатый дед,
Как находить лосиный след.
«Вот, — говорил он, — в этом бору
Лось бродил весной поутру,
А в этих осинах — рябчиков рой.
В дудку подуй, подлетит — стреляй!
Ребята купались в лесной реке,
Гонялись за утками в челноке,
Собирали грибы, росли, как трава.
Мокша-народ, лесная мордва.

2

«ЗВЕЗДА МОРДВИНА»

Вдоль реки пройди немного
(Вправо будет луговина)
И упрешься лбом в дорогу
На колхоз «Звезда мордвина».

3

КОЛХОЗНИКИ ГОВОРЯТ

В колхозе крестьяне говорят:
«Очень много по лесам ребят

На мордовских пасеках дремучих,
По землянкам у болот зыбучих.
Ты, учитель, по лесам пройди,
Отыщи ребят и приведи».

4
УЧИТЕЛЬ В ЛЕСУ

Страшно в лесу. Учитель идет.
Через чапыгу, вперед, вперед.
Пора и домой. А лес бестолков.
Как ни считай, не сочтешь стволов.
Осинник дрожит, скрипит березняк.
Вечер идет, наползает мрак.
Что-то в кустах, сопя, поднялось,
Кто его знает, медведь или лось.
Мимо лица метнулась сова.
«Ну, и забралась в леса мордва!»
И вдруг вдалеке, где темным-темно,
Как желтый цветок, расцвело окно.

5
УЧИТЕЛЬ НА ПАСЕКЕ

Не встать в середке хаты —
Упрешься головой.
Рогатые ухваты
У лавки угловой,
И сажи черный слой
Налетом пухлой ваты
Лежит в избе курной..
Глядят из-за дверей
Ванюха и Андрей.
Учитель под лучиной
Хлебает молоко
И говорит: «Мордвину
Теперь совсем легко.
Пускай придут ребята
К нам в школу поскорей».
Глядят из-за дверей,
Сопя, как лисенята,
Ванюха и Андрей.

Учитель говорит:
«Пошлешь?» Отец молчит.
Мигает и ворчит
Лучина смоляная.
«Другого нет пути.
Они должны пойти.
Они пойдут! Я знаю!

6

ШКОЛЬНЫЙ ПОХОД

Так начинается поход:
Ветер листву метет.
Громче кричит по ночам сова,
Жухнет в лугах трава.
Осень идет. Осень идет...
Первый школьный поход.
Андрей и Ванюха на челноке
Спускаются по реке.
От старой пасеки вниз, к лугам,
К веселым людским домам,
Мимо стогов, мимо берез,
Вниз по реке, в колхоз.
Не острога в челноке у них,
Им незачем плыть на ток:
Тетрадки, ручка да пара книг
Завернуты в платок.
И сами песню сложили они
Про свои молодые дни:
«Сильней верти веслом,
Гони челнок вперед,
По веткам напролом,
Через камыш болот.
Скользи, челнок, скорей,
Лети, челнок, в туман...
Верти веслом, Андрей!
Держись за борт, Иван!
Мы из народа мокша,
Плывем за наукой в школу.
Большое солнце навстречу
Летит, словно гусь тяжелый.
Охотники молодые,

Мы выплыли до зари.
Работать по-настоящему
Научат нас букварн.
Мы будем читать газеты,
Машинами управлять,
Из пушки, из трехлинейки
Прицеливаться и стрелять.
Мы пионерами станем,
В галстуках, как рябина.
Отца перетащим с пасеки
Работать в «Звезду мордвина».
Из этих болотин мрачных
Мы сделаем край веселый...
...Мы из народа мокша,
Плывем обучаться в школу.
Скользи, челнок, скорей,
Лети, челнок, в туман...
Верти веслом, Андрей!
Держись за борт, Иван!

7
В ШКОЛЕ

Взгляни — какое окно.
Пол — какой аккуратный!
Как чисто подметено,
Даже неприятно!
К стене прибиты флажки
Краснее ягоды клюквы.
Учитель стоит у доски,
Осторожно выводит буквы...
А — точь-в-точь как шалаш. Иван.
Б — как белка с хвостом, ей-ей!
В — лежит, как большой капкан.
Г — совсем как багор, Андрей.

8
ЧТО БУДЕТ С РЕБЯТАМИ

Весною и осенью по реке
Ребята спускаются в челноке.
Зимою на лыжах идут они.

Темно, только в школе горят огни.
Годы пройдут. Подрастете вы.
Приедете взрослыми из Москвы.
Иван — инженер, Андрей — агроном.
Ах, надо б увидеть родимый дом!
Дорога раскатана... Ближе... Вот!
Колхозная пасека в тыщу колод.
Деревянный дом. На доме — звезда.
Над звездой — певучие провода.
Собака залает, как бубенец.
Навстречу пасечник — ваш отец.
Он вам приносит в миске гречишный мед.
Хлопает по плечу, поет...
А вокруг на разные голоса
Смеются расчищенные леса...

1930

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Я прохожу по бульварам. Свист
В легких деревьях. Гудит аллея.
Орденом осени ржавый лист
Силою ветра к груди приклеен.
Сын мой! Четырнадцать лет прошло.
Ты пионер — и осенний воздух
Жарко глотаешь. На смуглый лоб
Падают листья, цветы и звезды.
Этот октябрьский праздничный день
Полон отеческой грозной ласки,
Это тебе — этих флагов тень,
Красноармейцев литые каски.
Мир в этих толпах — он наш навек...
Топот шагов и оркестров гомон,
Грохот загруженных камнем рек,
Вой проводов — это он. Кругом он.
Сын мой! Одним вдохновением мы
Нынче палимы. И в свист осенний,
В дикие ливни, в туман зимы
Грозно уводит нас вдохновенье.
Вспомним о прошлом...
Слегка склонясь,
В красных рубашках, в чуйках суконных,
Ражие лабазники, утаптывая грязь,
На чистом полотенце несут икону...
И матерый купчина с размаху — хлоп
В грязь и жадно протягивает руки,
Обезьяна из чиновников крестит лоб,
Лезут приложиться свирепые старухи.
Пух из перин, как стая голубей...
Улица настежь распахнута... И дикий
Вой над вселенной качается: «Бей!
Рраз!» И подвал захлебнулся в крике.
Сын мой, сосед мой, товарищ мой,
Ты руку свою положи на плечо мне,
Мы вместе шагаем в холод и зной,
И ветер свежей, и счастье огромней.
Каждый из нас, забыв о себе,
Может, неловко и неумело,
Губы кусая, хрипя в борьбе,

Делает лучшее в мире дело.
Там, где погром проходил рыча,
Там, где лабазник дышал надсадно,
Мы на широких несем плечах
Жажду победы и груз громадный.
Пусть подымаются звери на гербах,
В черных рубахах выходят роты,
Пусть на крутых верблюжьих горбах
Мерно поскрипывают пулеметы,
Пусть истребитель на бешеной заре
Отпечатан черным фашистским знаком —
Большие знамена пылают на горе
Чудовищным, воспаленным маком.
Слышишь ли, сын мой, тяжелый шаг,
Крики мужчин и женщин рыданье...
Над безработными — красный флаг,
Кризиса ветер, песни восстания...
Время настанет — и мы пройдем,
Сын мой, с тобой по дорогам света...
Братья с Востока к плечу плечом
С братьями освобожденной планеты.

1931

МЕДВЕДЬ

Покрытый бурой шубой,
Кряжистый и грубый,
В малиннике сыром
Он спит и дышит носом,
Нося глазком белесым,
И тушей раздобревшей
Он давит бурелом.
Когда перед зарею
В сосне заквохчет дрозд
И окунется в хвою
Густая сетка звезд...
Он встанет, косолапый,
Он втянет воздух с храпом,
Подымется, вздохнет.
Стряхнет с намокшей шкуры
Малины листик бурый —
И двинется вперед...

Я тоже не зеваю,
Берданку заряжаю,
И в тишине ночной
Неслышными шагами
Сперва пройду овсами,
Потом пройду болотом
И сяду над рекой.
Иди, зевака сонный,
Верни мои патроны,
Иди, иди, иди...
Я слышу храп медвежий,
Хрустение лап широких...
Идет... И сердце реже
Стучит в моей груди.

<1934>

СКАЗАНИЕ О МОРЕ, МАТРОСАХ И ЛЕТУЧЕМ ГОЛЛАНДЦЕ

Знаешь ли ты сказание о Валгалле? Ходят по морю викинги, скрекинги ходят по морю. Ветер надувает парус, и парус несет ладью. И неизвестные берега раскидываются перед воинами. И битвы, и смерть, и вечная жизнь в Валгалле. Сходят валкирии — в облаке дыма, в пении крыльев за плечами — и руками, нежными, как ветер, подымают души убитых. И летят души на небо и садятся за стол, где яства и мед. И Один приветствует их. И есть ворон на троне у Одина. и есть волк, растянувшийся под столом. Внизу скалы, тина и лодки, наверху — Один, воины и ворон. И если приходит в бухту судно, встает Один, и воины приветствуют мореходов, подымая чаши. И валкирии трубят в рога, прославляя храбрость мореходов. И пируют внизу моряки, а наверху души героев. И говорят: «Вечны Валгалла, Один и ворон. Вечны море, скалы и птицы».

Знайте об этом, сидящие у огня, бродящие под парусами и стреляющие оленей!

(Из сказаний Свена-Песнетворца)

Замедлено движение земли
Развернутыми нотными листами.
О флейты, закипевшие вдали,
О нежный ветр, гудящий под смычками...
Прислушайся: в тревоге хоровой
Уже труба подъемлет глас державный,
То вагнеровский двинулся прибой,
И восклицающий, и своенравный...

1
ПЕСНЯ О МОРЕ И НЕБЕ

К этим берегам, поросшим шерстью,
Скользкими ракушками и тиной,
Дивно скрученные ходят волны,
Растекаясь мылом, закипевшим
На песке. А над песками скалы,
Растопыренные и крутые. —
Та, посмотришь, вытянула лапу
К самой тине, та присела крабом,
Та плавник воздела каменистый
К мокрым тучам. И помет бакланий
Известью и солью их осыпал...
А над скалами, над птичьим пухом
Северное небо, и как будто
В небе ничего не изменилось:
Тот же ворон на дубовом троне
Чистит клюв, и тот же волк поджарый
Растянулся под столом, где чаши
Рыжим пивом налиты и грузно
В медные начищенные блюда
Вывалены туши вепрей. Вечен
Дикий пир. Надвинутые туго
Жаркой медью полыхают шлемы,
Груди волосатые расперты

Легкими, в которых бродит воздух.
И как медные и злые крабы,
Медленно ворочаясь и тяжко
Громыхая ржавыми щитами,
Вкруг стола, сколоченного грубо
Из досок сосновых, у кувшина
Крутогорлого они расселись —
Доблестные воины. И ночью
Слышатся их голоса и ругань,
Слышно, как от кулака крутого
Стонет стол и дребезжит посуда.
Поглядишь: и в облаках мигают
Суетливые зарницы, будто
Отблески от вычищенных шлемов,
Жарких броней и мечей широких...

2

ПЕСНЯ О МАТРОСАХ

А у берега рыбачьи лодки,
Весла и плетеные корзины
В чешуе налипшей. И под ветром
Сети, вывешенные на сваях,
Плещут и колышутся... Бывает,
Закипит вода под рыбьим плеском.
И оттуда, из морозной дали,
Двинется треска, взовьются чайки
Над водой, запрыгают дельфины,
Лакированной спиной сверкая,
Затрещат напруженные сети,
Женщины заголосят... И в стужу,
Полоща полотнищем широким,
Медленные выплывают лодки...
День идет серебряной треской,
Ночь дельфином черным проплывает...
Те же голоса на прибережье,
Те же неводы, и та же тина.
Валуны, валы и шорох крыльев...
Но однажды, наклонившись набок,
Разрезая волны и стеная,
В бухту судно дивное влетело.
Ветер вел его, наполнив парус

Крепостью упрямою, как груди
Женщины, что молоком набухли...
Ворот заскрипел, запели цепи
Над заржавленными якорями,
И по сходням с корабля на берег
Выбежали страшные матросы...
Тот — как уголь, а глаза пылают
Белизной стеклянною, тот глиной
Будто вымазан и весь в косматой
Бороде, а тот окрашен охрой,
И глаза, расставленные косо,
Скользкими жуками копошатся...

И матросы не зевали: ночью,
В расплескавшемся вдали пыланье
Пламени полярного, у двери
Рыбака, стрелка иль китолова
Беспокойные шаги звучали,
Голоса, и пение, и шепот...
И жена протягивала руки
К мерзлому оконцу, осторожно
Жаркие подушки покидая,
Шла к дверям... И вот в ночи несется
Щелканье ключа и дребезжанье
Растворяющейся двери... Ветер —
Соглядатай и веселый сторож
Всех влюбленных и беспутных — снегом
У дверей следы их заметает...
А в трактирах затевались драки,
Из широких голенищ взлетали
Синеглазые ножи, и пули
Застревали в потолочных балках...
Пой, матросская хмельная сила,
Голоси, целуйся и ругайся!
Что покинуто вдали... Размерный
Волн размах, качанье на канатах
И спокойный голос капитана.
Что развертывается вдали... Буруны,
Сединой гремящие певучей,
Доски, стонущие под ногами,
Жесткий дождь, жестокий ломоть хлеба
И спокойный голос капитана...

3
ПЕСНЯ О КАПИТАНЕ

Кто мудрее стариков окрестных,
Кто видал и кто трудился больше?..
Их сжигало солнце Гибралтара,
Им афинские гремели волны.
Горький ветр кремнистого Ассама
Волосы им ворошил случайно...
И, спокойной важностью сияя,
Вечером они сошлись в трактире,
Чтоб о судне толковать чудесном!
Там расселись старики, поставив
Ноги врозь и в жесткие ладони
Положив крутые подбородки...
И когда старейшиною было
Слово сказано о судне дивном, —
Заскрипела дверь, и грузный грянул
В доски шаг, и налетел веселый
Ветер с моря, снег и гул прибоя...
И осыпан снегом и овеян
Зимним ветром, встал пред стариками
Капитан таинственного судна.
Рыжекудрый и огромный, в драном
Он предстал плаще, широколобой
И кудлатой головой вращая,
Рыжий пух, как ржавчина, пробился
На щеках опухших, и под шляпой
Чешуей глаза окоченели...

4
ПЕСНЯ О РОЗЕ И СУДНЕ

Что сказали старцы капитану,
И о мудром капитанском слове.
— Уходи! Распахнутые воют
Пред тобой чужие океаны,
Южный ветер, иль заиндевелый
Пламень звезд, иль буйство рулевог
Паруса твои примчало в бухту...
— Уходи! Гудит и ходит дикий
Мыльный вал, на скалы налетая!

Горный ветр вольется в круглый парус.
Зыбь прибрежная в корму ударит,
И распахнутый — перед тобою —
Пламенный зияет океан! —
Мореходная покойна мудрость,
Капитан откинул плащ и руку
Протянул. И вот на мокрых досках
Роза жаркая затрепыхалась...
И, пуховою всклубившись тучей,
Запах поднялся, как бы от круглой
Розовой жаровни, на которой
Крохи ладана чадят и тлеют.
И в чаду и в запахе плавучем
Увидали старцы: закипает
В утлой комнате чужое море,
Где крутыми стружками клубится
Пена. И медлительно и важно
Вверх плывут ленивые созвездья,
Над соленой тишиной морскою
Чередой располагаясь дивной.
И в чаду и в запахе плавучем
Развернулся город незнакомый,
Пестрый и широкий, будто птица
К берегу песчаному прильнула,
Распустила хвост и разбросала
Крылья разноцветные, а шею
Протянула к влаге, чтоб напиться.
Проплывали облака, вставали
Волны, и, дугою раскатившись,
Подымались и тонули звезды...
И сквозь этот запах и сквозь пенье
Все грубей и крепче выступали
Утлое окно, сырые бревна
Низких стен и грубая посуда...
И когда растаял над столами
Стаей ласковою и плавучей
Легкий запах, влажная лежала
В черствых крошках и пролитом пиве
Брошенная роза, рассыпая
Лепестки, а на полу огромный
Был оттиснут шаг, потекший снегом.
А в окне виднелся каменистый

Берег, и, поскрипывая в пене
Грузною дощатой колыбелью,
Вздрагивало и моталось судно.
Видно было, как взлетели сходни,
Как у ворота столпились люди,
Как, толкаемые, закружились
Спицы ворота, как из кипящей
Пены медленная выползала
Цепь, наматываясь на точеный
И вращающийся столб, а после
По борту, разъеденному солью,
Вверх пополз широколапый якорь.
И чудесным опереньем вспыхнув,
Развернулись паруса. И ветер
Их напряг, их выпятил, и, круглым
Выпяченным полотном сверкая,
Судно дрогнуло и загудело...
И откинулись косые мачты,
И поет пенька, и доски стонут,
Цепи лязгают, и свищет пена...
Вверх взлетай, свергайся вниз с разбегу,
Снова к тучам, грохоча и воя,
Прыгай, судно!.. Видишь — над тобою
Тучи разверзаются, и в небе —
Топот, визг, сияние и грохот...
Воют воины... На жарких шлемах
Крылья раскрываются и хлещут,
Звякают щиты, в ножнах широких
Движутся мечи, и вверх воздеты
Пламенные копья... Слышишь, слышишь,
Древний ворон каркает и волчий
Вой несется!.. Из какого жбана
Ты черпал клубящееся пиво,
Сумасшедший виночерпий? Жаркой
Горечью оно пошло по жилам,
Разгулялось в сердце, в кровь проникло
Дрожжевою силой, вылетая
Перегаром и хрипящей песней...
И летит, и прыгает, и воет
Судно, и полощется на мачте
Тряпка черная, где человечий
Белый череп над двумя костями...

Ветр в полотнище, и волны в кузов,
Вымпел в тучу. Поворот. Навстречу
Высятся полярные ворота,
И над волнами жаровней круглой
Солнце выдвигается, и воды
Атлантической пылают солью...

1922

ТРАКТИР

ПОСВЯЩЕНИЕ 1 (ИРОНИЧЕСКОЕ)

Всем неудачникам хвала и слава!
Хвала тому, кто, в жажде быть свободным,
Как дар, хранит свое дневное право —
Три раза есть и трижды быть голодным,
Он слеп, он натыкается на стены.
Он одинок. Он ковыляет робко.
Зато ему пребудут драгоценны
Пшеничный хлеб и жирная похлебка.
Когда ж, овеяно предсмертной ленью,
Его дыханье вылетит из мира,
Он сытое найдет успокоенье
В тени обетованного трактира.

ПОСВЯЩЕНИЕ 2 (РОМАНТИЧЕСКОЕ)

Увы, мой друг, мы рано постарели
И счастьем не насытились вполне.
Припомним же попойки и дуэли,
Любовные прогулки при луне.
Сырая ночь окутана туманом...
Что из того? Наш голос не умолк
В тех погребах, где юношам и пьяным
Не отпускают вдохновенья в долг.
Женаты мы. Любовь нас не волнует.
Домашней лирики приходит срок,
Пора! Пора! Уже нам в лица дует
Воспоминаний слабый ветерок.
И у сосновой струганой постели
Мы вспомним вновь в предсмертной тиши
Веселые попойки и дуэли,
Любовные прогулки при луне.

Сцена изображает чердак в разрезе. От чердака к низким и рыхлым облакам подымается витая лестница и теряется в небе. П о э т облокотился о стол, опустив голову. На авансцену выходит Ч т е ц

Чтец

Для тех, кто бродит по дворам пустым
С гитарой и ученою собакой,
Чей голос дребезжит у черных лестниц,
Близ чадных кухонь, у помойных ям,
Для тех неунывающих бродяг,
Чья жизнь, как немощеная дорога,
Лишь лужами и кочками покрыта,
Чье достоянье — посох пилигрима
Или дырявая сума певца, —
Для вас, о неудачники мои,
Пройдет нравоучительная повесть
О жизни и о гибели певца.
О вы, имеющие теплый угол,
Постель и стеганое одеяло,
Вы, греющие руки над огнем,
Прислушиваясь к нежному ворчанью
Похлебки в разогретом котелке, —
Внемлите этой повести печальной
О жизни и о гибели певца.

Певец

Окончен день, и труд дневной окончен.
Башмачник, позабывший вколотить
Последний гвоздь в широкую подошву,
Встречает ночь, удобно завалившись
С женою спать. Портной, мясник и повар
Кончают день в корчме гостеприимной
И пивом, и сосисками с капустой
Встречают наступающую ночь.
Десятый час. Теперь на скользких крышах
Кошачьи начинаются свиданья.
Час воровской работы и любви,
Час вдохновения и час разбоя,
Час, возвещающий о жарком кофе,
О булках с маслом, о вишневой трубке,
Об ужине и о грядущем сне.
И только я, бездельник, не узнаю
Чудесных благ твоих, десятый час.
И сон идет и пухом задувает
Глаза, но только веки опущу,
И улица плывет передо мною

В сиянии разубранных витрин.
Там розовая стынет ветчина,
Подобная прохладному рассвету,
И жир, что обволакивает мясо,
Как облак, проплывающий в заре.
О пирожки, обваренные маслом,
От жара раскаленной духовой
Коричневым покрытые загаром,
Вас нежный сахар инеем покрыл,
И вы лежите маслянистой грудой
Средь ржавых груш и яблок восковых.
И в темных лавках, среди туш, висящих
Меж ящиков и бочек солонины,
Я вижу краснощеких мясников,
Колбасников в передниках зеленых.
Я вижу, как шатаются весы
Под тягой гирь, как нож блестит и сало,
Свистя, разрезывает на куски.
И мнится мне, что голод скользкой
мышью
По горлу пробирается в желудок,
Царапается лапками тугими,
Барахтается, ноет и грызет.
О господи, ты дал мне голос птицы,
Ты языка коснулся моего,
Глаза открыл, чтобы сокрытое узреть,
Дал слух совы и сердце научил
Лад отбивать слагающейся песни.
Но, господи, ты подарить забыл
Мне сытое и сладкое безделье,
Очаг, где влажные трещат дрова,
И лампу, чтоб мой вечер осветить.
И вот глаза я подымаю к небу
И руки складываю на груди —
И говорю: «О боже, может быть,
В каком-нибудь неведомом квартале
Еще живет мясник сентиментальный,
Бормочущий возлюбленной стихи
В горячее и розовое ухо.
Я научу его язык словам,
Как мед тяжелый, сладким и душистым,
Я дам ему свой взор, и слух, и голос, —

А сам — под мышки фартук подвяжу,
Нож наточу, лоснящийся от жира,
И молча стану за дубовой стойкой
Медлительным и важным продавцом».
Но ни один из мясников не сменит
Свой нож и фартук на судьбу певца.
И жалкой я брожу теперь дорогой,
И жалкий вечер без огня встречаю —
Осенний вечер, поздний и сырой.

Чтец

Так, что ни вечер, сетует певец
На господа и промысел небесный.
И вот сквозь пенье скрипок и фанфар,
Сквозь ангельское чинное хваленье,
Господь, сидящий на высоком троне,
Услышал скорбную мольбу певца
И так сказал:

Голос

Сойди, гонец послушный,
С небес на землю. Там, в пыли и прахе,
Измученного отыщи певца.
И за руку возьми и приведи
Его ко мне — в мой край обетованный.
Дай хлеб ему небесный преломить
И омочи его гортань сухую
Вином из виноградников моих.
Дай теплоту ему, и тишину,
И ложе жаркое приуготовь,
Чтоб он вкусил безделие и отдых.
Сойди, гонец!

Чтец

И уж бежит к земле
По лестнице высокой и скрипучей
Гонец ширококрылый. И к нему
Все ближе придвигается земля:
Уже он смутно различает крыши,
Верхи деревьев, купола соборов,
Он видит свет из-за прикрытых ставень
И в уличном сиянье фонарей

Вечерний город — смутен и спокоен.
По лестнице бежит гонец послушный,
Распугивая голубей земных,
Заснувших под застрехами собора.
И грузный разговор колоколов
Гонец впивает слухом непривычным...
Всё ниже, ниже в царство чердаков,
В мир черных лестниц,
средь стропил гниющих,
Бежит гонец, и в паутине пыльной
Легко мелькает ясная одежда
И крылья распростертые его.
О, как близка голодная обитель,
Где изможденный молится певец!
Так поспеши ж, гонец ширококрылый,
Сильней стучи в незапертую дверь,
Чтоб он услышал голос избавленья
От голода и от скорбей земных.

Стук в дверь.

Певец

Кто в этот час ко мне стучит!.. Сосед ли,
Пришедший за огнем, чтоб раскурить
Погаснувшую трубку, иль, быть может,
Товарищ мой, голодный как и я?
Войди, пришелец!

Чтец

И в комнату идет
Веснушчатый, и красный, и румяный
Рассыльный из трактира, и певец
Глядит на бойкое его лицо,
На руки красные, как сок морковный,
На ясные лукавые глаза,
Сияющие светом неземным.

Певец

О, посещенье странное. Зачем
Пришел ко мне рассыльный из трактира?
Давно таких гостей я не встречал
С румянцем жарким и веселым взглядом.

Гонец

Хозяин мой вас приглашает нынче
Отужинать и выпить у него.

Певец

Но кто же ваш хозяин и откуда
Он знает обо мне?

Гонец

Хозяин мой
Все песни ваши помнит наизусть.
Хоть и трактирщик он, но все же муза
Поэзии ему близка, и вот
Он нынче приглашает вас к себе.
Скорее собирайтесь. Долог путь —
Остынет ужин, прежде чем дойдем,
И зачерствеет нежный хлеб пшеничный.
Быстрее собирайтесь.

Певец

Только в плащ
Закутаюсь и шапку нахлобучу.

Гонец

Пора идти, хозяин ждать не любит.

Певец

Сейчас иду. Где мой дорожный шарф?

Чтец

Они идут от чердаков сырых,
От влажных крыш, от труб,
покрытых сажей,
От визга кошек, карканья ворон
И звона колокольного, всё выше
По лестнице опасной и крутой.
Шатаются истертые ступени
Под шагом их. И ухватился крепко
За пальцы провожатого певец.
Всё выше, выше, к низким облакам,
Сырым и рыхлым, сквозь дождливый
сумрак;

Раскачиваема упорным ветром,
Крутая лестница ведет гонца.
И падая, и оступаясь вниз,
И за руку вожатого хватаясь,
Певец идет всё выше, выше, выше,
От въедливого холода дрожа.

Певец

Опасен путь, и неизвестно мне,
Куда ведет он.

Гонец

Не волнуйся. Ты
Сейчас найдешь приют обетованный...

Певец

Но я боюсь, от сырости ночной
Скользит нога и лестница трещит...

Гонец

Будь стойким, не гляди через перила,
Держись упорней, вот моя рука —
Она крепка и удержать сумеет.

Чтец

Конец дороги скользкой и крутой.
Раздергиваются облака треща,
Как занавес из коленкора. Свет
От фонаря, повисшего над дверью,
Слепящей пылью дунул им в глаза.
И вывеску огромную певец
Разглядывает с жадным любопытством:
Там кисть широкая намалевала
Оранжевую сельдь на блюде синем,
Малиновую колбасу и чашки
Зеленые с разводом золотым.
И надпись неуклюжая гласит:
«Заезжий двор — спокойствие сердец».
О, вечно восхваляемый трактир,
О, запах пива, пар, плывущий тихо
Из широко распахнутых дверей,
У твоего заветного порога

Перекрестились все пути земные,
И вот сюда пришел певец и жадно
Глядит в незапертую дверь твою.
Да, лучшего и пожелать не смел:
Под потолком, где сырость разрослась
Пятном широким, на крюках повисли
Огромные окорока, и жир
С них каплет мерно на столы и стулья.
У стен, покрытых краскою сырой,
Большие бочки сбиты обручами,
И медленно за досками гудит,
Шипит и бродит хмель пивной. А там,
На низких стойках, жареные рыбы
С куском салата, воткнутым во рты,
Коричневой залитые подливой,
Распластаны на длинных блюдах. Там
Дырявый сыр, пропахший нежной гнилью,
Там сало мраморным лежит пластом,
Там яблок груды, и загар медовый
Покрыл их щеки пылью золотой.
А за столом, довольные, сидят
На стульях гости. Чайники кругом,
Как голуби ленивые, порхают,
И чай, журча, струится в чашки. Вот
Куда пришел певец изнеможденный.
И ангел говорит ему:
«Иди
И за столом усядься. Ты обрел
Столь долгожданное успокоенье —
Хозяин все тебе дарует».

Певец

Но
Чем расплачусь я?

Гонец

Это только мзда
За песни, что слагал ты на земле...

Чтец

С утра до вечера — еда, и только...
Певец толстеет. Вместо глаз уже

Какие-то гляделки. Вместо рук —
Колбасы. А стихи давным-давно
Забыл он. Только напевает в нос
Похабщину какую-то. Недели
Проходят за неделями. И вот
Еда ему противной стала. Он
Мечтает о работе, о веселых
Земных дорогах, о земной любви,
О голоде, который обучил
Его стихам, о чердаке пустом,
О каплях стеарина на бумаге...
Он говорит:

Певец

Ну, хватит, погулял!
Теперь пора домой. Моя работа
Заброшена. Пусти меня. Пора!

Чтец

Но тот, кто пригласил его к себе,
Не отпускает бедного поэта...
Он лучшее питье ему несет,
Он лучшие подсовывает блюда:
Пусть ест! Пусть поправляется! Зачем
Певцу земля, где голод и убийства:
Сиди и ешь! Чего тебе еще?

Певец

Пусти меня. Не то я перебью
Посуду в этой комнате постылой.
Я крепок. Я отъелся, и теперь
Я буду драться, как последний грузчик.
Пусти меня на землю. У меня
Товарищи остались. Целый мир,
Деревьями поросший и водой
Обрызганный — в туманах и сияньях
Оставлен мной. Пусти меня! Пусти!
Не то я плюну в бороду твою.
Проклятый боров!.. Говорю: пусти!

Чтец

Тогда раздался голос:

Голос

Черт с тобой!
Довольно! Уходи! Катись на землю!

1919—1920, 1933

ДУМА ПРО ОПАНАСА

Посіяли гайдамаки
В Україні жито,
Та не вони його жали.
Що мусим робити?

Т. Шевченко («Гайдамаки»)

1

По откосам виноградник
Хлопочет листвою,
Где бежит Панько из Балты
Дорогой степною.
Репухи кусают ногу,
Свищет житом пажить,
Звездный Воз ему дорогу
Оглоблями кажет.
Звездный Воз дорогу кажет
В поднебесье чистом —
На дебелые хозяйства
К немцам-колонистам.
Опанасе, не дай маху,
Оглядись толково —
Видишь черную папаху
У сторожевого?
Знать, от совести нечистой
Ты бежал из Балты,
Топал к Штолю-колонисту,
А к Махне попал ты!
У Махна по самы плечи
Волосня густая:
— Ты откуда, человече,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей иль неволей?
— Я, батько, бежал из Балты
К колонисту Штолю.
Ой, грызет меня досада,
Крепкая обида!
Я бежал из продотряда

От Когана-жида...
По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
«Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!»
Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка!
Чернозем потек болотом
От крови и пота, —
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!
Ой, батько, скажи на милос
Пришедшему с поля,
Где хозяйство поместилось
Колониста Штоля?
— Штоль? Который, человече?
Рыжий да щербатый?
Он застрелен недалече,
За углом от хаты...
А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!
Дайте шубу Опанасу
Сукна городского!
Поднесите Опанасу
Вина молодого!
Сапоги подколотите
Кованым железом!
Дайте шапку, наградите
Бомбой и обрезом!
Мы пойдем с тобой дал
От края до края!.. —
У Махна по самы плечи
Волосня густая...

. . .

Опанасе, наша доля
Машет саблей ныне, —
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Украина! Мать родная!
Жито молодое!
Опанасу доля вышла
Бедовать с Махною.
Украина! Мать родная!
Молодое жито!
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь — в бандиты!

2

Зашумело Гуляй-Поле
От страшного пляса, —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса.
Опанас глядит картиной
В папахе косматой,
Шуба с мертвого раввина
Под Гомелем снята.
Шуба — платье меховое —
Распахнута — жарко!
Френч английского покроя
Добыт за Вапняркой.
На руке с нагайкой крепкой
Жеребячье мыло;
Револьвер висит на цепке
От паникадила.
Опанасе, наша доля
Туманом повита, —
Хлеборобом хочешь в поле,
А идешь — бандитом!
Полетишь дорогой чистой,
Залетишь в ворота,
Бить жидов и коммунистов —
Легкая работа!
А Махно спешит в тумане
По шляхам просторным,
В монастырском шарабане,

Под знаменем черным.
Стоном стонет Гуляй-Поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса.

3

Хлеба собрано немного —
Не скрипеть подводам.
В хате ужинает Коган
Житняком и медом.
В хате ужинает Коган,
Молоко хлебает,
Большевицким разговором
Мужиков смущает:
«Я прошу ответить честно,
Прямо, без уклона:
Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посевы? Как налоги?
Падают ли овцы?»
В это время по дороге
Топают махновцы...
По дороге пляшут кони,
В землю бьют копыта.
Опанас из-под ладони
Озирает жито.
Полночь сизая, степная
Встала пред бойцами,
Издалека темь ночная
Тлеет каганцами.
Брешут псы сторожевые,
Запевают певни.
Холодком передовые
Въехали в деревню.
За церковною оградой
Лязгнуло железо:
«Не разыщешь продотряда:
В доску перерезан!»
Хуторские псы, пляшите
На гремучей стали:

Словно перепела в жите,
Когана поймали.
Повели его дорогой
Сизою, степною, —
Встретился Иосиф Коган
С Нестором Махною!
Поглядел Махно сурово,
Покачал башкою,
Не сказал Махно ни слова,
А махнул рукою!
Ой, дожил Иосиф Коган
До смертного часа,
Коль сошлась его дорога
С путем Опанаса!..
Опанас отставил ногу,
Стоит и гордится:
«Здравствуйте, товарищ Коган,
Пожалуйте бриться!»

4

Тополей седая стая,
Воздух тополиный...
Украина, мать родная,
Песня-Украина!..
На твоем степном раздолье
Сыромаха скачет,
Свищет перекати-поле
Да ворона крячет...
Всходит солнце боевое
Над степной дорогой.
На дороге нынче двое —
Опанас и Коган.
Над пылающим порогом
Зной дымит и тает;
Комиссар, товарищ Коган,
Барахло скидает...
Растеклось на белом теле
Солнце молодое.
«На, Панько, когда застрелишь,
Возьмешь остальное!
Пары брюк не пожалею,

Пригодятся дома, —
Всё же бывший продармеец,
Хороший знакомый!..»
Всходит солнце боевое,
Кукурузу сушит,
В кукурузе ветер воет
Опанасу в уши:
«За волами шел когда-то,
Воевал солдатом.
Ты ли в сахарное утро
В степь выходишь катом?»
И раскинутая в плясе
Голосит округа:
«Опанасе! Опанасе!
Катюга! Катюга!»
Верещит бездомный копец
Под облаком белым:
«С безоружным биться, хлопец,
Последнее дело!»
И равнина волком воет —
От Днестра до Буга,
Зверем, камнем и травою:
«Катюга! Катюга!..»
Не гляди же, солнце злое,
Опанасу в очи:
Он грустит, как с перепоя,
Убивать не хочет...
То ль от зноя, то ль от стона
Подошла усталость,
Повернулся:
— Три патрона
В обойме осталось...
Кровь — постылая обуза
Мужицкому сыну...
Утекай же в кукурузу —
Я выстрелю в спину!
Не свалю тебя ударом,
Разгуливай с богом!.. —
Поправляет окуляры,
Улыбаясь, Коган:
— Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая.

Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая!
Прямо кинешься — в тумане
Омуты речные,
Вправо — немцы-хуторяне,
Влево — часовые!
Лучше я погибну в поле
От пули бесчестной!..

Тишина в степном раздолье, —
Только выстрел треснул,
Только Коган дрогнул слабо,
Только ахнул Коган,
Начал сваливаться набок,
Падать понемногу...
От железного удара
Над бровями сгусток,
Поглядишь за окуляры:
Холодно и пусто...
С Черноморья по дорогам
Пыль несется плясом,
Носом в пыль зарылся Коган
Перед Опанасом...

5

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эскадроны
Прямо на дорогу...

От приварка рожи гладки,
Поступь удалая,
Амуниция в порядке,
Как при Николае.
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня
Аккурат неделю.

. . . .

Не шумит над берегами
Молодое жито, —
За чумацкими возами
Прячутся бандиты.
Там, за жбаном самогона,
В палатке дерюжной,
С атаманом забубенным
Толкует бунчужный:
«Надобно с большевиками
Нам принять сраженье, —
Покрутись перед полками,
Дай распоряженье!..»
Как батько с размаху двинул
По столу рукою,
Как батько с размаху грянул
По земле ногою:
«Ну-ка, выдай перед боем
Пожирнее пищу,
Ну-ка, выбей перед боем
Ты из бочек днища,
Чтобы руки к пулеметам
Сами прикипели,
Чтобы хлопцы из-под шапок
Коршуньем глядели!
Чтобы порох задымился
Над водой днестровской,
Чтобы с горя удавился
Командир Котовский!..»

. . . .

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы,
Брешут рыжие лисицы
На чумацкий табор.

За широким ревом, бычьим —
Смутно изголовье;
Див сулит полночным кличем
Гибель Приднестровью,
А за темными возами,
За чумацкой сонью,
За ковыльными чубами,
За крылом вороньим,
Омываясь горькой тенью,
Встало над землею
Солнце нового сраженья —
Солнце боевое...

6

Ну, и взялися ладони
За сабли кривые,
На дыбы взлетают кони,
Как вихри степные.
Кони стелются в разбеге
С дорогою вровень —
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский...
Над конем играет шашка
Проливною силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...
Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
— Налетай, конек мой дикий,
Копытами двигай,
Саблей, пулей или пикой
Добудем комбрига!.. —
Налетели и столкнулись,
Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись

Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
— Покажи свою замашку
Теперь кулаками! —
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,
Развернулся — и с разгону
Хлобысть по сопатке!..

. . . .

Опанасе, что с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву сковырнулся...
Глаз над левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле!..

7

Балта — городок приличный,
Городок что надо.
Нет нигде румяней вишни,
Слаще винограда.
В брынзе, в кавунах, в укропе
Звонок день базарный;
Голубей гоняет хлопец
С каланчи пожарной...
Опанасе, не гадал ты
В ковыле раздольном,
Что поедешь через Балту
Трактом малахольным;
Что тебе вдогонку бабы
Затоскуют взглядом;
Что пихнет тебя у штаба

Часовой прикладом...
Ой, чумацкие просторы —
Горькая потеря!..
Коридоры в коридоры,
В коридорах — двери,
И по коридорной пыли,
По глухому дому,
Опанаса проводили
На допрос к штабному.
А штабной имел к допросу
Старую привычку —
Предлагает папиросу,
Зажигает спичку;
— Гражданин, прошу по чести
Говорить со мною.
Долго ль вы шатались вместе
С Нестором Махною?
Отвечайте без обмана,
Не испуга ради, —
Сколько сабель и тачанок
У него в отряде?
Отвечайте, но не сразу,
А подумав малость, —
Сколько в основную базу
Фуража вмещалось?
Вам знакома ли округа,
Где он банду водит?..
— Что я знал: коня, подпругу,
Саблю да поводья!
Как дрожала даль степная,
Не сказать словами:
Украина — мать родная —
Билась под конями!
Как мы шли в колесном громе,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка!..
Наворачивала удаль
В дым, в жестянку, в бог !..
...Одного не позабуду,
Как скончался Коган...

Разлюбезною дорогой
Не пройдутся ноги,
Если вытянулся Коган
Поперек дороги...
Ну, штабной, мотай башкою,
Придвигай чернила:
Этой самою рукою
Когана убило!..
Погибай же, Гуляй-Поле,
Молодое жито!..
. . . .
Опанасе, наша доля
Туманом повита!..

8

Опанас, шагай смелее,
Гляди веселее!
Ой, не гикнешь, ой, не топнешь,
В ладоши не хлопнешь!
Пальцы дружные ослабли,
Не вытащат сабли.
Наступил последний вечер,
Покрыть тебе нечем!
Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога.
Что ты видишь? Что ты слышишь?
Что знаешь? Чем дышишь?
Ночь горячая, сухая,
Да темень сарая.
Тлеет лампочка под крышей, —
Эй, голову выше!..
А навстречу над порогом —
Загубленный Коган.
Аккуратная прическа,
И щеки из воска.
Улыбается сурово:
«Приятель, здорово!
Где нам суждено судьбою
Столкнуться с тобою!..»

Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога...

ЭПИЛОГ

Протекли над Украиной
Боевые годы.
Отшумели, отгудели
Молодые воды...
Я не знаю, где зарыты
Опанаса кости:
Может, под кустом ракиты,
Может, на погосте...
Плещет крыжень сизокрылый
Над водой днестровской;
Ходит слава над могилой,
Где лежит Котовский...
За бандитскими степями
Не гремят копыта:
Над горючими костями
Зацветает жито.
Над костями голубеет
Непроглядный омут
Да идет красноармеец
На побывку к дому...
Остановится и глянет
Синими глазами —
На бездомный круглый камень,
Вымытый дождями.
И нагнется, и подымет
Одинокий камень:
На ладони — белый череп
С дыркой над глазами.
И промолвит он, почуяв
Мертвую прохладу:
«Ты глядел в глаза винтовке,
Ты погиб как надо!..»
И пойдет через равнину,
Через омут зноя,
В молодую Украину,
В жито молодое...

• •

Так пускай и я погибну
У Попова лога,
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган!..

1926

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Весна еще в намеке
Холодноватых звезд.
На явор кривобокий
Взлетает черный дрозд.

Фазан взорвался, как фейерверк.
Дробь вырвала хвою. Он
Пернатой кометой рванулся вниз,
В сумятицу вешних трав.

Эрцгерцог вернулся к себе домой.
Разделся. Выпил вина.
И шелковый сеттер у ног его
Расположился, как сфинкс.

Револьвер, которым он был убит
(Системы не вспомнить мне),
В охотничьей лавке еще лежал
Меж спиннингом и ножом.

Грядущий убийца дремал пока,
Голову положив
На юношески твердый кулак
В коричневых волосках.

. . . .

В Одессе каштаны оделись в дым,
И море по вечерам,
Хрипя, поворачивалось на оси,
Подобное колесу.

Мое окно выходило в сад,
И в сумерки, сквозь листву,
Синели газовые рожки
Над вывесками пивных.

И вот на этот шипучий свет,
Гремя миллионом крыл,
Летели скворцы, расшибаясь вдрызг
О стекла и провода.

Весна их гнала из-за черных скал
Бичами морских ветров.

Я вышел...
За мной затворилась дверь...
И ночь, окружив меня
Движением крыльев, цветов и звезд,
Возникла на всех углах.

Еврейские домики я прошел.
Я слышал свирепый храп
Биндюжников, спавших на биндюг
И в окнах была видна
Суббота в пурпуровом парике,
Идущая со свечой.

Еврейские домики я прошел.
Я вышел к сиянью рельс.
На трамвайной станции млел фонарь,
Окруженный большой весной.

Мне было только семнадцать лет,
Поэтому эта ночь
Клубилась во мне и дышала мной,
Шагала плечом к плечу.

Я был ее зеркалом, двойником,
Второю вселенной был.
Планеты пронизывали меня
Насквозь, как стакан воды,
И мне казалось, что легкий свет
Сочится из пор, как пот.

Трамвайную станцию я прошел.
За ней невесом, как дым,
Асфальтовый путь улетал, клубясь,
На запад — к морским волнам.

И вдруг я услышал протяжный звук:
Над миром плыла труба,
Изнывая от страсти. И я сказал:
«Вот первые журавли!»

Над пылью, над молодостью моей
Раскатывалась труба,
И звезды шарахались, трепеща,
От взмаха широких крыл.

Еще один крутой поворот —
И море пошло ко мне,
Неся на себе обломки планет
И тени пролетных птиц.

Была такая голубизна,
Такая прозрачность шла,
Что повториться в мире опять
Не может такая ночь.

Она поселилась в каждом кремне
Гнездом голубых лучей;
Она превратила сухой бурьян
В студеные хрустали;
Она постаралась вложить себя
В травинку, в песок, во всё —
От самой отдаленной звезды
До бутылки на берегу.

За неводом, у зеленых свай,
Где днем рыбаки сидят,
Я человека увидел вдруг,
Недвижного, как валун.

Он молод был, этот человек,
Он юношей был еще, —
В гимназической шапке с большим гербом,
В тужурке, сшитой на рост.

Я пригляделся:
Мне странен был
Этот человек:
Старчески согнутая спина
И молодое лицо.

Лоб, придавивший собой глаза,
Был не по-детски груб,
И подбородок торчал вперед,
Сработанный из кремня.

Вот тут я понял, что это он
И есть душа тишины,
Что тяжестью погасших звезд
Согнуты плечи его,
Что, сам не сознавая того,
Он совместил в себе
Крик журавлей и цветенье трав
В последнюю ночь весны.

Вот тут я понял:
Погибнет ночь,
И вместе с ней отпадет
Обломок мира, в котором он
Родился, ходил, дышал.
И только пузырик взовьется вверх,
Взовьется и пропадет.

И снова звезда. И вода рябит.
И парус уходит в сон.

Меж тем подымается рассвет.
И вот, грохоча ведром,
Прошел рыболов и, сев на скалу,
Поплавками истыкал гладь.

Меж тем подымается рассвет.
И вот на кривой сосне
Воздел свою флейту черный дрозд,
Встречая цветенье дня.

А нам что делать?
Мы побрели
На станцию, мимо дач...

Уже дребезжал трамвайный звонок
За поворотом рельс.

И бледной немочью млел фонарь,
Не погашенный поутру.

Итак, все кончено! Два пути!
Два пыльных маршрута в даль!
Два разных трамвая в два конца
Должны нас теперь умчать!

Но низенький юноша с грубым лбом
К солнцу поднял глаза
И вымолвил:
«В грозную эту ночь

Вы были вдвоем со мной.
Миру не выдумать никогда
Больше таких ночей...
Это последняя... Вот и все!
Прощайте!»
И он ушел.

Тогда, растворив в зеркалах рассвет,
Весь в молниях и звонках,
Пылая лаковой желтизной,
Ко мне подлетел трамвай.

Револьвер вынут из кобуры,
Школяр обойму вложил.
Из-за угла, где навес кафе,
Эрцгерцог едет домой.

Печальные дети, что знали мы,
Когда у больших столов
Врачи, постучав по впалой груди,
«Годен!» — кричали нам...

Печальные дети, что знали мы,
Когда, прошагав весь день
В портянках, потных до черноты,
Мы падали на матрац.
Дремота и та избегала нас.
Уже ни свет ни заря

Врывалась казарменная труба
В отроческий покой.

Не досыпая, не долюбя,
Молодость наша шла.
Я спутника своего искал:
Быть может, он скажет мне,
О чем мечтать и в кого стрелять,
Что думать и говорить?

И вот неожиданно у ларька
Я повстречал его.
Он выпрямился... Военный френч
Как панцирь сидел на нем,
Плечи, которые тяжесть звезд
Упрямо сгибала вниз,
Чиновничий украшал погон;
И лоб, на который пал
Недавно предсмертный огонь планет,
Чистейший и грубый лоб,
Истыкан был тысячами угрей
И жилами рассечен.

О, где же твой блеск, последняя ночь,
И свист твоего дрозда!

Лужайка — да посредине сапог
У пушечной колеи.
Консервная банка раздроблена
Прикладом. Зеленый суп
Сочится из дырки. Бродячий пес
Облизывает траву.
Деревни скончались.
Потоптан хлеб.
И вечером — прямо в пыль
Планеты стекают в крови густой
Да смутно трубит горнист.
Дымятся костры у больших дорог.
Солдаты колотят вшей.
Над Францией дым.
Над Пруссией вихрь.
И над Россией туман.

Мы плакали над телами друзей,
Любовь погребали мы;
Погибших товарищей имена
Доселе не сходят с губ.

Их честную память хранят холмы
В обветренных будяках,
Крестьянские лошади мнут полынь,
Проросшую из сердец,
Да изредка выгребает плуг
Пуговицу с орлом...

Но мы — мы живы наверняка!

Осыпался, отболев,
Скарлатинозною шелухой
Мир, окружавший нас.

И ветер наш трудолюбив и тих.
И слово, с которым мы
Боролись всю жизнь, — оно теперь
Подвластно нашей руке.

Мы навык воинов приобрели,
Терпенье и меткость глаз,
Уменье хитрить, уменье молчать,
Уменье смотреть в глаза.

Но если, строчки не дописав,
Бессильно падет рука,
И взгляд остановится, и губа
Отвалится к бороде,
И наши товарищи, поплевав
На руки, стащат нас
В клуб, чтоб мы прокисали там
Средь лампочек и цветов, —
Пусть юноша (вузовец, иль поэт,
Иль слесарь — мне все равно)
Придет и встанет на караул,
Не вытирая слезы.

1932

ЧЕЛОВЕК ПРЕДМЕСТЬЯ

Вот зеленя прозябли,
Продуты ветром дни,
Мой подмосковный зяблик,
Начни, начни...

Бревенчатый дом под зеленой крышей,
Флюгарка визжит, и шумят кусты,
Стоит человек у цветущих вишен:
Герой моей повести — это ты!

. . . .

Вкруг мира, поросшего нелюдимой
Крапивой, разрозненный мчался быт.
Славянский шкаф и труба без дыма,
Пустая кровать и дым без трубы.

На голенастых ногах ухваты,
Колоды для пчел — замыкали круг.
А он переминался, угловатый,
С большими сизыми кистями рук.

Вот так бы нацелиться — и с налета
Прихлопнуть рукой, коленом прижать...
До скрежета, до ледяного пота
Стараться схватить, обломать, сдержать!

Недаром учили: клади на плечи,
За пазуху суй — к себе таща,
В закут овечий,
В дом человечий,
В капустную благодать борща.

И глядя на мир из дверей амбара,
Из пахнущих крысами недр его,
Не отдавай ни сора, ни пара,
Ни камня, ни дерева — ничего!

Что ж, служба на выручку!
Полустанки...
Пернатый фонарь да гудки в ночи...

Как рыжих младенцев, несут крестьянки
Прижатые к сердцу калачи.

Гремя инструментом, проходит смена.
И там, в каморке проводника,
Дым коромыслом. Попойка. Мена.
На лавках рассыпанная мука.

А все для того, чтобы в предместье
Углами укладывались столбы,
Чтоб шкаф, покружившись,
застрял на месте,
Чтоб дым, завертясь, пошел из трубы.

(Но все же из будки не слышно лая,
Скворешник пустует, как новый дом,
И пухлые голуби не гуляют
Восьмеркою на чердаке пустом.)

И вот в улетающий запах пота,
В смолкающий плотничий разговор,
Как выдох, распахиваются ворота —
И женщина вплывает во двор.

Пред нею покорно мычат коровы,
Не топоча, не играя зря,
И — руки в бока — откинув ковровый
Платок, она стоит, как заря.

Она расставляет отряды крынок:
Туда — в больницу. Сюда — на рынок,
И, вытянув шею, слышит она
(Тише, деревья, пропустишь сдуру)
Вьющийся с фабрики Ногина
Свист выдаваемой мануфактуры.

Вот ее мир — дрожжевой, густой,
Спит и сопит — молоком насытясь,
Жидкий навоз, над навозом ситец,
Пущенный в бабочку с запятой.
А посередке, крылом звеня,
Кочет вопит над наседкой вялой.

Черт его знает, зачем меня
В эту обитель нужда загнала!..
Здесь от подушек не продохнуть,
Легкие так и трещат от боли...
Крикнуть товарищей? Или заснуть?
Иль возвратиться к герою, что ли?!

Ветер навстречу. Скрипит вагон.
Черная хвоя летит в угон.

Весь этот мир, возникший из дыма,
В беге откинувшийся, трубя,
Навзничь: он весь пролетает мимо,
Мимо тебя, мимо тебя!

Он облетает свистящим кругом
Новый забор твой и теплый угол.

Как тебе тошно. Опять фонарь
Млеет на станции. Снова, снова
Баба с корзинкой. Степная гарь
Да заблудившаяся корова.

Мир переполнен твоей тоской;
Буксы выстукивают: на кой?

На кой тебе это?
Ты можешь смело
Посредине двора в июльский зной
Раскинуть стол под скатертью белой
Средь мира, построенного тобой.

У тебя на столе самовар как глобус,
Под краном стакан, над конфоркой дым:
Размякнув от пара, ты можешь в оба
Теперь следить за хозяйством своим.

О, благодушие! Ты растроган
Пляской телят, воркованьем щей,
Журчаньем в желудке...
А за порогом —
Страна враждебных тебе вещей.

На фабрику движутся, раздирая
Грунт, дюжие лошади (топот, гром).
Не лучше ль стоять им в твоем сарае
В порядке. Как следует. Под замком.

Чтобы дышали добротной скукой
Хозяйство твое и твоя семья,
Чтоб каждая мелочь была порукой
Тебе в неподвижности бытия.

Жара. Не читается и не спится.
Предместье солнцем оглушено.
Зеваю. Закладываю страницу
И настежь распахиваю окно.

Над миром, надтреснутым от нагрева,
Ни ветра, ни голоса петухов...
Как я одинок! Отзовитесь, где вы,
Веселые люди моих стихов?

Прошедшие с боем леса и воды,
Всем ливням подставившие лицо,
Чекисты, механики, рыбоводы,
Взойдите на струганое крыльцо.

Настала пора — и мы снова вместе!
Опять горизонт в боевом дыму!
Смотри же сюда, человек предместий:
— Мы здесь! Мы пируем в твоем дому!

Вперед же, солдатская песня пира!
Открылся поход.
За стеной враги.
А мы постарели. — И пылью мира
Покрылись походные сапоги.

Но все ж по-охотничьи каждый зорок.
Ясна поседевшая голова.
И песня просторна.
И ветер дорог.
И дружба вступает в свои права.

Мы будем сидеть за столом веселым
И толковать и шуметь, пока
Не влезет солнце за частоколом
В ушат топленого молока.
Пока не просвищут стрижи. Пока
Не продерет росяным рассолом
Траву до последнего стебелька.

И, палец поднявши, один из нас
Раздумчиво скажет: «Какая тьма!
Как время идет! Уже скоро час!»
И словно в ответ ему, ночь сама
От всей черноты своей грянет: «Раз!»

А время идет по навозной жиже.
Сквозь бурю листвы не видать ни зги.
Уже на крыльце оно. Ближе. Ближе.
Оно в сенях вытирает сапоги.

И в блеск половиц, в промытую содой
И щелоком горницу, в плеск мытья
Оно врывается непогодой,
Такое ж сутуловатое, как я,
Такое ж, как я, презревшее отды ,
И, вдохновеньем потрясено,
Глаза, промытые в сорока водах,
Медленно поднимает оно.

От глаз его не найти спасенья,
Не отмахнуться никак сплеча,
Лампу погасишь. Рванешься в сени,
Дверь на запоре. И нет ключа.

Как ни ломись — не проломишь — баста!
В горницу? В горницу не войти!
Там дочь твоя, стриженая, в угластом
Пионерском галстуке, на пути.

И, руками комкая одеяло,
Еще сновиденьем оглушена,
Вперед ногами, мало-помалу
Сползает на пол твоя жена!

Ты грянешь в стекла. И голубое
Небо рассыпется на куски.
Из окна в окно, закрутясь трубою,
Рванутся дикие сквозняки.

Твой лоб сиянием окровавит
Востока студеная полоса,
И ты услышишь, как время славят
Наши солдатские голоса.

И дочь твоя подымает голос
Выше берез, выше туч, — туда,
Где дрогнул сумрак и раскололась
Последняя утренняя звезда.

И первый зяблик порвет затишье...
(Предвестник утренней чистоты.)
А ты задыхаешься, что ты слышишь?
Испуганный, что рыдаешь ты?

Бревенчатый дом под зеленой крышей.
Флюгарка визжит, и шумят кусты.

1932

СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ

Грозою освежённый,
Подрагивает лист.
Ах, пеночки зеленой
Двухоборотный свист!

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата,
Крашеная дверь.
Тоньше паутины
Из-под кожи щек
Тлеет скарлатины
Смертный огонек.

Говорить не можешь —
Губы горячи.
Над тобой колдуют
Умные врачи.
Гладят бедный ежик
Стриженых волос.
Валя, Валентина,
Что с тобой стряслось?
Воздух воспаленный,
Черная трава.
Почему от зноя
Ноет голова?
Почему теснится
В подъязычье стон?
Почему ресницы
Обдувает сон?

Двери отворяются.
(Спать. Спать. Спать.)
Над тобой склоняется
Плачущая мать:

«Валенька, Валюша!
Тягостно в избе.
Я крестильный крестик
Принесла тебе.

Все хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горницах у нас.
Куры не закрыты,
Свиньи без корыта;
И мычит корова
С голоду сердито.
Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест».

На щеке помятой
Длинная слеза.
А в больничных окнах
Движется гроза.

Открывает Валя
Смутные глаза.

От морей ревучих
Пасмурной страны
Наплывают тучи,
Ливнями полны.

Над больничным садом,
Вытянувшись в ряд,
За густым отрядом
Движется отряд.
Молнии, как галстуки,
По ветру летят.

В дождевом сиянье
Облачных слоев
Словно очертанье
Тысячи голов.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

Трубы. Трубы. Трубы
Подымают вой.

Над больничным садом,
Над водой озер
Движутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина.

А внизу склоненная
Изнывает мать:
Детские ладони
Ей не целовать.
Духотой спаленных
Губ не освежить.
Валентине больше
Не придется жить.

«Я ль не собирала
Для тебя добро?
Шелковые платья,
Мех да серебро,
Я ли не копила,
Ночи не спала,
Все коров доила,
Птицу стерегла.
Чтоб было приданое,
Крепкое, недраное,
Чтоб фата к лицу —
Как пойдешь к венцу!
Не противься ж, Валенька!
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест».

Пусть звучат постылые,
Скудные слова —

Не погибла молодость,
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом,
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Валя, Валентина,
Видишь — на юру
Базовое знамя
Вьется по шнуру.

Красное полотнище
Вьется над бугром.
«Валя, будь готова!» —
Восклицает гром.

В прозелень лужайки
Капли как польют!
Валя в синей майке
Отдает салют.

Тихо подымается,
Призрачно-легка,
Над больничной койкой
Детская рука.

«Я всегда готова!» —
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.
И потом бессильная
Валится рука —
В пухлые подушки,
В мякоть тюфяка.

А в больничных окнах
Синее тепло,
От большого солнца
В комнате светло.

И, припав к постел ,
Изнывает мать.

За оградой пеночкам
Нынче благодать.

Вот и всё!

Но песня
Не согласна ждать.

Возникает песня
В болтовне ребят.

Подымает песню
На голос отряд.

И выходит песня
С топотом шагов

В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

Апрель — август 1932

ФЕВРАЛЬ

Вот я снова на этой земле.
Я снова
Прохожу под платанами молодыми,
Снова дети бегают у скамеек,
Снова море лежит в пароходном дыме...

Вольноопределяющийся, в погонах,
Обтянутых разноцветным шнуром, —
Это я — вояка, герой Стохода,
Богатырь Мазурских болот, понуро
Ковыляющий в сапогах корявых,
В налезающей на затылок шапке...

Я приехал в отпуск,
чтоб каждой мышцей,
Каждой клеточкой принимать движенье
Ветра, спутанного листвою,
Голубиную теплоту дыханья
Загорелых ребят, перебежку пятен
На песке и соленую нежность моря...

Я привык уже ко всему: оттуда,
Откуда я вырвался, мне обычным
Казался мир, прожженный снарядом,
Пробитый штыком, окрученный туго
Колючей проволокой, постыло
Воняющий потом и кислым хлебом...

Я должен найти в этом мире угол,
Где на гвоздике чистое полотенце
Пахнет матерью, подле крана — мыло,
И солнце, бегущее сквозь окошко,
Не обжигает лицо, как уголь...

Вот снова я на бульваре.
Снова
Иван-да-марья цветет на клумбах,
Человек в морской фуражке читает
Книгу в малиновом переплете;
Девочка в юбке выше колена

Играет в дьяболо; на балконе
Кричит попугай в серебряной клетке.

И я теперь среди них как равный,
Захочу — сижу, захочу — гуляю,
Захочу (если нет вблизи офицера) —
Закурю, наблюдая, как вьется плавный
Лист над скамейками, как летают
Ласточки мимо часов управы...

Самое главное совершится
Ровно в четыре.
Из-за киоска
Появится девушка в пелеринке, —
Раскачивая полосатый ранец,
Вся будто распахнутая дыханью
Прохладного моря, лучам и птицам,
В зеленом платье из невесомой
Шерсти, она вплывает, как в танец,
В круженье листьев и в колыханье
Цветов и бабочек над газоном.

Домой из гимназии...
Вместе с нею —
Откуда-то, из позабытого мира,
Кружась, летят звонки перемены,
Шепот подруг, ангелок с тетради
И топот учителя в коридоре.
Перед ней платаны поют, а сзади
Ее, хрипя, провожает море...

Я никогда не любил, как надо...
Маленький иудейский мальчик —
Я, вероятно, один в округе
Трепетал по ночам от степного ветра.

Я, как сомнамбула, брел по рельсам
На тихие дачи, где в колючках
Крыжовника или дикой ожины
Шелестят ежи и шипят гадюки,
А в самой чаще, куда не влезешь,
Шныряет красноголовая птичка

С песенкой тоненькой, как булавка,
Прозванная «Воловьим глазом»...

Как я, рожденный от иудея,
Обрезанный на седьмые сутки,
Стал птицеловом — я сам не знаю!

Крепче Майн Рида любил я Брэма!
Руки мои дрожали от страсти,
Когда наугад раскрывал я книгу...
И на меня со страниц летели
Птицы, подобные странным буквам,
Саблям и трубам, шарам и ромбам.

Видно, созвездье Стрельца застряло
Над чернотой моего жилища,
Над пресловутым еврейским чадом
Гусиного жира, над зубрежкой
Скучных молитв, над бородачами
На фотографиях семейных...

Я не подглядывал, как другие,
В щели купален.
Я не старался
Сверстницу ущипнуть случайно...
Застенчивость и головокруженье
Томили меня.
Я старался боком
Перебежать через сад, где пели
Девочки в гимназических платьях...

Только забывшись, не замечая
Этого сам, я мог безраздумно
Тупо смотреть на голые ноги
Девушки.
Стоя на табурете,
Тряпкой она вытирала стекла...

Вдруг засвистело стекло по-птичьи —
И предо мной разлетелись кругом
Золотые овсянки, сухие листья,
Болотные лужицы в незабудках,

Женские плечи и птичьи крылья,
Посвист полета, журчанье юбок,
Щелканье соловья и песня
Юной соседки через дорогу, —
И наконец, всё ясней, всё чище,
В мире обычаев и привычек.
Под фонарем моего жилища
Глаз соловья на лице девичьем...

Вот и сейчас, заглянув под шляпу,
В слабой тени я глаза увидел.
Полные соловьиной дрожи,
Они, покачиваясь, проплывали
В лад каблукам, и на них свисала
Прядка волос, золотясь на коже...

Вдоль по аллее, мимо газона,
Шло гимназическое платье,
А в сотне шагов за ним, как убийца,
Спотыкаясь о скамьи и натыкаясь
На людей и деревья, шепча проклятья,
Шел я в больших сапогах, в зеленой
Засаленной гимнастерке, низко
Остриженный на военной службе,
Еще не отвыкший сутулить плечи —
Ротный ловчило, еврейский мальчик...

Она заглядывала в витрины,
И средь прозрачных шелков и склян
Таинственно, не по-человечьи,
Отражалось лицо ее водяное...

Она останавливалась у цветочниц,
И пальцы ее выбирали розу,
Плававшую в эмалированной миске,
Как маленькая махровая рыбка.

Из колониального магазина
Потягивало жженым кофе, корицей,
И в этом запахе, с мокрой розой,

Над ворохами листвы в корзинах,
Она мне казалась чудесной птицей,
Выпорхнувшей из книги Брэма...

. . . .

А я уклонялся как мог от фронта...
Сколько рублевок перелетало
Из рук моих в писарские руки!
Я унтеров напаивал водкой,
Тащил им папиросы и сало...
В околодок из околодка,
Кашляющий в припадке плеврита,
Я кочевал.
            Я пыхтел и фыркал,
Плевал в бутылки, пил лекарство,
Я стоял нагишом, худой и небритый,
Под стетоскопами всех комиссий...

Когда же мне удавалось правдой
Или неправдой — кто может вспомнить? —
Добыть увольнительную записку,
Я начищал сапоги до блеска,
Обдергивал гимнастерку — и бойко
Шагал на бульвар, где в платанах пела
Голосом обожженной глины
Иволга, и над песком аллеи
Платье знакомое зеленело,
Покачиваясь, как дымок недлинный...

Снова я сзади тащился, млея,
Ругаясь, натыкаясь на скамьи...
Она входила в кинематограф,
В стрекочущую темноту, в дрожанье
Зеленого света в квадратной раме,
Где женщина над погасшим камином
Ломала руки из алебастра
И человек в гранитном пластроне
Стрелял из безмолвного револьвера...

Я знал в лицо всех ее знакомых,
Я знал их повадки, улыбки, жесты.
Замедленный шаг их, когда нарочно
Стараешься грудью, бедром, ладонью

Почувствовать через покров непрочный
Тревожную нежность девичьей кожи...

Я все это знал...
Улетали птицы...
Высыхала трава...
Погибали звезды...
Девушка проходила по свету,
Собирая цветы, опустив ресницы...
Осень...
Дождями пропитан воздух,
Осень...
Грусти, погибай и сетуй!
Я сегодня к ней подойду.
Я встану
Перед ней.
Я не дам ей свернуть с дороги.
Достаточно беготни.
[Мужайся!]
Возьми себя в руки.
Кончай волынку!
Заколочен киоск...
У часов управы
Суетятся голуби.
Скоро — четыре.
Она появилась за час до срока, —
Шляпа в руках...
Рыжеватый волос,
Просвеченный негреющим солнцем,
Реет у щек...
Тишина.
И голос
Синицы, затерянной в этом мире...
Я должен к ней подойти.
Я должен
Обязательно к ней подойти.
Я должен
Непременно к ней подойти.
Не думай,
Встряхнись — и вдогонку.
Довольно бреда!..

А ноги мои не сдвигались с места,
Как будто каменные.
А тело
Как будто приковалось к скамейке.
И встать невозможно...
Бездельник! Шляпа!
А девушка уже вышла на площадь,
И в темно-сером кругу музеев
Платье ее, летящее с ветром,
Казалось тоньше и зеленее...

Я оторвался с таким усильем,
Как будто накрепко был привинчен
К скамье.
Оторвался — и без оглядки
Выбежал за нею на площадь.
Всё, о чем я читал ночами,
Больной, голодный, полуодетый, —
О птицах с нерусскими именами,
О людях неизвестной планеты,
О мире, в котором играют в теннис,
Пьют оранжад и целуют женщин, —
Всё это двигалось предо мною,
Одетое в шерстяное платье,
Горящее рыжими завитками,
Покачивающее полосатым ранцем,
Перебирающее каблучками...

Я положу на плечо ей руку:
«Взгляни на меня!
Я — твое несчастье!
Я обрекаю тебя на муку
Неслыханной соловьиной страсти!
Остановись!»
Но за поворотом —
В двадцати шагах зеленеет платье.
Я ее догоняю.
Еще немного
Напрягусь — мы зашагаем рядом...

Я козыряю ей, как начальству,
Что ей сказать? Мой язык бормочет

Какую-то дребедень?
— Позвольте...
Не убегайте... Скажите, можно
Вас проводить? Я сидел в окопах!..
Она молчит.
Она даже глазом
Не поведет.
Она убыстряет
Шаги.
А я рядом бегу, как нищий,
Почтительно нагибаясь.
Где уж
Мне быть ей равным!..
Я как безумный
Бормочу какие-то фразы сдуру...

И вдруг остановка...
Она безмолвно
Поворачивает голову — я вижу
Рыжие волосы, сине-зеленый
Глаз и лиловатую жилку
На виске, дрожащую в напряженьи...
«Уходите немедленно», — и рукою
Показывает на перекресток...

Вот он —
Поставленный для охраны покоя —
Он встал на перепутье, как царство
Шнуров, начищенных блях, медалей,
Задвинутый в сапоги, а сверху —
Прикрытый полицейской фуражкой,
Вокруг которой кружат в сиянье,
Желтом и нестерпимом до пытки,
Голуби из святого писанья
И тучи, закрученные как улитки...
Брюхатый, зияющий жирным потом
Городовой.
С утра до отвала
Накачанный водкой, набитый салом...

Студенческие голубые фуражки;

Солдатские шапки, треухи, кепи;
Пар, летящий из мерзлых глоток;
Махорка, гуляющая столбами...

Круговорот полушубок, чуек,
Шинелей, воняющих кислым хлебом,
И на кафедре, у большого графина —
Совсем неожиданного в этом дыме —
Взволнованный человек в нагольном
Полушубке, в рваной косоворотке
Кричит сорвавшимся от напряженья
Голосом и свободным жестом
Открывает объятья...
Большие двери
Распахиваются.
Из февральской ночи
Входят люди, гримасничая от света,
Топчутся, отряхают иней
С полушубков — и вот они уже с нами,
Говорят, кричат, подымают руки,
Проклинают, плачут.
Сопенье, кашель,
Толкотня.
На хорах трещат перила
Под напором плеч.
И, взлетая кверху,
Пятерни в грязи присохшей крови
Встают, как запачканные светила...

В эту ночь мы пошли забирать участок...
Я, мой товарищ студент и третий —
Рыжий приват-доцент из эсеров.

Кровью мужества наливается тело,
Ветер мужества обдувает рубашку.
Юность кончилась...
Начинается зрелость...
Грянь о камень прикладом!
Сорви фуражку!
Облик мира меняется.
Нынче утром

Добродушно шумели платаны.
Море
Поселилось в заливе.
На тихих дачах
Пели девушки в хороводах.
В книге
Доктор Брэм отдыхал,
прислонив centralку
К валуну.
Мой родительский дом светился
Язычками свечей и библейской кухней...
Облик мира меняется...
Этой ночью
Гололедица покрывает деревья,
Сучья лезут в глаза, как живые.
Море
Опрокинулось над пустынным бульваром.
Пароходы хрипят, утопая.
Дачи
Заколочены.
На пустынных террасах
Пляшут крысы.
И Брэм, покидая книгу,
Подымает ружье на меня с угрозой...
Мой родительский дом разворован.
Кошка
На холодной плите поднимает лапки...
Юность кончилась нынче... Покой далече...
Ноги шлепают по воде.
Проклятье!
[Подыми] воротник и закутай плечи!
Что же! Надо идти!
Не горюй, приятель!
Дождь!
Суетливая перебранка
Воронья на акациях.
Дождь.
Из прорвы
Катящие в ацетиленовом свете
Мотоциклисты.
И снова черный

Туннель — без конца и начала

Ветер,

Бегущий неизвестно куда.

По лужам

Шагающие патрули.

И снова —

Дождь.

Мы одни — в этом мокром мире.

Натыкаясь на тумбы у подворотен,
Налезая один на другого, камнем
Падая на мостовую, в полночь
Мы добрели до участка...

Вот он,

Каменный ящик, закрытый сотней
Ржавых цепей и пудовых крючьев, —
Ящик, в который понабивались
Лихорадка, тифозный, озноб, запойный
Бред, бормотанье молитв и песни...
Херувимы, одетые в шаровары,
Стояли подле ворот на страже,
Словно усатые самовары,
Один другого тучней и ражей...

Откуда-то изнутри, из прорвы,
Шипящей дождем, вырывался круглый
Лошадиный хрип и необычайный
Заклинательный клич петуха...

Привратник

Нам открыл какую-то щель.

И снова

Загремели замки, закрывая выход...
Мы прошли по коридорам, похожим
На сновиденья.

Кривые лампы

Качались над нами.

По стенам кверху,

К продавленному потолку, взбегали,
Сбиваясь в комки, раскрутясь в спирали,
Косые тени...

На длинных скамьях,

Опершись подбородками на эфесы
Сабель, похрапывали городовые...
И весь этот лабиринт сходился
К дубовым воротам, на которых
Висела квадратная карточка: «Пристав»!!.

Розовый, в лазоревых бакенбардах,
Разлетающихся от легчайшего дуновенья,
Подобно ангелу с гимназической тетради,
Он витал над письменным прибором,
Сработанным из шрапнельных стаканов,
Улыбаясь, тая, изнемогая
От радушия, от нежности, от счастья
Встречи с делегатами комитета...

А мы... стояли, переминаясь
С ноги на ногу, пачкая каблуками
Невероятных лошадей и попугаев,
Вышитых на ковре...
                    Нам, конечно,
Было не до улыбок.
                    Довольно...
Сдавай ключи — и катись отсюда к черту!
Нам не о чем толковать.
                    До свиданья...

Мы принимали дела.
                    Мы шлялись
По всем закоулкам.
                    В одной из комнат
В угол навалены были грудой,
Как картофель, браунинги и наганы.
Мы приняли их по счету.
                    Утром,
Полусонные, разомлев от ночной работы,
Запачканные участковой пылью,
Мы добыли арестантский чайник,
Жестяной, заржавленный, и пили,
Обжигаясь и шлепая губами,
Первый чай победителей, чай свободы...

Голубые дожди омывали землю,
По ночам уже начиналось тайно
Мужественное цветенье каштанов.
[Просыхала земля...]
Разогретой соль
Дуло с берега...
В раковине оркестра,
Потерявшейся в гуще платанов,
Марсельеза, приподнятая смычками,
Исчезала среди фонарей и листьев.

Наша улица, вымытая до блеска
Летним ливнем, улетала к заливу,
Подымавшемуся, как забор зеленый, —
Строй платанов, вытянутый на диво.
И на самом верху, в завитушках пены,
Чуть заметно покачивался картонный
Броненосец «Синоп».
И на сизой туче
Червяком огня извивался вымпел...
Опадали акации.
Невидимкой
Дух гниющих цветов пробирался в море,
И матросы отплясывали в обнимку
С полногрудыми девками из слободки.

За рыбачьими куренями, на склонах
Перевалов, поросших клочкастой мятой,
Под разбитыми шлюпками, у снесенных
Купален, отчаянные ребята —
Дезертиры в болтающихся погонах —
Дулись в двадцать одно, в карася,
в солдата,
А в пещере посапывал, как теленок,
Змеевик самогонного аппарата.

Я остался в районе...
Помощником комиссара...
Я стал работать. Вначале
Я просиживал ночи в сырых дежурках,

Глядя на мир, на проходивший мимо,
Чуждый мне, как явленья иной природы,
Из косых фонарей, из густого дыма
Проступали невиданные уроды...
Я старался быть вездесущим...
В бричке
Я толокся по деревенским дорогам
За конокрадами.
Поздней ночью
Я вылетал на моторной гичке
В залив, изогнувшийся черным рогом
Среди камней и песчаных кочек.
Я вламывался в воровские квартиры,
Воняющие пережаренной рыбой.
Я появлялся, как ангел смерти,
С фонарем и револьвером, окруженный
Четырьмя матросами с броненосца...
(Еще юными. Еще розовыми от счастья.
Часок не доспавшими после ночи.
Набекрень — бескозырки. Бушлаты —
настежь.
Карабины под мышкой. И ветер — в очи.)

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа...
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которой седой спиралью
Спадают пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной...
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками
Грузовика, потрясшего полночь...
. . . .
Я вздрогнул.
Звонок телефона
Скрежетнул у самого уха...
«Комиссара? Я. Что вам?»
И голос, запрятанный в трубке,
Рассказал мне, что на Ришельевской,

В чайном домике генеральши Клеменц.
Соберутся Семка Рабинович,
Петька Камбала и Моня Бриллиантщик, —
Железнодорожные громилы,
Кинематографические герои, —
Бандиты с чемоданчиками, в которых
Алмазные сверла и пилы,
Сигарета с дурманом для соседа...
Они летали по вагонным крышам
В крылатках, раздуваемых бурей,
С револьвером в рукаве фрака,
Обнимали сторублевых гурий,
И нынче у генеральши Клеменц —
Им будет крышка.
Баста!

В карауле ребята с броненосца
Пили чай и резались в шашки.
Их полосатые фуфайки
Морщились на мускулатуре...
Розовые розоватостью детства,
Большерукие, с голубыми глаз
Они передвигали пешки
Восторженно с места на место.
Моргали, шевелили губами,
Задумчиво, без малейшей усмешки
Подпевали, притопывая каблуками...

Мы взгромоздились на дрожки,
Обнимая за талии друг друга,
И остроугольная кляча
Потащила нас в теплую темень...
Нужно было сунуть револьвер
В щелку ворот, чтобы дворник,
Зевая и подтягивая брюки,
Открыл нам калитку.
[Молча.]
Мы взошли по красной дорожке,
Устилавшей лестницу.
К двери
Подошел я один.
Ребята.

Зажав меж колен карабины,
Вплотную прижались к стенке.

Всё — как в тихом приличном доме...
Лампа с темно-синим абажуром
Над столом семейным.
Гардины,
Стулья с мягкой спинкой.
Пианино,
Книжный шкаф, на шкафе —
бюст Толстого.
Доброта домашнего уюта
В теплом воздухе.
Над самоваром
Легкий пар.
На чайнике накидка
Из плетеной шерсти — всё в порядке...

Мы вошли, как буря, как дыханье
Черных улиц, ног не вытирая
И не сняв бушлатов.
Нам навстречу,
Кланяясь и потирая нервно
Руки в кольцах, выкатилась дама
В парике, засыпанная пудрой.
Жирная, с отвислыми щеками...
«Антонина Яковлевна Клеменц!
Это вы? — Мы к вам пришли по делу», —
Я сказал, распахивая двери.

За столом велась беседа.
Трое
Молодых людей в земгусарской форме,
Барышни, смеющиеся скромно.
На столе — пирожные, конфеты.

Я вошел и стал в изумленье...
Черт возьми! Какая ошибка!
Какой это чайный домик!
Друзья собрались за чаем.
Почему же я им мешаю?..

Мне бы тоже сидеть в уюте,
Разговаривать о Гумилеве,
А не шляться по ночам, как сыщик,
Не врываться в тихие семейства
В поисках неведомых бандитов...

Но какой-то из моих матросов
Подошел к столу и мрачным басом
Проворчал:
«Вот этих трех я знаю.
Руки вверх!
Берите их, ребята!..
Где четвертый?.. Барышни, в сторонку!..»
И пошло.
И началось.
На совесть.
У роскошных земгусар мы сняли
Кобуры с наганами.
Конечно,
Это были те, за кем мы гнались...
Мы загнали их в чулан.
Закрыли —
И приставили к ним караул.

Мы толкали двери.
Мы входили
В комнаты, наполненные дрянью...
Воздух был пропитан душной пудрой,
Человечьим семенем и сладкой
<Одурью> ликера.
Сквозь томленье
Синего тумана пробивался
Разомлевший, еле-еле видный
Отсвет фонаря... (как через воду).
На кровати, узкие, как рыбы,
Двигались тела под одеялом...
Голова мужчины подымалась
Из подушек, как из круглой пены...
Мы просматривали документы,
Прикрывали двери, извиняясь,
И шагали дальше.
Снова сладким

Воздухом нас обдавало.
Снова
Подымались головы с подушек
И ныряли в шелковую пену...

В третьей комнате нас встретил парень
В голубых кальсонах и фуфайке.
Он стоял, расставив ноги прочно,
Медленно покачиваясь торсом
И помахивая, как перчаткой,
Браунингом... Он мигнул нам глазом:
«Ой! Здесь целый флот! Из этой пушки
Всех не перекокаешь. Я сдался...»

А за ним, откинув одеяло,
Голоногая, в ночной рубашке,
Сползшей с плеч, кусая папироску,
Полусонная, сидела молча
Та, которая меня томила
Соловьиным взглядом и полетом
Туфелек по скользкому асфальту...
. . . .
«Уходите!» — я сказал матросам... —
Кончен обыск! Заберите парня!
Я останусь с девушкой!»
Громоздко
Постучав прикладами, ребята
Вытеснились в двери.
Я остался.
В душной полутьме, в горячей дреме
С девушкой, сидящей на кровати...
«Узнаете?» — но она молчала,
Прикрывая легкими руками
Бледное лицо.
«Ну что, узнали?»
Тишина.
Тогда со зла я брякнул:
«Сколько дать вам за сеанс?»
И тихо,
Не раздвинув губ, она сказала:
«Пожалей меня! Не надо денег...»

Я швырнул ей деньги.
                                        Я ввалился,
Не стянув сапог, не сняв кобуры,
Не расстегивая гимнастерки,
Прямо в омут пуха, в одеяло,
Под которым бились и вздыхали
Все мои предшественники, — в темный,
Неразборчивый поток видений,
Выкриков, развязанных движений,
Мрака и неистового света...

Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье!

Я беру тебя, как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!

Принимай меня в пустые недра,
Где трава не может завязаться, —
Может быть, мое ночное семя
Оплодотворит твою пустыню.

Будут ливни, будет ветер с юг
Лебедей влюбленное ячанье.

1933—1934

Переводы

ИЗ ПОЭЗИИ НАРОДОВ СССР

С украинского

МИКОЛА БАЖАН

РАЗРЫВ-ТРАВА

1

Пустая ночь земли, тумана, трясовицы,
Как колдовской цветок, раскрылась
и цветет,
И, сброшена с небес, в песок, на дно
криницы,
Звезда, как рыба, плавниками бьет.

Гнильем и плесенью пропитаны станицы —
И пышно по-над травами плывет
Стенанье самки, что во сне томится,
Чье целомудрие — как скорби гнет.

Где в сумерках пустынных котловин,
Набухший влагой, тяжестью кровин,
Цветок терлич потайно расцветает,

Качнув камыш, причалил тихо челн,
И голос девы, тяжкой страсти полн,
Чутьем ночей звенит и улетает.

2

Пред полночью земля затосковала...
Тень ездока шатается в реке...
Конь, вздрогнув, стал.
И пена засверкала,
Вскипая на чеканном ремешке.

Измучен конь. Но все ж ездок усталый
Упрямо наклоняется к луке...
Поводья, обведенные кораллом,
Казак зажал в натруженной руке.

Кривою пляской сумеречных чар,
Плетя узор, пылая, как пожар,
Над лесом поднялось девичье пенье...

Сошел казак. И заблудился в мгле,
Где в дивной тишине проходят по земле
Великолепные немые тени.

3

Кончается ночей прохладных половина,
И круглых звезд дозрел богатый урожай.
В чарованных лесах ты, дева, ожидай
Себе могучего и радостного сына.

Как кубок пенистый, пролился через край
Густых и влажных слов тяжелый
запах винный.
Порвала на груди своих монист рубины
И гостю страшному докинула розмай,

Отдала всю любовь,
когда померкнул свод,
Упав на мураву и чресла раскрывая,
Вливая яростно росу и горький пот.

Потом приподнялась. Пошла в туман.
И вот
Покорная луна несет вослед, мерцая,
Прощальный тихий клич
и дальний рокот вод.

1929

ВЛАДИМИР СОСЮРА

Может, не друзья мы...
На твое «Прощай!»
Стелется ветвями,
Облетает гай.

Синий, синий, синий...
Тень... День... Свет...
То листы осины
Заметают след.

Где летит широко
В небо дымный прах,
Там лежат дороги,
Улицы впотьмах.

Как они горбаты!
На стене плакат,
А на том плакате
Черная рука.

Ну, а под рукою
Литеры, кровь
Не дают покою,
Кличут вновь и вновь.

Оторву я руки,
Губы оторву.
Только сердце стуком
Падает в траву...

Может, не друзья мы?
На твое «Прощай!»
Стелется ветвями,
Облетает гай.

Синий, синий, синий...
Тень... День... Свет...
То листы осины
Заметают след.

<1930>

Вспоминаю: вишни доцветали,
Наливались пламенем в саду.
На прощанье ты тогда сказала:
«Где б ты ни был — я тебя найду!
И во тьме, средь муки и истомы,
Где расстрелы и любовь до дна,
Мне являлся профиль твой знакомый
На квадрате желтого окна.
Только снится грозное былое...
И неужто я теперь живой,
И неужто в орудийном вое
Злился голос одинокий твой?..
И сегодня вишни доспевают
По садам от солнца и тепла.
Как всегда, тебя я ожидаю,
Но еще меня ты не нашла.

<1930>

Налетела, умчала гроза
Мое сердце на листья, на ветер,
И так юно, в цвету и слезах,
Надо мною качаются ветви.
Скоро будет со мною она —
Как сиянье волос разлилося...
В мою душу заглянет до дна,
Выпьет муку и высушит слезы.
Мою муку — за тьму и печаль,
Мои слезы — за зори в неволе.
Только скажет: «Молчи и встречай!
Только в шею губами до боли...
Всем дано расцвести и завять
И проснуться от скрипа калиток.
И на дереве вырезал я
Имя нежное: «Берзина Вита»...

Налетела, умчала гроза
Мое сердце на листья, на ветер,
И так юно, в цвету и слезах,
Надо мною качаются ветви...

<1930>

Две тысячи назад звали б вас богом,
Стоял бы в храме ваш медный гений,
За тысячу — сделали бы святого, —
Теперь вы просто товарищ Ленин.
Теперь товарищ любимый, прекрасный,
милый.
Ничего из вас не сделать шаманам...
Только случайно писака унылый
О вас нацарапает пером поганым.
Поэты воспоют вас громом пэонов,
Ученые мир потрясут огнем вдохновений...
Никому не удастся сделать иконы
Из человеческого имени: Ленин!
Сутулы и сумрачны встали рыдая
И смотрят по степи на ветра движение.
Склоняется тихо земля, большая, родная,
И с нами твердит: умер товарищ Ленин.

1933—1934

С белорусского

ЯНКА КУПАЛА

ЗАКЛЯТЫЙ ЦВЕТОК

Лишь праздник Ивана Купалы
Приблизится с ночкой своей,
Цветка заповедного жало
Чарует несчастных людей...
С надеждой и верой и силой
Из мира, где песни и труд,
По чащам, долинам, могилам
За цветом бегут и бегут...
Сова пропоет о разлуке,
Лопочет крылами кожан...
Бессчетные тянутся руки,
Где дремлет купальский курган.
Тех радостно очи смеются,
Тем кровью зрачки залило,
Толкаются, корчатся, бьются,
Мешаются правда и зло.
И ветки хотят наклониться,
И вереск трещит под ногой;
Вот-вот за цветок ухватиться
Готовишься слабой рукой...
Ан нет! Гаснут звездные светы,
Откликнулся петел в селе,
Ни ночи купальской, ни цвета, —
Все сгибло, пропало во мгле.
Мигают безумные очи,
Бессчетные вздохи летят...
Сова не смолкает — хохочет,
Да крылья кожаньи свистят...
След косточки стелют — устлали...
Сдается — пора отдохнуть...
Но стоит явиться Купале —
Все снова бросаются в путь.

<1930>

ЗИМОЙ В ЛЕСУ

И легла тишина
Во бору за горой.
Хоть бы ветка одна
Прошумела листвой.
Снег пушистый залег
На сосне, под сосной,
Чернобыльник и мох
Он укутал собой...
Птичья стая молчит —
Будто полночь пришла...
Лишь топор простучит
Да привзвизгнет пила...
Это силу свою
Разминает мужик.
Словно воин в бою,
Дрогнул дуб — и поник.
Дальше — глушь, тишина,
Во бору за горой
Хоть бы ветка одна
Прошумела листвой.

<1930>

СНЕГ

Замела, как постель,
Лебединая бель
На поля, на курган...
Ворон, галка, кожан
Замерли не на смех:
Это снег, только снег...
За старухой землей
Ты постель, милый мой,
Навалил над душой,
Будто крест над межой...
Ах! Не твой ли тот смех:
Это снег, только снег.
Думы, песен полет
Лед облил, занял лед.

Он протек по лесам,
И свежей стало там,
Где жилье не на смех:
Это снег, только снег,
Ты и жил и любил,
Не погиб и забыл,
Что мечтать и жалеть,
Только в дали глядеть, —
Что прожить не на смех:
Это снег, только снег.
Кто родной иль чужой
Умер, кончил с землей,
Поп пропел, дрогнул звон —
Мертв — из памяти вон...
Бой за хлеб не на смех:
Это снег, только снег.
Может, легкие дни
Не затронут — ни-ни! —
Ни беда, ни нужда,
Ни огонь, ни вода,
Только счастье и смех:
Это снег, только снег...

<1930>

ДВЕ БЕРЕЗЫ

За околицей в грозы две стояли
березы,
Как одна две березы стояли,
И стонали сквозь слезы, истлевая,
березы,
Как одна две березы стонали.
О восходе под грозы все шумели
березы,
Как одна две березы шумели,
О закате сквозь слезы запевали
березы,

Как одна две березы все пели.
Что в грозу и в морозы пановали
березы,
Как одна на полях пановали,
Что качались и в грозы самовластно
березы,
Как одна погибая в печали.
Мстят небесные грозы — и качнулись
березы,
Как одна головой покачнули,
И навеки сквозь слезы две заснули
березы,
Как одна две березы заснули.

<1930>

НА РАССВЕТЕ

Еще переклик петушиный
Не слышен, и звезды суровы...
А в хате дымится лучина,
А в хате и песня и говор...
За прялкой с душистой куделью
Ждет пряха высокого солнца,
За ниточкой ниточку стелет,
Ворчит и ворчит веретенце.
Хоть веки повиты дремотой,
Хоть тянется тело к постели,
Все ж пряха поет над работой.
Пышнее челнок и тяжеле.
А в поле колотится буря,
Разносятся крики и стоны,
Застреха колотится в дури,
По стеклам бьет ливень студеный.
Бредет по дороге прохожий,
Сквозь бурю, сквозь вихри проклятий...
Он ищет оглядкой тревожной
Дорогу в болотистой гати.
Над ним только туча прольется,
Лишь темень, — как взглядом ни кинуть...

Неужто огонь не зажжется,
Неужто прохожему сгинуть?
А пряху мечты одолели,
В руках веретенце не скачет,
Склоняется тихо к кудели,
И кто-то сквозь сон ей маячит.
Ей снится: сквозь ветер, от злости
Крутящийся в поле, у хаты,
Прохожий приходит к ней в гости,
Такой молодой и богатый.
Улыбка цветет молодая,
И кровь запевает криницей...
Ей снится... Но кто разгадает,
Что пряхе пред зорькою снится.

<1930>

ПЛАЧЕТ ОСЕНЬ

Плачет осень за окном,
Слезы лязгают о стекла...
Обняла тревожным сном
Все, что сгнило и размокло.
Осень плачется сквозь сон,
Ветер жалобы разносит...
Плачь! Чего же хочет он?
Отвечай: чего он просит?
Плачет осень ночь и день,
Слезы лязгают об окна,
А по дому злая тень
Лезет, ткет свои волокна...
Это бродит грусть впотьмах,
Душу мучит в мокрой сети,
И тревожит в томных снах
Память о лесах и лете.

<1930>

КРЫМ

1

О Крым, неведомая сказка
Житья минувшего веков,
Которая одним — как ласка,
Другим — как лязганье оков.
И в шумном топоте столетий
Все так же ты глядишь светло,
Все так же тянут рыбу сети,
И соловей летит в силок.
Шуми извечным ладом, море,
И с ним — магнолия, платан;
О чем они шумят и спорят,
То знает полночь и туман.

2

На побережье крымских вод
В густую синь глядит Ай-Петри,
Вкруг туч веселый хоровод
Да пропасти, где бродят ветры.
Глядит Ай-Петри в дол с вершин
На мазанки и на палаты,
На ленты каменных путин —
Труды невольничьей лопаты.
А я, с далеких нив певец,
По Гаспре, как в силке, метуся.
Как тяжек Крымских гор венец,
Как тошно мне без Беларуси!

<1930>

С татарского

МУСА ДЖАЛИЛЬ

ВЕСНА

Я открываю солнцу грудь:
«Чахотка», — доктор говорит...
Пусть лижет солнце эту грудь,
Она от прежних ран болит...
Ну, что ж, ей надо отдохнуть,
И солнцем вновь она блеснет...
На белом камне я сижу,
Мне слышится весны поход —
Идут деревья, ветры ржут...
Преступен разве отдых мой?
Дышу я теплотой ночей,
Готовящих работу дней...
Я взял свое от войн и гроз.
Зачем же не смеяться мне,
Прошедшему сквозь грохот гроз,
Когда весна, сломав мороз,
Скачет, как бешеный снеговой поток,
Кружится безумный водоворот...
Тонкий, как кружево, как пушок,
Челтыр-челтыр — ломается лед
От жары богатыря-весны...
В небе лазурном, как взор Сарвар,
Тихая тень облаков-ресниц
Расходится, задрожав сперва,
Ласкал уколами небосклон...
Ну как мне не радоваться и не петь,
Как можно грустить, когда день
как з
Как песня, как музыка и как медь...
За то, чтобы крикнуть идущим дня
— Эти весны нам принадлежат, —
Я легкое отдал, я жизнь отдам,
Не оборачиваясь назад...
Я радуюсь дрожанью вен, —

Весна по руслам их течет...
И я кричу: ломая плен,
Не кровь ли двинулась вперед,
В днепровский яростный поход!
Трудом вскипает и поет...
«Чахотка», — доктор говорит...
Не прав он: это гул годин,
Которые, теснясь в груди,
Хранят походов грозный ритм
И пламя флагов впереди...

<1930>

С еврейского

ИЦИК ФЕФЕР

От украинской вольной шири,
От Волги, от калмыцких юрт,
От голубых снегов Сибири,
Где ветры древние поют,
Через леса,
Через пороги,
Через деревни и луга
Громит чащобы и берлоги
Веселых парубков нога.

И, по-соседски нагибаясь,
Друг другу шепчут дерева,
Листва — сияющая стая —
Бормочет слезные слова:

— Измерят острова глухие,
И выровняют, и сотрут...
Качнутся дубы вековые:
С них кожу древнюю сдерут...
Рубанок зашипит победно.
Топор просвищет...
И тогда
Мы упадем вершиной бедной
В тебя,
Днепровская вода.

Застонут клены.
Дуб завоет.
Упрямо захохочет гром...
Ударит молния.
Без боя
Старинный Днепр
Идет на слом.

Сама себя ты не узнаешь,
Казацтва древняя река...
Теперь вовек
Не закачаешь
Ни чайки ты,
Ни челнока...

Пожухнут листья.
Прель густая
Взойдет буграми на стволах...
Нас повезут бессильной стаей
На крепких солнечных возах,

В прохладных рощах Украины
Деревья новые взрастут.
На крыши песни упадут.
Шумит река.
Деревья ждут.
Рабочие идут.
Идут.

<1931>

Сегодня ветры бешено ревут.
Склоняется трава.
Бег ветра без дороги,
Крутятся челноки,
Людей зовет уют...
Зачем дрожите вы,
Днепровские пороги?

А помнится ли вам,
Как сотни лет назад
Вы были скопищем
Костров ночей и злобы?..
Валились головы...
Свистал свинцовый град...
Как тяжек страшный сон
Объевшейся утробы!

И запорожцы там,
В безлюдных зеленях,
Лежали мертвыми...
Река волчицей выла...
Казаки пьяные в багровых поясах,
Ус вьется по груди,
Крутой обрит затылок.
Молчанье — ваш удел.
Так рассыпайтесь в прах!
Другие удальцы
Приходят вам на смену...
Другие голоса проносятся в ветрах
Над ликом мертвецов,
Другая плещет пена.

Вы будете лежать
Под молодой водой...
Над вами Днепрострой
Возводит камень строг
Пороги нищие!
Как жалок ваш покой,
Как жалок ваш озноб,
Днепровские пороги!

<1931>

Когда пойдет вода,
Космата и мутна,
Три тысячи дворов
Враз захлестнет она...

Потонут ночь и день,
Деревья и поля,
Травой повитая
Мужицкая земля.

Три тысячи дворов,
Три тысячи дворов
Покроет водяной
Сияющий покров.

Петух не закричит,
Не скатится звезда,
Когда пойдет на штурм
Великая вода.

И вербы задрожат
И кланяться начнут,
И юные струи
Заборы разнесут.

Мандривка над водой,
Всплывают Кайдаки.
Где хаты с вишнями?
Где барвинков цветник?

И дождь не упадет,
Не налетит туман,
Когда из деревень
Уйдет толпа селян.

Лишь лошади заржут,
Коровы заревут,
Когда в последний раз
Покинут свой уют.

Размыты берега...
Гудит огромный плес...
И сожалений нет...
И не почуешь слез...

Селянский утлый скарб
Погружен на возы...
Волы мычат в ярме,
Колес протяжен зык...
Всё выше на гору —
Там не возьмет вода,
Там крыши как огонь,
Там окна как звезда.

Постелена кровать,
Дубовый стол широк,
Дверь нараспашку там,
И не висит замок.

Три тысячи дворов —
Вам надо умереть!
И сожалений нет!
Нет слез!
Все будут петь...

<1931>

Река любимая моя,
Великий Днепр, ты — широк.
О ребра каменные скал
Стучит бессонный твой поток.

Обвалы серые лежат,
Пороги преграждают ход
Твоим потокам боевым,
Стремящим к морю свой полет.

Река любимая моя,
Великий Днепр, твой поток
На фабриках, по деревням
Огни веселые зажег.

Ты возле рощи пробежишь,
Как вздох, как малая река.
Качнешь траву и закружишь
Большие крылья ветряка.

Река любимая моя —
Великий Днепр! Смотри вперед.
К одесским жарким берегам
Уходит тучный пароход.

И гроздья молодых годов
На берегах как виноград.
Пшеницей полные суда
Плывут в просторы и трубят.

И тучи низкие висят,
Вода дымится, как мазут, —
Суда из-за чужих морей
Чужие тракторы везут.

По хатам и по деревням
Проходит огненная сталь...
Пусть скалы серые гудят —
Им Украины не узнать.

<1931>

Над сгорбленной скалой
Круг солнца обновлен,
Вдоль берегов бегут
Взбешенные потоки.
Под сгорбленной скалой
Прохладен лунный сон,
На кленах день висит,
Прозрачный и глубокий.

В косматых сумерках
Взъерошенных лесов
К ветвям подвешены
Тяжелые светила.
Несется пыльный шум
В круговорот валов,
И небо падает
В клокочущее мыло.

Из сел покинутых,
Из брошенных садов
Плетутся биндюги
На сгорбленных колесах.
Биндюжники везут
Тяжелый груз столбов,
Глядят на свет звезды,
Горящей на откосах.

Из городов и сел
Им слышен шаг людей,
Идущих яростно
Чрез берега и реки.
Биндюжники везут
Тяжелый груз камней:
Им слышен крик воды,
Закованной навеки.

И за сердце берет
Тревожный черный страх
Седых биндюжников
С заросшими глазами...
Идет людской поток,
Кружится водный прах,
Над скалами встает
Иного солнца пламя!

<1931>

Туда — в безмолвье деревень,
В сырую тьму полей
Река пошлет по проводам
Несчетный блеск огней.

И силу дружную пошлет
По фабрикам она.
Уже по-новому поет
Днепровская волна.

По всем садам, по всем лесам,
В туннелях и на мост
Река рассыплет и зажжет
Огни бессчетных звезд.

Но этим звездам не дремать,
Как сестрам в небесах.
И не покачиваться им
На призрачных весах.

Они прольют веселый свет
По серым уголкам,
Они сиянье отдадут
Заброшенным снегам...

Клубки тяжелой темноты
Умчатся далеко.
Не пролетит по деревням
Постылый вой волков.

Над шириною водяной
Промчится крик трубы,
По берегам в чудесный день
Подымутся столбы.

И праздничною мишурой
Заблещут провода,
К ним человеческой рукой
Приделана звезда.

И проволоки побегут
На холм, в провалы, в ров.
Они, как стрелы, пролетят
Над странами хлебов.

Тогда припомнит старый Днепр
Печаль погибших дней.
И радость древняя пройдет
Процессией огней.

Теперь по берегам его
Взывают поезда,
По волнам медленно плывут
Груженые суда.

Перед твоим лицом, о Днепр,
Кто не прошел, скажи!
Ты помнишь ярости порыв
И горечь тайной лжи?

Ты битвы помнишь, помнишь смерть,
Победы помнишь ты,
Когда распались над водой
Старинные мосты?

Он помнит все,
Но он молчит.
Он медленно протек.
О, как отважно замолчал
Его певучий ток.

Но он в безмолвье деревень,
В сырую тьму полей,
Скорбя, послал по деревням
Несчетный блеск огней.

<1931>

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЭЗИИ

С французского

ПЬЕР РОНСАР

ПАСТУХ

В какую ночь глухую
Узнал я средь лугов
Волынку полевую
Бродячих пастухов?
Изваянный из персти,
Вручил мне бог степной
Пастуший плащ из шерсти
И верный посох мой.
Дал тихий голос мира
Напеву моему,
И хлеб и ломоть сыра
Вложил в мою суму,
Чтоб в час мерцаний лунных
Я вел по влаге рос
Овец сереброрунных
И круторогих коз.
Темнее, тише, глуше.
В туманах спит земля,
Лишь песнею пастушьей
Тревожимы поля.
И там, где ночь без силы
В сырой простор плывет,
Восход ширококрылый
Стада мои ведет.

1918

АРТУР РЕМБО

ПАРИЖ ЗАСЕЛЯЕТСЯ ВНОВЬ

Подлецы! Наводняйте вокзалы собой,
Солнце выдохом легким спалило
бульвары.
Вот расселся на западе город святой,
Изводимый подагрой и астмою старой.

Не волнуйтесь! Пожаров прилив и отлив
Обречен — выступают пожарные помпы!
И забыл тротуар, буржуазно-потлив,
Как играли в пятнашки румяные бомбы!

Уберите развалины! Бельма зрачков
Отражают свечение суток несвежих!
Вот республика рыжих, давильня боков,
Идиотская баржа щипков и насмешек!

Эти суки уже пожирают бинты!
Объедайтесь, крадите! Победою первой
Обесчещены улицы. Пейте, коты,
Ваше пиво, пропахшее дымом и спермой!

Захлебнитесь абсентом! У мокрых дверей
Мертвецы и сокровища брошены рядом.
Старичишки, лакеи, рыгайте скорей
В честь праматери вашей
с обрывистым задом.

Распахните гортани навстречу вину,
Сок лучей закипает, в кишечнике канув,
И распухшие губы роняют слюну
На клейменое дно пресловутых стаканов.

О, помойные глотки! Закисшие рты!
Где вино? Вот вино! Прощелыги,
к добыче!
Победители! Настежь держать животы!

Ну! Подставьте затылки
с покорностью бычьей.

Отворите ноздрю ароматам клоак,
Обмакните клинки в ядовитые гущи.
Вам поэт говорит, подымая кулак:
— Сутенеры и трусы! Безумствуйте пуще!

Для того, чтоб вы щупали влажный
живот
Вашей Родины-Матери, чтоб руками,
Раскидав ее груди, приставили рот
К потрясаемой спазмами яростной яме!

Сифилитики, воры, шуты, короли!
Ваши яды и ваши отребья не могут
Отравить эти комья парижской земли,
Смрадный город, как вшей, вас положат
под ноготь.

И когда, опроставшись от ужаса, вы
Возопите о деньгах, о доме, о пище,
Выйдет Красная Дева с грудями,
как львы,
Укрепляя для битвы свои кулачища!

Ты плясал ли когда-нибудь так,
мой Париж?
Получал столько ран ножевых,
мой Париж?
Ты валялся когда-нибудь так,
мой Париж?
На парижских своих мостовых,
мой Париж?

Горемычнейший из городов, мой Париж!
Ты почти умираешь от крови и тлена.
Кинь в грядущее плечи и головы крыш, —
Твое темное прошлое благословенно!

Намагничено тело для новых работ.
Приступ бледных стихов
в канализационных

Трубах. Ветер опавшие листья гребет.
И зальдевшие пальцы шныряют спросонок.

Что ж! И это недурно! Пускай
не смердит
Тельце дохлых стихов, что прикинулось
пением
Под округлыми веками кариатид
Звездный плач пробежал по лазурным
ступеням.

Ты покрылся паршою, цветут гнойники,
Ты отхожее место позора земного.
Слушай! Я прорицаю, воздев кулаки, —
В нимбе пуль ты воскреснешь
когда-нибудь снова!

Декламаторы молний приносят тебе
Рифм шары и зигзаги.
Воскресни ж неистов!
Чтобы слышался в каждой фабричной
трубе
Шаг герольдов с сердцами
оглохших горнистов!

Так возьми же, о родина, слезы котов,
Реквизит вдохновения и катастрофы.
Я взываю к тебе: мой подарок готов.
Принимай эти прыгающие строфы!

Так! Коммуна в развалинах.
Мир обнищал.
Льют дожди, и дома одевает проказа.
На кладбищенских стенах танцует овал —
Укрощенная злоба светильного газа!

1930

ЯН НИБОР

СТАРЫЙ РЫБАК

Поразмысли:
Тридцать лет, пожалуй,
За треской
Ты гонишься, отец;
Накопился капитал немалый:
Триста франков
В банке наконец.
Триста франков.
Сыновья — что кедры:
Высоки и соком налиты...
Чаек заповедь,
Законы ветра
У камина забываешь ты...
Хочешь белого —
Бутыль готова.
Хочешь красного —
Садись и пей.
Только помни:
В смутный день улова
Ты в залив не высыплешь сетей.
Как? Сетей?..
Вы — почтальона дети.
Вам на суше надлежало б жить.
Кто учил вас, как засыпать сети,
Как грести и острогою бить...
Нет, рука, я знаю, не устанет
Руль вертеть и шкоты собирать...
Мне ль на суше петухом горланить,
В кабаке под бочкой засыпать...
Мой завет, простой и небогатый,
Доведет меня до склона дней,
Чтобы ковш воды солоноватой
Был последней выпивкой моей.

1924

НОРМАНДИЯ

Жена, ты заштопала парус мой?
Ветер ударил с горы попутный,
Время нам двинуться за треской
Дорогой тревожной и бесприютной...
Ветер вдогонку — парус бугром,
В море гудящее вылетаем,
За убегающий волнолом
К тайно идущим рыбьим стаям...
Там, под водой, в голубом огне
Скал круторебрых выросли глыбы,
Желтый песок и трава на дне,
Желтый песок и черные рыбы.
Время бродяге дышать и петь —
Время веселое, трудовое, —
Падает с лодки, падает сеть
В море холодное и голубое...
Сверху на волнах солнце и зыбь,
Ветер проходит, звеня по водам,
А под водой вереницы рыб —
Движутся, движутся вдаль походом.
А под водой неизвестный путь —
Путь, затерявшийся в млечном свете, —
Прямо ведет их, не дав свернуть,
В тайно расставленные сети.
Движутся, движутся напролом,
Воду расталкивая плавниками;
Жабры вздувая, водят кругом
Фосфоресцирующими глазами...
Время бродяге кричать и петь,
Время веселое, трудовое, —
Вижу. Набита доверху сеть
Неосторожною трескою...
Шлюпка обратно — парус бугром, —
На берег дружно вылетаем, —
Сзади раскинулся волнолом,
Море, и ветер, и рыбьи стаи...

1924

ПОДАРОК

— Сын, пора!
— Вот сапоги достану!
Как спросонья затекла рука!
— Снаряжайся!
Ветер с океана!
В наши камни двинулась треска.
— Жанна, Жанна! Слушай, как упрямо
Этот ветер нашу крышу бьет...
Что-то с ними?
— Не волнуйся, мама,
Нынче утром возвратится бот...
— Есть! По ветру! Много ли работы?
Соль в глаза, да ветерок по лбу...
Носом в пену! Сбоку переметы
Высыпай — я боком подгребу.
— Есть, отец! Погода боевая,
Бот мотает, да рычит грубей...
. . . .
— Жанна, Жанна! Ветер завывает,
Ветер задыхается в трубе...

Раз! На весла!
Не видать дороги!
Влево мель! Направо поверни!
Прямо в берег, на песок отлог
Прямо в камни, к берегу гони!
— Есть! Держусь!
Но оторопь ночная
Весла гнет, и рук не разогнуть.
— Налегай! Я этот ветер знаю.
Боком, боком! В берег как-нибудь...
. . . .
— Что-то с ними делается, Жанна?
Чайки стонут, и норд-ост ревет...
— Мать, не плачь!
Из ветра и тумана
Утром, утром возвратится бот...
— Течь в борту!
Здесь камень, камень, камень!

Весла к черту!
Мачта на весу!
Сын, держись!
Рыбацкими руками
Я спасу тебя, спасу, спасу!

Ветер ходит,
Ветер крышу бьет,
Перевернутый качает бот...

— Это вы, Мари? На вас лица нет!
— Жанна, Жанна! Зачерпни вина...
— Дорогие, вас навылет ранит
То, что я вам сообщить должна:
Вот мешок, разодранный и старый,
Вот мешок из тысячи мешков,
Но в него завернуты две пары
Порванных рыбацких башмаков...
Их сегодня у восточных скал
Кум Керсак случайно отыскал.

1924

ОСЕНЬ

Осень яблоками пахнет,
Вся Нормандия в садах.
Целый день поёшь на яхте,
Слышишь ветер в парусах.

Деревенского покоя
Пил и я, не так давно.
Яблочное, молодое,
Августовское вино.

Отдыхать приятно было.
Тишина, часы стучат.
Над деревнею застыла
Синева, как век назад.

Так же утром башмаками
Матушка стучит всегда,
И, гонимы пастухами,
Те же движутся стада.

Вечер скудный и пустынный,
Освещаемый свечой, —
На задворках гам гусиный,
Голос пса сторожевой.

Все в покое разомлело,
Тишины не побороть.
Не морское это дело —
Кур кормить, гусей колоть!

Но средь этого покоя
Вспоминается одно:
Яблочное, молодое,
Августовское вино.

Так и брызжет вон из чана,
Ходит силой дрожжевой,
Зачерпни скорее, Жанна,
Этой влаги золотой.

Свежей горечью играет,
Бродит, сердце шевеля.
Слышу — капитан ругает:
«Замечтался у руля!»

Замечтавшись, не заметил,
Как подходит полоса,
Как ложится шхуна в ветер,
Как полощут паруса.

Осень яблоками пахнет,
Вся Нормандия цветет,
Но рассеянность на вахте
Нас к добру не приведет!

1924

С турецкого

НАЗЫМ ХИКМЕТ

ВОСТОК И ЗАПАД

Мистерия,
Покорность,
Фатализм,
Решетчатые окна,
Вырезной карниз,
Караван-сараи и караваны,
На площадях прохладные фонтаны.

Под рассказ Шехерезады
Год и тысячу лет
Отдыхает падишах над бассейном
лазурны
Через легкий и розовый минарет
Перекинулись коралловые котурны.

Женщина с носом, раскрашенным хной,
Розы на пяльцах вышивает ногой;
По улицам рыщут собаки и люди;
Султанша танцует на серебряном блюде,
И с восходом зари
И навстречу ветрам
Стонет зеленобородый имам.

Вот Восток европейских поэм и романов,
Тысячи книг,
Выходящих в течение минутного срока,
Но ни вчера, ни сегодня,
Ни поздно, ни рано
Нет, не было и не будет такого Востока.
Дом для всех,
Кроме жителей этой страны,
Где рабы на гибель обречены.
В этой житнице, полной пшеницы
и золота,
Голод околевает от голода.

Азия.
Смуглые люди Китая,
Легконогие кули
И тонкие китаянки,
Словно желтые свечи, свисают
С бронированных башен
Дредноутов янки...
И у черных Афганских ворот,
И на самых снежных скалах Эвереста
Офицеры Британии отплясывают фокстрот
Под дребезжания негритянского оркестра.
Они обмакивают черные ногти ног
В Ганг, где плывут белозубые
трупы индусов.

Анатолия,
Ты полигон,
На котором Армстронг
Рассыпает снарядов свистящие бусы.
Довольно.
Грудь Азии полна,
Глотка Востока набита до края,
Довольно глотала наша страна
Пшеницу свинцового урожая.
И если даже
Один из нас
Воскресит нашу последнюю
издохшую корову,
Мы руку ему отведем сурово
И скажем:
— Исчезни с наших глаз
Даже вы,
Вы, Пьер Лоти, —
Эта вошь на клеенчато-желтой коже,
Переносящая тиф
От брата к брату, —
Даже эта вошь
Нам родней и дороже,
Чем ваша выправка французского солдата.

Ах,
Вы забыли,

Как в тихой воде
Отражались виноградные глаза Азиадэ,
И ваше орудие разметало злобно
Поставленный в наших сердцах
Камень ее надгробный.
Тот, кто не знает,
Пускай узнает:
Вы нарумяненный шарлатан.
Вы, прикрывая кинжал в кармане,
Нам продавали в караван-сарае
Гнилые французские ткани,
Сотню на сотне беря за обман.
Вам броненосцы свозили мины,
Литым бушпритом воду жуя.
Мы знаем теперь,
Из какой свинины
Вы были вырезаны, буржуа.
Если б я верил
В бессмертие вашей души, —
В час мятежа,
Когда пули поют, как осы,
Я бы вздернул ее
Под гуденье машин
На мосту —
И закурил папиросу.
О санкюлоты Европы!
Я протянул свои руки вам
Через овраги и тропы,
Мы все протянули руки вам,
О санкюлоты Европы!
Сдвигайте ж коней
Под копытный гром
С нашими красными конями.
Восстающий Восток
Кровавым платком
Размахивает перед нами.
Остановка близка. Нам путь готов.
Пожаром дымись, отчизна.
Наша конница грянет шипами подков
В брюхо империализма.

1926

ПОЭТ

Я — поэт.
Мой свист, как сталь,
Вонзает молнии
В стены домов.

Мои глаза
На двести метров вдаль
Различают двух
Сцепившихся жуков.

И этим ли глазам
Сквозь ночи мрак и холод
Не разглядеть,
Что мир двуногих
Надвое расколот...

Если ты спросишь,
Из какой я части света,
Где я жил и что я видел,
Загляни в мой карман.
Тебе ответит на это
Ломоть черного хлеба,
Читающий «Капитал».

Я — поэт,
Понимаю поэзии дело,
Не развлекаюсь разговорами о лазури...
Моя самая любимая газелла —
Анти-Дюринг.

Я — поэт,
Я ронял стихотворные темы
Больше, чем капель осень роняла,
Но прежде чем запеть
Мои конструктивные поэмы,
Я должен стать
Начетчиком «Капитала»...

Я — старый волк футбола...
Когда форварды Уругвая
(Еще в начале нашего века)
Были ордой ребятишек веселых,—
Я на землю бросал
Самых тяжелых,
Самых огромных хавбеков...

Я — старый волк футбола.
И когда мяч из центра
Несется в лоб,
Я его отбиваю:
Гоп...

И он, пролетая под балкой ворот,
Над форвардов
Ошалелой грудой,
Через разинутый
От удивленья рот
Голкипера, —
Влетает в его желудок...
Это мой метод защиты.

Не правда ли — хороша?
Мои башмаки научились
Ей у карандаша.
И карандашей этих строки —
Не перекличка лир;
Они проникают умело
В дыры вашего тела —
В ваши девять дыр.
И каждого слова
Грубый кусок
Камнем ложится
В плесень кишок.

Мы — поэты...
Ну...
Мы сказали уже об этом.

1931

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ПЕРЕВОДЫ

Из поэзии народов СССР

С украинского

МИКОЛА БАЖАН

ВЛАДИМИР СОСЮРА

С белорусского

ЯНКА КУПАЛА

С татарского

С еврейского

Из зарубежной поэзии

С французского

С турецкого

Эдуард Георгиевич Багрицкий

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Зав. редакцией *А. Лукашин*
Редактор *Н. Гашева*
Художник *М. Курушин*
Художественный редактор *М. Бурдов*
Технический редактор *Л. Псарева*
Корректоры *Л. Крамаренко, Г. Борсук*

ИБ № 1465

Сдано в набор 15. 08. 85. Подписано в печать 25. 02. 86. Формат бумаги $70\times108^1/_{64}$. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,4. Уч.-изд. л. 16,790. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Заказ № 565. Цена 1 р. 80 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Багрицкий Э. Г.
Б14 Стихотворения и поэмы. — Пермь: Кн. изд-во, 1986. — 382 с.

В книгу вошли стихи, поэмы и переводы известного советского поэта.

Б $\frac{4702010200-21}{М152(03)-86}$ 32—86 Р1